

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

ISSN 0132-0831

10

1988

Начальник инспекции по делам несовершеннолетних Вахитовского райотдела внутренних дел г. Казани А. Путулян много внимания уделяет профилактической работе среди подростков района.

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

№ 10 (214) ОКТЯБРЬ 1988
ИЗДАЕТСЯ С 1971 ГОДА

Ежемесячный
научно-популярный
журнал
Министерства
юстиции СССР

Издательство
«Правда»
Москва

Главный редактор

В. М. Сиренко

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

С. И. Бабошко,

Г. К. Большакова (заместитель
главного редактора),

В. А. Журавлев

(ответственный секретарь),

Б. В. Заботин, И. Н. Кузнецов,

В. Д. Поволяев,

И. С. Самощенко, П. И. Седугин,

Ю. С. Семенов, Е. В. Смирнова,

А. Я. Сухарев, А. А. Требков,

А. М. Филатов

Технический редактор И. П. КАЛАЧЕВА
Оформление В. А. БУРКИНА.

Адрес редакции:
129850, ГСП, Москва, И-110, Олимпийский проспект, 22.
Телефон 281-68.12

В номере

■ ПЕРЕСТРОЙКА: ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ И ПРАВО

С. РОМАНОВ. Экстремальная ситуация 4

■ ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

Власть и право. «Круглый стол» журнала 10
И строгость, и гуманность. Беседа с заместителем начальника
управления МВД Л. ФРОЛОВЫМ 25

■
С. АЛЕКСАНДРОВИЧ. Беда. Судебный очерк 31

СУДЕБНАЯ ХРОНИКА
М. МИРОНОВ. Под маской «индивидуалов» 40

■ ЮРИДИЧЕСКИЙ ВСЕОБУЧ: ОПЫТ. ПРОБЛЕМЫ

НОВОЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Л. КАРАТЕЕВ. И труд, и учеба. Комментарий Положения
о порядке и условиях добровольного труда учащихся
общеобразовательной и профессиональной школы
в свободное от учебы время 42

РУКОВОДИТЕЛЮ О ЗАКОНЕ

В. ШАХОВ. Кто главнее? 45
Юрист консультирует директора 48

МОЛОДЕЖИ О ПРАВЕ

В. ИСАКОВ. Проступок 49
С. ИВАНОВ. С тимуровским бескорытием 53
Н. КОСЯКОВА. Зависит от преподавателя 54

ПО ПРОТЕСТУ ПРОКУРОРА 56
ЮРИДИЧЕСКИЙ ПРАКТИКУМ 57

ОТ А до Я

Постоянные комиссии Советов 57
ИГРОТЕКА «4 и 3» 60

ЗАОЧНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

М. КАРЫШЕВ. Забота о ветеранах 61
А. НОВАРЧУК. Инвалиды с детства: правовое положение.
Письма читателей комментирует юрист 62

КНИЖНАЯ ПОЛКА
Советуем прочитать 65

ПРОЧИТАЙТЕ — МОЖЕТ ПРИГОДИТЬСЯ
Испытательный срок 68

■ СОБЕСЕДНИК

В. ОБУХОВ, Г. СИМОНЯН. По неотложным обстоятельствам...	80
ПОЧТА КООПЕРАТОРА	
И. ПРИХОДЬКО. По какой цене!	83
из ЗАЛА СУДА	
А. ДОРОНИНА. После кайфа	87
С. КУЗИН. Все на продажу	89
ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК «4 и 3»	
В. АНДРЮЩЕНКО. Наказывать строже	93
А. ВОЛУЕВИЧ. Не будьте категоричны	94
И. ЛАЕРТ. Не оскорбляйте мужчин	95
Редакции отвечают	96
МИНИ-ДЕТЕКТИВ	
Преступник-изобретатель	97
❖	
НАШИ ИНТЕРВЬЮ	
Знакомьтесь: театр «Детектив». Беседа с художественным руководителем театра народным артистом РСФСР В. Ливановым	98
❖	
С. ВЫСОЦКИЙ. Пунктирная линия. Повесть. Продолжение	103
❖	
ФЕЛЬЕТОН	
А. ПАДАР. Лучший подарок...	125
❖	
КРОССВОРД	
Знаете ли вы право!	127

НА ОБЛОЖКЕ:

Первая страница

Делегат XIX Всесоюзной партконференции Ю. Жердев работает наладчиком автоматических линий Курского электроаппаратного завода. Много лет он был председателем товарищеского суда, сейчас избран заместителем председателя совета трудового коллектива предприятия.

Четвертая страница

Фотоэтиюд В. Зимины.

ЭКСТРЕМАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ

Три колонки текста под заголовком «Сообщает прокуратура» были аккуратно наклеены на картонку размером 15 X 20 сантиметров. Нетрудно догадаться — это было сделано для того, чтобы заметку из многотиражной газеты киришского биохимического завода (БХЗ) раньше времени не зачитали до дыр. Картонка, по всей видимости, долго ходила по рукам. Читали внимательно, изучая каждую строчку. «Ага,— со вздохом облегчения говорили при этом одни,— значит, в действиях Хитрина состава преступления не выявлено». Другие, наоборот, сердито сжимали губы: «Все-таки за такую клевету не мешало бы привлечь к ответу. А то что же получается, если каждый начнет выдавать свои соображения за научные данные?» И так — из рук в руки.

Читали вначале на биохимическом заводе. Потом вырезка попала на соседнюю ГРЭС-19, затем обсуждалась работниками нефтеперерабатывающего. Словом, с ней ознакомились почти все жители города. И вот промасленная, затертая отпечатками тысяч пальцев, с изорванными, обломанными углами картонка попала ко мне.

Нисколько не сомневаюсь: по рукам в Киришах ходят еще десятки таких картонок и вырезок из газеты. Видно, случай с Хитриным, на которого работники биохимзавода обратились в городскую прокуратуру, дабы привлечь к уголовной ответственности за клевету, не оставил равнодушным ни одного из жителей города.

Так в чем же сыр-бор?

Дело в том, что Владимир Хитрин при поддержке своих товарищей по «Самодеятельной секции № 6», в которой он состоит, распространял по городу информацию о якобы увеличивающейся заболеваемости женщин на БХЗ и о влиянии производства белково-витаминного концентрата (БВК) на здоровье человека. Впрочем, эта его «акция» стала кульминацией всех предыдущих событий, которые с курьерской скоростью разворачивались в городе.

Итак, записка сделана. Теперь обо всем по порядку.

...Киришам, что расположились на берегу Волхова в 130 километрах от Ленинграда,— не более четверти века. И хотя этот город совсем еще молодой, в одно мгновение о нем узнала вся страна. Да что там страна — за рубежом слышаны. Не где-нибудь, а именно в Киришах в прошлом году прошло несколько незапланированных митингов и демонстраций, в которых приняла участие добрая четверть жителей. А все потому, что однажды главный врач Киришской центральной районной больницы В. П. Есиновский, анализируя статистику, обнаружил, что количество заболеваний бронхиальной астмой увеличилось в двадцать раз. В дальнейшем пришел к выводу: резко возросло и число других

заболеваний. И Есиновский поставил диагноз: экстремальная ситуация, виной тому, дескать, выбросы пыли белка с биохимзавода.

Шила в мешке не утаишь, и через некоторое время о диагнозе узнали жители города. И вскоре Кириши напоминали растревоженный улей. На митингах, что организовывались один за другим, говорили: мол, главной мишенью биохимзавода стали дети, увеличилась их смертность. Другие ораторы утверждали: якобы уже не только в ушах, но и в крови у них найден белок. Третьи вторили: на ногах начали расти какие-то грибки и даже живые клетки. Работала цепная реакция. И вот уже кто-то подумывает, дескать, белково-витаминный концентрат вызывает СПИД, рак, различные тяжелые женские болезни, которые сказываются на потомстве, и другие страшные напасти.

На одну из демонстраций Владимир Хитрин вышел с плакатом. На транспаранте — фотография его полутрагического умершего сына и надпись «Это ваших рук дело, товарищи с БХЗ». Горькая реклама сработала моментально: некоторые родители поверили, что их дети тоже погибли из-за пыли белка. Наверное, не стоит говорить, какой становится психика любой матери, когда ее ребенку угрожает опасность.

Спешно образовалась инициативная группа под названием «Секция № 6». Неформалы первыми и выдвинули лозунг «Остановить завод!».

В общем, морально-психологическая обстановка в городе обострилась до предела. Наконец, тысячи людей подписались под заявлением, которое без промедления было направлено в Президиум Совета Министров СССР. «В нашем городе, — говорилось в письме, — возникла острая социально-экологическая ситуация, требующая принятия срочных и эффективных мер со стороны правительства. В связи с этим просим остановить работу биохимзавода...»

Случай, надо заметить, беспрецедентный. В Кириши выехала специальная комиссия Минмедбиопрома СССР. Завод тут же остановили на реконструкцию, администрация была наказана за технические ошибки. Члены комиссии заверили население, что в самое короткое время специалисты во всем разберутся — завод будет работать без выбросов.

На том бы и поставить точку. Но инициативная группа по-прежнему требовала навсегда закрыть предприятие. Мотивировка: БВК — враг, БХЗ — убийца. Собственно говоря, к такому выводу пришли с подачи местных врачей.

Если утверждают медики, то дело, известно, требует особо тщательной проверки. И в Кириши выезжает представительная бригада московских и ленинградских врачей из самых, можно сказать, авторитетных научно-исследовательских институтов АМН СССР и Минздрава. Ниже звания кандидата наук в комиссии практически никого не было. Время не терпит, город гудит, и врачи, не мешкая, принялись за работу. В течение 20 дней специалисты осмотрели 2350 человек, обследовали состояние здоровья у 10 процентов детского населения города. Внимательно ознакомившись с документами десяти умерших за последнее время детей в возрасте от 6 дней до 1,5 лет, установили: скончались от осложнения ОРЗ. Никакой связи между погибшими детьми и незначительными выбросами белка с БХЗ в атмосфере члены комиссии не нашли.

А заболеваемость астмой? Действительно, увеличилась. Но не в 20, а в 2 раза. Хотя опять же эта болезнь на сегодняшний день не превышает среднестатистические данные по Ленинградской области. За счет ОРЗ в 1,3 раза у взрослых подскочила и общая заболеваемость.

Потом мы беседовали с академиком АМН СССР П. Бургасовым по этому поводу. Петр Николаевич не спеша рассуждал:

— Знаете, почему болеть стали больше? Могут назвать две причины. Во-первых, не удивляйтесь, это «заслуга» медиков. А соль в том, что Кириши и по количеству врачей и по качеству их работы превосходят «медицинский сервис» по сравнению с другими городами. Укрупненный штат медиков здесь, как говорится, не сидит сложа руки. Ищет себе работу. Не ждет, как это часто случается в других городах, когда люди запишутся на прием, а сами идут в народ. В итоге и случаев заболеваемости выявляется больше. Во-вторых, Кириши, как уже говорилось, город молодой. Средний возраст населения в нем 32—33 года. Следовательно, 35—40 процентов населения — это девчонки и мальчишки. Опять же, заметьте, «детский процент» в Киришах гораздо выше, чем, скажем, в каком-либо другом городе с давней историей. А значит, и количество детских заболеваний на тысячу человек населения увеличивается.

Логично? Кажется, вполне.

Что касается других болезней, то тут информация такова: поражения нервной системы, гипотрофия, ОРЗ, болезнь кожи и подкожной клетчатки у детей не выходит за рамки среднестатистических показателей по СССР. А заболеваемость злокачественными образованиями с 1968 по 1986 годы сократилась в 2 раза. Одним словом, уровень заболеваемости и смертности населения как взрослого, так и детского находится в пределах, что соответствует среднему возрасту населения Киришей и по всем показателям ниже, чем по Ленинградской области и СССР.

Казалось бы, на каждую «и» есть и своя точка. Врачи уехали. Инженеры продолжали работать над созданием новой технологии безотходного производства. Контрольные проверки показали, что в воздух не попадает ни грамма белка. Многие жители занялись своими повседневными делами. Только активисты «Секции № 6» по-прежнему требовали демонтажа или на худой конец репрофилирования завода на новый вид продукции. По-прежнему раздалось: если БВК не враг, то как объяснить смерть детей Хитрина, Воронкова...

Прежде чем рассмотрим итоги еще одной комиссии, позволю себе сделать небольшое отступление. Думается, настало время разобраться: так ли страшен черт, как его малюют? А именно, что собой представляет этот злополучный БВК, каково его влияние на здоровье? Наконец, насколько ценен этот продукт?

Все началось еще в 1964 году, когда в течение двенадцати лет в нашей стране были проведены комплексные медицинские, ветеринарные и зоотехнические исследования кормовых дрожжей (или белка) на большом поголовье животных и птиц. Специалисты из более чем двадцати НИИ Минздрава СССР, тогдашнего Минсельхоза СССР, ВАСХНИЛ, АМН СССР и АН СССР изучали безвредность и биологическую ценность БВК. К чему пришли?

Выяснилось, что БВК из нефтехимического сырья явились ценной высокобелковой добавкой. По кормовым свойствам они превосходят белковые продукты животного происхождения, такие, как рыбная и мясокостная мука, и в несколько раз больше белок растительный. Велись и долговременные наблюдения за состоянием здоровья добровольцев, в питание которых были включены мясные продукты. Сегодня ни у одного из ученых не вызывает сомнения, что сырье для производства паприна — очищенные жидкие нефтепарафины — не содержат канцерогенных веществ. Установлено, что БВК не влияет на образование злокачественных опухолей и развитие лейкоза, появления уродства у потомства, наследственных нарушений или какого-либо иного вредного действия на развитие плода. Таким образом, на все сомнительные вопросы о безопасности авторитетные медицинские эксперты однозначно дали положительные заключения.

Колхозы же и совхозы обращались с просьбами к директорам заводов: не забыть снабдить БВК. Концентрат для них — прямая выгода. Любой знающий дело председатель скажет, что 1 тонна дрожжей в корме обеспечивает дополнительное производство 0,4—0,6 тонны свинины, до 1,5 тонны мяса птицы, 25—30 тысяч штук яиц. Рачительный председатель прикидывал в уме, что, имея тонну дрожжей, он может сэкономить 5—7 тонн зерна.

Такова значимость и ценность БВК.

Теперь вернемся к работе очередной комиссии. На этот раз шесть врачей-экспертов Ленoblздравотдела приехали в Кириши, чтобы дать объективное заключение по поводу смерти сына Владимира Хитрина.

Да простит мне Владимир, что в материале так часто упоминается его фамилия, но это единственный, на мой взгляд, способ сблечь общественное мнение тысяч людей от вымысла и ошибок в суждениях, которые, известно, в таких случаях не лучшие, а худшие помощники в оздоровлении психологического климата в городе. Так вот все шесть врачей признали, что дети Хитрина и Воронкова погибли вовсе не от воздействия пыли белка, а в результате вирусной инфекции. Медпомощь, которую старались оказать больным киришские врачи, в целом проводилась правильно. Для полной объективности замечу, что экспертами, правда, были найдены некоторые незначительные погрешности при лечении. Но и их устранение несколько не гарантировало благоприятного исхода.

Я понимаю горе Володи и его семьи. Самому пришлось оказаться в аналогичной ситуации. Знаю, каждый подобное переживает по-своему. Одни замыкаются, предпочитаемая уединение. Другие с головой уходят в работу. Третьи желают выплеснуть всю свою боль людям. Но при всех случаях важно одно, чтобы личная боль в каком бы то ни было выражении не превратилась в обиду, не нанесла вреда окружающим, товарищам.

Володя Хитрин занялся общественной работой. Стал активным членом «Секции № 6», которая в изначальной своей деятельности играла положительную роль в оздоровлении экологической обстановки в Киришах. Это их, неформалов, заслуга в том, что в городе остановлено и навсегда закрыто гидролизное производство на БХЗ. Но, не разобравшись до конца, ребята стали требовать и остановки всего завода. Мол, белок-де всему виной. И вот уже группой активистов отвергаются признанные авторитеты, ставятся

под сомнения выводы ученых. И безопасность применения продукта, и его экономическая эффективность, и его медицинская сторона дела. Как говорится, игра идет по схеме — не знаю, не верю, доказать не могу, но от кого-то слышал, где-то читал, и потому сомневаюсь и протестую.

Так появилась на свет история о заболеваемости женщин на производстве БВК, которую Владимир Хитрин выдвинул за отработанную научную теорию. По поручению секции он написал сообщение «О влиянии БВК на работниц БХЗ, население и детей» и выступил с ним на августовском митинге. Я могу теперь себе представить, каких только страхов не натерпелись в очередной раз бедные женщины.

Врач-гинеколог Киришской ЦРБ Е. Мельхер в полном недоумении: углубленного анализа заболеваемости женщин на БХЗ в связи с его воздействием на организм в больнице не проводилось. Поэтому ни один из киришских гинекологов сделать какие-либо выводы о влиянии производства БВК на здоровье работниц БХЗ не брался. Наоборот, по поводу беременности женщин специалисты высказывались определенно: за 11 последних лет не отмечалось роста недоношенных детей. Мало того, за несколько лет до пуска БХЗ этот уровень был даже выше. Что касается врожденных аномалий развития у детей, то за последние три года они снизились в 2,1 раза.

Откуда появились у Хитрина сомнительные сведения? Поначалу он ссылался на главного врача Глажевской больницы А. Задорожнюка. И когда последний наотрез отказался от выдачи подобной информации, Владимир сознался: он использовал материалы конференции, которая в 1982 году под названием «Биологический фактор, производственная и окружающая среда, здоровье человека» проходила в Киришах. Присутствовавший на встрече Хитрина с женщинами БХЗ главный врач Киришской СЭС А. Пудяков был изумлен: «Зачем же вводить в заблуждение жителей города? Научные труды не только не узаконены, но даже и не подвергались полемике в научном мире!»

Возникает вопрос: кому же выгодно мутить воду? Может быть, отдельным лицам, жаждущим признания и известности, полученных любым, пусть даже самым скандальным способом?

А случай для очередного скандала снова представился. Члены «Секции № 6» собирают новый митинг, теперь якобы в защиту незаконно уволенных из местного родильного дома врачей и медицинских работников. И хотя мероприятие получилось немногочисленным, выступающие разглагольствовали, дескать, увольнения — это месть работникам БХЗ. Требовали восстановить уволенных. Хотя опять же компетентная комиссия установила действительные причины. На протяжении нескольких лет в роддоме происходили грубые нарушения санитарно-эпидемиологического режима, отмечалась неправильная работа всех его организаций. В результате занесена инфекция, заболело семеро детей. Так что наказание последовало вполне справедливое. Справедливое, но отнюдь не устраивающее неформалов.

Как объяснить этот факт? Невежеством, вседозволенностью или намеренным подстрекательством? Чьи интересы, хотелось бы знать, в этом случае защищали представители «Секции № 6»? Народа? Или рожениц, у которых заболели дети? А, может быть, защища-

ли свои амбиции? Тем не менее митинг состоялся. Собралась кучка людей. Многие горожане, которые начали понимать, откуда дует ветер, отказались принимать участие в митинге. Другие просто проходили мимо, ибо ничего общего с проблемами охраны окружающей среды новое мероприятие не имело...

Движение самодеятельных групп мы сегодня рассматриваем в русле перестройки. В эти объединения не случайно потянулись люди беспокойные, взволнованные переменами в нашей жизни. Они поддерживают все новое. Помогают своими знаниями, опытом, энергией, инициативой, дельными, обоснованными предложениями. Правда, среди неформальных объединений, бывает, попадают и такие, кому доставляет большое удовольствие поносить других. При этом они как бы сами возвышаются, сами себе кажутся смелыми, социально активными... Не утратила ли своих первоначальных позиций «Секция № 6»?

...В возбуждении уголовного дела в отношении Владимира Хитрина было отказано за отсутствием в его действиях состава преступления. Хотя, честно признаться, ходил он в той истории по лезвию ножа. Да еще осталась картонка с газетным текстом, где говорится, что в соответствии со статьей 7 ГК РСФСР гражданин или организация вправе требовать по суду опровержения порочащих их честь и достоинство сведений. Впрочем, обращения в суд не последовало.

С. РОМАНОВ,
начальник отдела Минмедбиопрома

От редакции: В статье «Экстремальная ситуация» С. Романов выражает свою точку зрения на конфликт в Киришах. Впрочем, она кажется редакции достаточно убедительной, поскольку автор предоставил нам подтверждающие его мнение документы.

Редакция готова дать слово и «противоположной» стороне. Но главное — чтобы другая точка зрения на положение в Киришах тоже была достаточно доказательной, аргументированной. Ибо это — одно из главных условий публичной полемики.

ВЛАСТЬ

«Круглый стол» журнала

Реформа политической системы немислима без формирования социалистического правового государства.

А что такое правовое государство? Об этом шла речь за «круглым столом» редакции.

В беседе принимали участие: директор Всесоюзного научно-исследовательского института советского законодательства доктор юридических наук Вениамин Федорович Яковлев, заведующий отделом Института государства и права Академии наук СССР доктор юридических наук Валерий Михайлович Савицкий, ректор Всесоюзного юридического заочного института доктор юридических наук Олег Емельянович Кутафин, заведующий сектором Института государства и права Академии наук СССР доктор юридических наук Владик Сумбатович Нерсесянц, проректор Свердловского юридического института доктор юридических наук Виктор Дмитриевич Перевалов. Ведет беседу главный редактор журнала «Человек и закон» Владимир Михайлович Сиренко.

В. Сиренко. Даже сейчас, спустя несколько месяцев, все мы находимся под впечатлением бурной полемики, развернувшейся на XIX Всесоюзной партийной конференции. И сегодня острые дискуссии продолжаются. В них разные оценки, разные мнения — от привычного восторга до некоторого разочарования. И это естественно, ибо все новое, как известно, рождается с трудом.

Но главное, пожалуй, в том, что люди поверили в перестройку, приняли ее и выступают за ее углубление.

Многое изменилось в нашей жизни. В ее идейно-политическую и общественную атмосферу прочно входят демократизация и гласность. Начался процесс оздоровления экономики страны, набирают силу новые методы хозяйствования.

Однако мы знаем, что до сих пор среди хозяйственных, партийных и советских руководителей есть еще и такие, которые уверовали в то, что они неприкасаемы, что их действия неподвластны никакому контролю, в том числе и правовому. Все это неизбежно приводит к нарушению законности, к коррупции, взяточничеству и, что самое страшное, привлечению к уголовной ответственности невинных.

К сожалению, приходится констатировать, что и наше законодательство отстало от жизни. Поэтому ряд правовых актов оказался не рычагом перестройки, а ее тормозом.

Мы должны отчетливо понимать, что все решения, принятые на конференции, достигнут своей цели только тогда, когда осуществляться они будут на строгой правовой основе. Только тогда, когда каждый поймет, что соблюдение законности — это не кампания, это

И ПРАВО

образ жизни. Его и должна утвердить намеченная партконференцией правовая реформа.

Среди множества задач, которые предстоит решить в период ее осуществления, наиважнейшая — формирование социалистического правового государства.

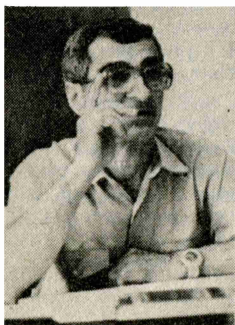
Невольно напрашивается вопрос: значит, у нас не было правового государства? И все наши правовые институты не имели такого качества, чтобы их рассматривать как элементы правового государства? Если так, то получается, что до сих пор мы жили по закону джунглей или же по порядкам 37-го года. Но ведь это неверно.

В. Яковлев. Конечно, неверно. Как и всякое государство, мы жили и живем по законам нашей страны. Другое дело, что эти законы не всегда и всеми соблюдались, что, кстати, характерно и для других государств. Вот почему мы сейчас говорим о необходимости проведения правовой реформы, которая должна обеспечить верховенство закона во всех сферах жизни общества.

В. Сиренко. Потому, мне думается, прежде всего нам надо попытаться охарактеризовать, что же такое правовое государство.

В. Нерсесянц. Надо сказать, что идея создания правового социалистического государства — это совершенно новая идея.

В. Яковлев. А почему, собственно говоря, такая идея возникла? Почему сейчас, в период перестройки, мы поставили так остро этот вопрос да еще связали его с радикальной реформой политической системы?

В. С. Нерсесянц

В. Д. Перевалов

В. М. Савицкий

В. Нерсисянц. Давайте обратимся к истории. По сути дела, до конца 50-х годов у нас доминировало представление о том, что государственность до коммунизма может быть только в виде диктатуры пролетариата. Когда же коммунизм будет построен, произойдет отмирание государства и права.

Таким образом, развитие социалистического государства и права было, конечно, ослаблено или, во всяком случае, заторможено.

Далее. До середины 30-х годов господствовало представление о возможности при социализме лишь «буржуазного права». Это означало, что возможность права социалистического как такового в то время отрицалась. В итоге — установка на отмирание государства и права, с одной стороны; и невозможность собственно социалистического права — с другой, тормозили развитие политической системы.

На смену этим представлениям в середине 30-х годов пришло другое направление — школа Вышинского. Суть ее в следующем — все, что у нас есть, это и есть социалистическое государство, это и есть социалистическое право. При этом под словом «все» подразумевалось не что-то абстрактное, а вполне конкретная административно-командная система, аппаратно-властное представление о государственности и приказное представление о праве. Надо сказать, что представление о праве как о приказных нормах, закрепленное в 1938 году на совещании юристов под руководством Вышинского, доминирует и в наши дни. Недавно вышла книга, в которой говорится, что основной недостаток определения понятия права 38-го года состоит в том, что там не отмечается воспитательная роль права. Вот видите, в чем, оказывается, «единственный» недостаток этого определения!

И, наконец, 60-е годы, когда на смену диктатуре пролетариата была выдвинута идея общенародного государства. В 1977 году Конституция СССР дополнила эту идею идеей о правовых основах государственной и общественной жизни. Тогда-то юристы впервые и заговорили о правовом социалистическом государстве. Но, к сожалению, далее разговоры дело не пошло, так как попытки обосновать необходимость создания правового государства вызвали сопротивление.

И вот сейчас разрабатывается концепция правового государства.

Можно даже сказать, что основной смысл нашей перестройки — движение к праву. В области законодательства — это будет требование правового закона. В области власти — это будет требование правовой организации этой власти. В экономике — это будет требование правовых форм экономических отношений. Суть одна — усиление, укрепление правового начала, которое состоит во всеобщей и равной для всех мере свободы.

Этот принцип сейчас и используется везде, дескать, разрешено все, что не запрещено. Но надо понимать, что этот принцип относится, конечно же, не ко всем отношениям. Применительно к статусу власти должен быть другой правовой принцип — запрещено все, что не разрешено. Это касается прежде всего правомочий представителей власти и должностных лиц.

О. Кутафин. Когда мы говорим о создании правового государства, возникает целая совокупность проблем, которые нам надо решить. Одна из них, на мой взгляд, самая существенная, — это разграничение функций между партийными и государственными органами. Если у нас не будет решена эта проблема, то все разговоры относительно правового государства, усиления власти Советов — все это пустой

звук. Потому что, когда мы сталкиваемся с реальной властью одних и формальной властью других, то правового государства быть не может. Речь идет прежде всего о нашей политической системе, которая нуждается в совершенствовании. Речь идет об однопартийной системе. Дело не в том, сколько партий, партия, думаю, должна быть одна. Речь идет о том, что между партийными и государственными органами функции должны быть разграничены таким образом, чтобы каждый занимался своим делом. Иначе все разговоры о правовом государстве бесплодны. Бесплодны потому, что государственный орган всегда чем-то ограничен, а партийный — практически никогда, ничем и никем. Партия, если хотите, сама рождает свои функции и часто независимо от того, что делает государство. А в таких условиях никакого правового государства, на мой взгляд, быть не может.

В. Савицкий. Значит, вы считаете, что верховенство закона и разделение властей — это и есть суть правового государства?

О. Кутафин. Думаю, что да.

В. Савицкий. А целевое назначение государства?

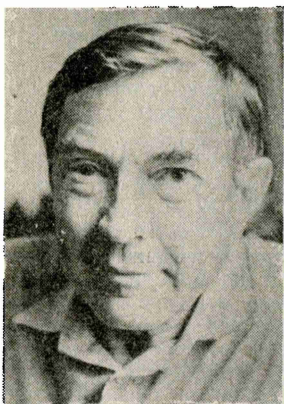
О. Кутафин. Целевое назначение правового государства заключается в том, что без него мы никогда не сможем решить главные проблемы — экономические. Мы привыкли говорить, что у нас самое демократичное общество, что у нас самая демократичная избирательная система и т. д. Но единственное, чего мы никогда не говорили и не могли доказать, — это то, что у нас решены все экономические проблемы.

В. Савицкий. Подождите, а куда вы дели человека, личность?

О. Кутафин. А разве экономика может развиваться без свободы личности? Мы можем делать что угодно, запрещать, разрешать, но мы ничего не можем сделать с экономикой. Поэтому необходимо думать о человеческом факторе, о демократизации общества. Нас подтолкнула к решению этих проблем именно экономика.

В. Савицкий. Поскольку главное в правовом государстве — это верховенство закона, думаю, что нам надо рассмотреть такие вопросы, как качество этого уникального феномена — закона, процедуры его подготовки, обсуждения и принятия. Собственно, без этого, без демократического подхода к формированию законодательных органов, без демократической процедуры обсуждения, принятия, выборов оптимального варианта закона, очевидно, нельзя говорить о его высоком качестве. Конечно, каждый закон хорош по-своему и плох по-своему. Тем не менее мне кажется, что можно найти в наших законах типичные недостатки, которые не позволяют нам регулировать те или иные стороны жизни так, как хотелось бы.

В. Яковлев. Мне кажется, что надо говорить не столько о недостатках закона, сколько о недостатках законодательства. Мы почему-то отождествляем эти понятия. В итоге и под законом, и под законодательством стало пониматься все что угодно. Законы, принимаемые Верховным Советом СССР и Верховными Советами союзных республик. Правительственные постановления. И даже подзаконные акты на уровне ведомственных. Поэтому законодателями вообразили себя все и вся. Думаю, что основной недостаток нашего законодательства состоит в том, что в нем нет четких разграничительных линий относительно того, какой орган какие нормативные акты мог бы принимать, какими нормами, какими актами можно было бы регулировать те или иные отношения. Скажем, основные экономические отношения — распределение доходов, прибыли — те самые отношения, которые всегда составляли основу, фундамент любого общества и

В. Ф. Яковлев

вом наших законов. Ведь как бывает: издается закон вроде бы и правильный, и хороший. А потом мы удивляемся — почему он не работает? Да он потребностей ни людей, ни общества не выражает, а только одни благие намерения теоретиков. Или возьмем такой вопрос, как механизм принятия законов. Здесь, мне кажется, очень многое зависит от тех, кто его принимает. А можем ли мы быть уверены в том, что наши депутаты примут единственно правильное решение?

В. Савицкий. То есть речь идет о демократизации избирательной системы, о том, чтобы в Верховный Совет избирать тех, кто в состоянии отстаивать свое мнение?

В. Сиренко. Конечно. Но не только. Мнение, и не лучшее, можно отстаивать очень последовательно.

В. Савицкий. Значит, речь должна идти прежде всего о компетентности людей, принимающих закон.

В. Сиренко. Вот именно. Важным мне кажется и изучение общественного мнения при подготовке проекта закона. Те, кто его разрабатывает, должны знать реальное настроение людей. И еще один момент. Пока у нас каждый власть имущий, применяющий закон на практике, не будет находиться под действенным контролем, самый прекрасный закон окажется мертворожденным.

В. Савицкий. Согласен с вами. Да, должны быть выбраны в парламент думающие, квалифицированные депутаты. Да, должны быть очень квалифицированные исполнители, правоприменители. Иначе можно и хороший закон загубить. Но есть еще одно звено в этой цепи, которое у нас в силу нашего исторического развития, из-за наших традиций, точнее, из-за отсутствия таких традиций должно быть укреплено и качественно преобразовано. Речь идет о процедуре принятия закона на сессии. До последнего времени, к сожалению, все депутаты голосовали «за», даже если с чем-то были не согласны.

должны регулироваться законами, — у нас могут совершенно спокойно регулироваться ведомственными нормативными актами.

Возьмите, например, ныне действующие нормативы распределения прибыли и доходов предприятия. Ведь они устанавливаются ведомством и носят индивидуальный характер, то есть для каждого предприятия устанавливаются свои нормативы. В результате любое предприятие, обслуживающее население, скажем, ателье, руководствуется в своей деятельности какими-то инструкциями собственного изобретения, а не законом. Вот в таком запущенном состоянии находится наше законодательство, которое, во-первых, чрезвычайно объемно, во-вторых, состоит преимущественно из ведомственных актов.

В. Сиренко. К сожалению, мы не можем похвастаться и качеством наших законов.

Почему так происходит? Да потому, что не предлагались альтернативы, не было вариантов закона. И депутат, естественно, не может отдать предпочтение правовой норме, которая бы его больше устраивала,— он просто о ней ничего не знает. И даже если он видит, что норма неправильна, у него нет навыка (он ведь не юрист) самому сформулировать другую норму. И он вынужден соглашаться с тем, что ему предлагают. Кстати, юристов в органах власти считанные единицы, и это тоже нехороший симптом.

А ведь как было бы хорошо, если бы на сессиях Верховного Совета депутатов знакомили с возможными вариантами закона, которые наверняка возникали бы при его подготовке. Тогда каждый смог бы проголосовать за то решение, которое ему кажется более правильным. И хорошо, если бы голосовали не за весь закон сразу, а за его части, разделы, за его главы, а может быть, даже за отдельные статьи.

И нам сейчас просто необходимо решить этот вопрос. А пока из-за отсутствия четкой процедуры принятия законов мы нередко нарушаем свой собственный закон. Смотрите, что говорит элементарная статистика. За период с 80 по 87 год Верховный Совет СССР на своих сессиях принял 69 законов. Много это или мало, сказать трудно. Дело не в количестве. Но самое досадное, что 47 законов из 69— это законы, утверждавшие ранее принятые Указы Президиума Верховного Совета СССР. Причем еще никогда, за исключением одного случая, Указ на сессии не подвергался хотя бы малейшей критике. Он утверждается автоматически. И что получается? Возьмем, к примеру, такие отрасли права, как уголовное и уголовно-процессуальное. В Основах уголовного законодательства и Основах уголовного судопроизводства записано, что следователь, прокурор и суд могут применять в своей деятельности только закон и ничто иное. Это в гражданском и гражданско-процессуальном праве можно руководствоваться и постановлениями Совмина, и различными инструкциями. Здесь же только закон. Такова специфика. Но вот Президиум Верховного Совета принимает Указ, которым вводится уголовная ответственность за действие, ранее не считавшееся преступным. И тогда следователь, прокурор, суд применяют этот Указ. Но ведь до утверждения на сессии он не является законом! Вот вам пример, когда, отступая от процедуры принятия законов только на сессии Верховного Совета, отдавая все на откуп Президиуму, мы неизбежно нарушаем собственный закон. Значит, мы тем самым легализуем отступление от указаний Основ. Иначе говоря, узакониваем нарушение закона.

В. Перевалов. Ваши слова, Валерий Михайлович, навели на мысль, что настала необходимость поднятия престижа права. А для этого нужно создать систему законодательных органов, которая действительно отражала бы волю народа. Эта система, на мой взгляд, должна начинаться с референдума. К сожалению, о референдуме на XIX партконференции мало говорилось. Между тем не только все-союзный референдум, но и республиканский, и областной, и краевой, и районный, и сельский, наконец,— это и есть прямое выражение воли народа. В статье 5 Конституции СССР записано, что наиболее важные вопросы государственной жизни выносятся на всенародное обсуждение, а также ставятся на всенародное голосование (референдум). Но ведь последнее у нас до сих пор не проводится.

В правовом государстве только представительные органы власти должны принимать нормы права. Сейчас мы, конечно, не можем по-

становление Совета Министров СССР не считать такой нормой. Это пока нереально. Поэтому, может быть, на первых порах в качестве переходного периода объявить такие постановления реализационными нормами, которые бы просто способствовали реализации закона. И не более. Что же касается узкоотраслевых ведомств, то настала пора запретить им издавать нормы права. Посмотрите, что такое приказ. Допустим, приказ министра — это не что иное, как проявление командно-административной системы. А мы говорим, что в таком приказе содержатся нормы права. Да разве эти приказы выражают общенародную волю? Да они подчас даже интересы ведомства не выражают.

О. Е. Кутафин

правовой науки, который мог сказать, что в законе должно быть, а чего нет. Поэтому, сколько бы мы ни говорили о необходимости совершенствования законодательства, если не добьемся того, чтобы законами занимались только специалисты, то никогда ничего не достигнем. А то как получается. Закон о госпредприятии писали экономисты, которые ничего, кроме экономических категорий, в него вложить не могли. В результате стоит вопрос о том, что нужен новый закон. Закон о трудовом коллективе обсуждали юристы, много высказали предложений. Ну и что? Кто-то прислушался к нашему мнению?

В. Нерсисянц. Нет, конечно.

О. Кутафин. Так о каком совершенствовании законодательства мы говорим? Ведь если физик создает атомную бомбу, например, в его дела не вмешивается Подгорный, не говорит: туда винтик поставь, а туда шуруп. Почему же в право вмешиваются неспециалисты? Ведь это не менее сложная материя, чем атомная бомба, а может быть, и более сложная, более опасная. С помощью атомной бомбы можно половину Советского Союза уничтожить, а с помощью права — весь Советский Союз.

О. Кутафин. У меня создается такое впечатление, что здесь собрались люди, которые никакого отношения к качеству нашего законодательства не имеют. А кто же, простите, им занимается? Кто пишет такой закон, который мы называем глупым? Ведь это же все мы писали эту глупость.

В. Яковлев. Но ведь это уже не те законы, которые мы писали.

О. Кутафин. Вот именно, их, как говорится, и мама родная не узнает. Сколько мне, например, ни приходилось сталкиваться с подготовкой каких-то актов, завершают работу над ними неспециалисты. Специалисты пишут, а потом кто-то все это переписывает неизвестно почему.

В. Савицкий. Таинственный кто-то, всегда неизвестный.

О. Кутафин. Да. Мне, например, довелось сталкиваться с Н. В. Подгорным, «корифеем», так сказать,

В. Нерсисянц. Дело в том, что наличие атомной бомбы опасно так же, как опасно отсутствие права.

О. Кутафин. Совершенно верно. Поэтому многие наши недостатки являются следствием не того, что мы чего-то не умеем, не знаем, а того, что нам мешают работать.

В. Сиренко. А как вы относитесь к предложению о необходимости нескольких вариантов законов?

О. Кутафин. Идея, конечно, интересная. Но давайте представим, как отнесется к этому сегодняшний депутат. Предложат, например, ему три варианта закона. Он посмотрит и подумает, что ему абсолютно все равно. За исключением разве что тех случаев, когда речь будет идти о повышении пенсии или еще чего-нибудь, касающегося его лично. Остального он просто не поймет.

Каким образом, на мой взгляд, должна действовать демократическая процедура разработки и принятия законов? Во-первых, компетентность депутатов — вещь относительная. Депутат — это политический деятель. Скажем, американский сенатор во многих вещах так же плохо разбирается, как и наш депутат. Но у него есть штат, есть зависимость от избирателей, у него платная работа, которую он должен выполнять за довольно значительное вознаграждение. Любой депутат бундестага в ФРГ имеет два кабинета. Один — непосредственно в помещении бундестага, другой — в помещении избирательного округа. Как представитель своей партии он должен знать, что творится в бундестаге. Как представитель населения своего округа он должен разбираться в проблемах строительства, юридических и экономических вопросах. Причем не сам. Человек не может всего знать. Но у него есть группа помощников, которые изучают различные вопросы с группой специалистов. И депутат, выходя на какое-то заседание бундестага, выходит хорошо подготовленным и выступает как человек, знающий вопрос. Ему не нужны никакие варианты. Он уже знает, что отвечает интересам его партии, его избирателей.

В. Сиренко. И что из этого следует?

О. Кутафин. Наша же избирательная система, как это было намечено на XIX партконференции, должна быть коренным образом изменена. Во-первых, нужен ли нам Верховный Совет из тысячи пяти-сот человек? Это же не работающий орган! Во-вторых, депутаты должны заниматься только своими депутатскими делами. Совмещение депутатских обязанностей с работой — абсурд. Депутатскими делами невозможно заниматься по ночам. Чем он, скажем, хуже секретаря обкома, министра? Это должен быть политический деятель, по горло занятый депутатской работой. Все остальное его не должно интересовать. Мы великая держава, и содержать, скажем, четыреста депутатов Верховного Совета вполне можем и обязаны. Иначе никакого представительного органа у нас не будет. Почему секретари ЦК больше нигде не работают? И мы при этом не говорим, что партия оторвалась от народа! Не говорим, что эти люди работают по буржуазному типу. Мы говорим, что эти люди заняты делом. Что каждый секретарь работает по 12—15 часов в сутки. Между тем депутаты представляют большее число людей, чем секретари ЦК, ведь среди их избирателей и беспартийные. Мы должны четко и ясно сознавать, что совмещать депутатскую работу с основной, особенно в масштабах такой страны, как наша, практически невозможно. Значит, либо мы заранее отказываемся от представительного органа, либо мы идем по нормальному, естественному пути.

Поэтому, когда мы говорим о совершенствовании нашей пред-

ставительной системы, мы не должны быть связаны какими-то догмами. Самая лучшая догма та, которая служит народу. И если мы хотим чего-то добиться, нужно исходить из наших реальных потребностей, а не из того, что сказали Маркс и Энгельс. Они говорили все правильно. Но они не могли предусмотреть, как должен формироваться Верховный Совет СССР. Поэтому мы сами должны этот вопрос решить.

Что касается избирательной системы, то наша беда состоит в том, что мы все время уповаем на какие-то формы. В частности, пытаемся себя убедить в том, что два конкурента на выборах — это демократично. Один — недемократично. Я не знаю, сколько должно быть конкурентов, но я знаю, что должна быть борьба мнений. А что происходит у нас? Представьте себе такую картину. Перед избирателем стоят два человека, похожие друг на друга, как сиамские близнецы. Как быть бедному избирателю? Ведь он даже не может сказать: один красивый, другой некрасивый. У них все одинаково, оба рекомендованы сверху, оба ничего вроде. Поэтому я не выступаю за то, чтобы у нас была, скажем, многопартийная система. Сегодня это практически нереально. Но речь идет о том, что даже в рамках одной партии должна быть борьба мнений. Можете назвать хотя бы одну семью, где бы не возникало различных суждений о том, что купить, где купить, куда пойти и т. д.? То же самое возникает и в партии, и при выборах. И вполне естественно, что люди предлагают разные варианты решения одних и тех же проблем.

Вспомним, Молотов был против освоения целины. Хрущев — за целину. Выходит: Молотов — преступник, Хрущев — молодец? Но ведь это абсурд! Государственный деятель обязан предлагать то решение, которое считает правильным. И не надо нам в процессе проведения выборов искусственно искать двух-трех депутатов. Здесь должна быть реальная активность людей и борьба мнений. Иначе совершенствование политической системы будет носить формальный характер. И мы будем иметь тот же эффект, что и при эксперименте с многомандатными округами. Ведь он же практически ничего не дал. Кроме того, что высветил неавторитетность некоторых наших партийных и государственных деятелей, которые пытались спрятать свою фамилию между другими. Но все равно из списков их вычеркивали. Если мы серьезно ко всем этим вещам относимся, то прежде всего надо развивать политическую активность людей. Посмотрите, что было на XIX партконференции. Это уже шаг вперед по сравнению с XXVII съездом КПСС. А завтра уже не нужно будет ограничивать людей, если им будет дана возможность так же откровенно высказывать свое мнение. А потом уже не нужно будет думать о совершенствовании избирательной системы, ее усовершенствуют сами трудящиеся. То есть они так построят эти выборы, что все разрешится само по себе.

В. Савицкий. А ваше мнение по поводу системы съездов?

О. Кутафин. Дело в том, что этот вопрос в какой-то мере решен. Но лично я думаю, что если мы просто пойдем по формальному изменению принципов формирования этой системы, то, не изменив по существу, так сказать, политическую жизнь, которая выделила бы каких-то лидеров, мы ничего не изменим. Будем ли многостепенные выборы создавать или прямые, ничего не изменится, пока мы не разовьем плюрализм мнений, которого у нас до сих пор нет.

В. Савицкий. Но плюрализм мнений не действует в каких-то структурах, он требует определенных правовых форм.

О. Кутафин. Разумеется.

В. Савицкий. Вот и надо помочь ему.

О. Кутафин. Правильно. Нужно развивать активность масс, а пока массы будут следить за тем, что происходит, издалека, гадать, что сказал тот-то, а что — тот-то, ничего не изменится. Мы пока еще находимся только на стадии демократизации, а не являемся демократизированными в полном смысле этого слова. У нас пока еще слишком много команд дается сверху. В результате мы повышаем роль Советов уже семьдесят лет.

И еще один вопрос мне хотелось бы затронуть — об ответственности органов власти перед народом. Дело в том, что у нас пока такая ответственность существует чисто формально. Такой вопрос, как отзыв депутата, решал ли его когда-нибудь народ? Допустим, депутат не выполнял своих обязанностей, народ возмутился и отозвал его. Ведь не было же такого! Чтобы отозвать депутата, нужно пройти такую систему согласований, на которую бы никто не решился. Правда, случалось, иногда и отзывали, если депутат совершал какой-то серьезный проступок. Но крайне редко. Во всех остальных случаях этот вопрос решался иначе. Проворовался человек, и, чтобы не шуметь, его не отзывали, а просто освобождали от депутатских обязанностей на сессии. Это была игра в демократию. Это было даже неприлично. Ведь люди-то все понимают, все знают. Поэтому когда мы говорим об ответственности власти перед народом, то это действительно должна быть ответственность. Либо мы по-прежнему будем устраивать театральные представления, либо мы активизируем наше население. Вот, скажем, сейчас будут избирать секретаря райкома, который одновременно должен стать председателем Совета. Он будет избираться тайным голосованием. Это уже шаг вперед. Почему? Потому что его в конце концов могут не избрать. Это ведь тайное голосование, а не открытое, где смотрят и видят, кто, когда поднял руку, и завтра вызовут на ковер.

В. Савицкий. Олег Емельянович, а как вы представляете себе совмещение поста первого секретаря партийного комитета и председателя Совета определенного уровня? Один из аргументов в пользу такого решения — будто будет в результате создан еще один фильтр в лице депутатов Совета, которые могут забаллотировать кандидата — первого секретаря. Думается, этот аргумент бьет мимо цели. Смотрите, что получается. Сначала человека избрали первым секретарем райкома. Потом районный Совет избирает его председателем. Но ведь на уровне района (да и на другом уровне) члены бюро райкома — это те же самые, за небольшим исключением, люди, которые будут депутатами районного Совета. И поэтому настоящего двойного контроля не получится.

О. Кутафин. Понимаете, идея эта довольно простая. Я думаю, готовится изъятие некоторых прежних функций у партийных работников. И чтобы компенсировать отсутствие таких функций, хотят их сделать председателями Советов.

В. Савицкий. Правильно.

О. Кутафин. Вот, собственно, та идея, на которой данная реформа основана. Надо это еще раз основательно продумать. По-моему, чтобы действительно поднять роль Советов, нужно, во-первых, освободить депутатов от всякой работы, кроме депутатской, и, во-вторых, добиться такого положения, когда функции партийных и государственных органов будут разграничены не на словах, а на деле. А что получается сегодня? Мы сейчас боремся за разделение функций пар-

тийных и государственных органов. Но с помощью избрания секретаря партийного комитета председателем Совета, мы практически эти функции объединяем. Правда, при этом говорим, что Советы получают власть. Только не путем разделения, а путем объединения. Аргумент это или не аргумент, я не знаю. Но думаю, что мы отходим здесь от того, к чему призываем. А призываем мы к блоку коммунистов и беспартийных.

В. Савицкий. Верно.

О. Кутафин. Но эта идея уже отпадает. Советы — это же советские государственные органы, а не партийные. Почему же беспартийному сразу же отказывают в том, что он может быть избран председателем президиума Совета?

В. Нерсисянц. На мой взгляд, такая конструкция весьма спорна. Во всяком случае, абсолютно ясно, что такое совмещение не соответствует ни требованию разграничения партийных и государственных функций, ни концепции правового государства.

В. Сиренко. Я был на заседании XIX партийной конференции, когда этот вопрос обсуждался, он даже отдельно ставился на голосование. Это были бурные, высокой демократической пробы дебаты. В ходе них, как известно, высказывались аргументы и доводы и не в пользу возможного совмещения постов. Однако конференция проголосовала за данное предложение. Как я думаю, делегаты исходили из того, что при всем кажущемся противоречии разграничения партийной и советской власти совмещение постов открывает возможность исправления существующей практики, когда партийные комитеты фактически подменяют органы управления. Совмещение постов первого секретаря и председателя соответствующего Совета даст возможность определить сферы деятельности и влияние партийного комитета и Совета. Первый секретарь возьмет на себя большую работу по организации деятельности депутатов, активизации их усилий на выработку ближайших и перспективных задач своего региона, действенному контролю работы исполкома. Это работа с людьми, та самая работа, которая является партийной в подлинном смысле этого слова. И в этой работе крайне важен авторитет партийного лидера. Тем более, что прочность авторитета должна проверяться не только коммунистами, но и депутатами, от которых будет зависеть, получит ли партийный лидер мандат доверия. Кстати, хотелось бы заметить, уважаемый Валерий Михайлович, что среди депутатов, например, районного звена, беспартийных около половины. Словом, речь идет о повышении реальной активности и коммунистов, и беспартийных депутатов, и всех граждан.

В этой связи, мне думается, что одна из важнейших проблем нашего будущего правового общества — это проблема уважительного отношения государства к личности. Однако в этом отношении мы пока на низком уровне. Вот пример. Недавно ко мне попала новая анкета туриста, выезжающего за рубеж. В частности в Италию. Вопросы вроде бы обычные: фамилия, имя, отчество, да и анкета вроде бы покороче. И вдруг новация — в графе, где надо сообщать сведения о родственниках (мать, отец и т. д.), появился новый пункт: если жена была замужем, то указать фамилию бывшего супруга. Представьте себе, что анкету заполняет нынешний супруг. И как ему быть, если его жена была два раза замужем? Этичны ли эти вопросы, да и к чему они?!

В. Савицкий. Кстати сказать, в Резолюции XIX партконференции

«О демократизации советского общества и реформе политической системы» затронут и этот вопрос. В ней, в частности, сказано, что формирование социалистического правового государства неразрывно связано с максимальным обеспечением ответственности государства перед гражданином и гражданина перед государством. Вот так четко, категорично в партийном документе я эту мысль еще не встречал.

И, конечно, чрезвычайно важно, что наконец-то мы заговорили о том, что раз гражданин содержит государство (платит из своей зарплаты налоги на содержание государственного аппарата), то и государство должно защищать этого гражданина. Хотелось бы привести некоторые иллюстрации, подтверждающие, как важно претворить в жизнь это положение об ответственности государства перед гражданином.

Предположим, совершено преступление. У человека украли вещи, или самого его искалечили, избили. Казалось бы, нужно сделать все, чтобы виновный был наказан, и потерпевшему компенсировать материальный ущерб. Но виновный бывает не наказан. Он скрывается от органов власти, его не могут найти, или если находят, то не могут взыскать с него сумму похищенного. А человек, вернувшись домой и увидев, что у него ограблена квартира, оказывается в страшно тяжелом положении. Что ему остается делать? Идти в милицию, подавать заявление и ждать, пока кто-нибудь придет, проверит, посмотрит и в лучшем случае скажет — будем искать. А когда совершившего преступление найдут, арестуют, осудят, он будет выплачивать по 5 рублей в месяц по исполнительному листу. И пока вернет пострадавшему то, что награбил, пройдет десяток лет. Но ведь человеку нужна помощь немедленно, ему нужно компенсировать все сейчас же.

А как быть, если преступник вообще не найден или не может возместить ущерба в данный момент? Кто должен компенсировать материальный ущерб в таких случаях? Государство. Именно государство, которое взяло на себя ответственность за безопасность каждого гражданина! И если государство так формирует правоохранительные органы, органы общественного порядка, что они не в состоянии хорошо работать, искать преступников, что ж, пусть государство и рассчитывается за их грехи.

В. Сиренко. Как же государство может возместить ущерб? Очевидно, только в том случае, если имущество было застраховано?

В. Савицкий. Ошибаетесь, Владимир Михайлович. Я специально занимался этой проблемой, изучал ее. И знаю, что еще 20 лет назад во многих зарубежных странах приняты специальные законы, по которым компенсируется ущерб, причиненный жертве преступления. Такие законы есть в США, в Австралии, в Мексике, в Австрии, во Франции, в Финляндии, в других странах.

Конгресс США, например, ежегодно выделяет 100 миллионов долларов на компенсацию вреда, причиненного жертвам преступлений. А наше общенародное государство пока не платит ни одной копейки тем, кто пострадал от преступления. Тут есть над чем подумать. Надо честно признать, что в данном случае у нас не выигрышная позиция.

Слава богу, мы наконец-то добились, что пока разыскивается человек, скрывающийся от уплаты алиментов, государство берет расходы на себя. А когда найдет его, взыскивает с него сполна. Значит, можно решить вопрос? Значит, государство может выплатить компенсацию в данном случае женщине, не получающей алименты

на ребенка? Думаю, надо распространить этот принцип и на возмещение ущерба пострадавшим от преступления. Тем более, повторяю, что мы, к сожалению, не первые, а одни из последних в решении этого важного вопроса.

Продолжая тему об ответственности государства перед личностью, позволю себе остановиться еще на одном вопросе. Мы говорим — законопослушный человек. И имеем в виду при этом человека, который строго соблюдает закон. А вот термин «законопослушное государство» мы почему-то никогда не употребляем. Хотя законопослушное государство — это, по существу, синоним правового государства, которое обязано подчиняться им же созданным законам. К сожалению, и здесь мы еще не на высоте. Можно привести немало примеров, когда наше государство нарушает свои собственные законы.

Какая, вы думаете, связь между вводом советских войск в Афганистан и применением к виновному такого наказания, которое не было указано в законе, когда он совершал преступление? Казалось бы, трудно найти здесь точки соприкосновения. Однако они есть: и то, и другое — нарушение закона. Наши войска вошли в Афганистан, к сожалению, без решения законодательного органа — без решения Верховного Совета СССР или его Президиума. В данном случае был нарушен пункт 17 статьи 121 Конституции СССР. Мы действовали на основании соглашения с правительством Афганистана. Но мы не использовали наши законодательные процедуры. Как отмечали некоторые делегаты XIX партконференции, решение о вводе наших войск в Афганистан было санкционировано только на партийном уровне. И только теперь мы узнаем, что даже не все кандидаты в члены Политбюро знали о таком решении. В результате пожинаем горькие плоды откровенного пренебрежения к закону.

Другой пример. В статье 6 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик сказано: закон, устанавливающий наказуемость деяния или усиливающий наказание, обратной силы не имеет. Норма, которая считается альфой и омегой правосудия и свойственна любому цивилизованному государству. Тем не менее мы эту собственную норму грубо и цинично нарушили. Я имею в виду дело Файбышенко и Рокотова, которые обвинялись в валютных махинациях. Когда они совершали преступление, то, согласно статье, предусматривающей наказание за валютные операции, их могли осудить к 15 годам лишения свободы — максимальная санкция. И когда они уже были осуждены Московским городским судом к этому сроку, Хрущев вдруг потребовал дать более строгую меру наказания — расстрелять. Ему сказали: извините, закон не предусматривает такой санкции. Тогда он возмутился: что значит не предусматривает? Государство — это мы! Закон — это мы! Изменить закон!

И тогда был принят Указ о том, что данное преступление наказывается в особых случаях смертной казнью. Это еще можно как-то понять. Но Хрущев потребовал придать закону обратную силу. И хотя его убеждали, что это невозможно, что это нарушило бы собственный советский закон, он настоял на своем. Президиум Верховного Совета принял постановление: в виде исключения применить новый закон к деянию, совершенному до его издания. Виновные были расстреляны. Да, они мерзавцы, негодяи, они, может быть, и заслуживали такого наказания. Но как можно было попать свой собственный закон?!

С тех пор прошло четверть века. Но до сих пор мы не можем, простите меня за выражение, отплеваться от этого факта. Нас на каждом шагу справедливо упрекают буржуазные юристы, да и друзья на Западе. Они спрашивают, как такое могло произойти. А мы стыдливо молчим, ибо у нас нет и не может быть никаких аргументов в свое оправдание.

И если мы сейчас говорим о создании правового государства, то делать это надо прежде всего для того, чтобы оно было законопослушным. Раз закон издали, нарушить его не может ни рядовой гражданин, ни должностное лицо, ни государство в целом.

В. Яковлев. Думаю, что сама жизнь подвела нас к идее создания правового государства, и у нас сейчас просто нет другого выбора. Либо мы создадим его, либо мы загубим, что вполне возможно, социализм. Мне кажется, что идея создания правового государства была порождена злоупотреблениями власти. Ведь что такое культ личности? Это злоупотребление властью, причем единоличной. Для такой власти и был создан колоссальный специальный аппарат. Собственно, он только и был нужен. Закон же противопоказан режиму единоличной власти. А когда носитель этой единоличной власти исчез, аппарат остался и продолжал функционировать. Правда, может быть, с несколькими другими целями, в том числе и с бескорыстными. Так вот, чтобы покончить со всякими злоупотреблениями властью, существует единственное средство — надо подвести под эту власть прочный правовой фундамент.

Далее. Мы должны преобразовать общественные отношения. О чем, собственно, идет речь? В материалах конференции, в докладе Михаила Сергеевича Горбачева появилось такое понятие — огосударствление общественной жизни. Причем говорилось об этом в негативном смысле. Что же это такое — огосударствление общественной жизни? В чем оно, собственно, выражается? А в том, что нормальные отношения — в экономике, в сфере литературы и искусства и т. д. — вместо того, чтобы иметь горизонтальный характер, стали управленческими, вертикальными отношениями. Например, все, что производит предприятие, у него забирается и передается другому предприятию по команде сверху. То же самое в области литературы, в области искусства.

В. Сиренко. А каким образом в области литературы?

В. Яковлев. Я имею в виду управление литературным творчеством.

В. Савицкий. Давление.

В. Яковлев. Совершенно верно. Ограничения через запреты. То есть литература по команде, от которой мы сейчас, слава богу, отходим и в значительной степени отошли; но я думаю, еще не в полной мере.

И, по-видимому, все это еще будет происходить до тех пор, пока вся наша общественная жизнь действительно не получит прочный правовой фундамент, пока власть не будет введена в правовые законодательные рамки. О том, что это крайне необходимо, свидетельствует положение тех предприятий, которые полностью переведены на хозрасчет. Ведь они криком кричат, так как команды продолжают поступать. Я уже не говорю об изъятии доходов у людей, занимающихся индивидуальной трудовой деятельностью, у кооперативов. Это значит, что пока господствует централизованное распределение, по крайней мере средств производства. Привело это к тому, что мы потеряли систему экономического стимулирования в народном хозяйстве.

Мы не стимулируем высокопроизводительный труд, производство товаров высокого качества, экономию ресурсов. Мы прервали прямую связь между производством и потреблением.

В. Сиренко. А была ли она?

В. Яковлев. В развитом виде, отработанном на социалистической основе, пожалуй, что и не было. Даже в годы нэпа мы достигли немногого.

И не случайно сейчас совершенно правильно говорится, что без радикальной реформы политической системы, т. е. без создания правового государства, мы не сможем осуществить экономическую реформу, как не смогли сделать этого раньше.

Смотрите, что произошло. В свое время мы объявили право буржуазным. А потом спохватились и поняли, что есть и социалистическое право. Мы вообще много сделали подарков буржуазии. Кибернетику объявили буржуазной лженаукой, генетику и т. д. То же самое произошло и с идеей правового государства. Мы ведь до последнего времени думали, что эта ценность присуща, так сказать, только буржуазному обществу. Но, слава богу, опомнились. Теперь мы понимаем, что может быть и социалистическое правовое государство. Спохватились бы раньше, может, и не было бы у нас таких колоссальных потерь. Может быть, и экономика функционировала бы нормально. Ведь право — это наиболее совершенный инструмент управления, регулирования общественных отношений. Мы же до сих пор этот инструмент использовали в ограниченных масштабах.

Здесь уже очень много говорилось о том, что такое правовое государство. Но мне кажется, что это настолько сложное понятие, что его надо рассматривать в комплексе. Я бы лично обозначил три момента.

Первый. Верховенство закона. Подчинение власти закону. Только та власть является по-настоящему эффективной, которая подчиняется закону. Второй...

В. Сиренко. Извините, но хотя бы одно правительство в мире во все времена могло сказать, что грубейшим образом нарушало свои собственные законы, а не руководствовалось ими? При том же Сталине считалось, что наши законы самые лучшие. И, руководствуясь именно этими законами, уничтожались люди.

В. Яковлев. Да, это верно.

В. Сиренко. А что значит взять и объявить верховенство законов над властью? Да любая власть скажет: мы «за». И что из этого следует?

В. Яковлев. Надо, чтобы власть несла ответственность за нарушение закона. Чтобы она переставала быть властью каждый раз, как его преступает.

Итак, второй момент. Не может быть правового государства там, где есть закон, но нет развитой системы демократии, развитой системы права.

И, наконец, третий момент, без которого нельзя себе представить правовое государство. Это, конечно, механизм правосудия, механизм законности, то есть тот самый механизм, который бы срабатывал безотказно всякий раз, когда закон нарушается.

И СТРОГОСТЬ, И ГУМАННОСТЬ

Два письма из редакционной почты:

«Диву даешься, когда узнаешь, что отпетый вор, не один год тащивший народное добро, грабитель или хулиган, привлеченные к ответственности, нередко отделяются легким испугом. А уголовное наказание должно быть таким, чтобы при одной мысли о возможной каре потенциальный преступник потерял бы малейшее желание хоть в малом преступить закон. Условное осуждение, отсрочка исполнения приговора и прочие атрибуты так называемой гуманизации — это попросту насмешка над теми, кто пострадал от преступления. Только максимально ужесточив уголовные санкции, вплоть до введения пожизненного заключения, мы сумеем хоть что-то противопоставить преступности».

С. НОВАКОВ

г. Саратов

«Никогда суровость наказания не была панацеей в борьбе с преступностью. Вспомним хотя бы изощренные публичные казни прошлых веков. И что же — искоренили преступность? Боялись, да. Но воровали, грабили и убивали. Думаю, что на пути к созданию правового государства следует всерьез задуматься о гуманизации уголовного законодательства. При одном неременном условии — коренном улучшении работы по исправлению и перевоспитанию правонарушителей и профилактике преступлений. Но все это останется лишь благими пожеланиями, если тезис о неотвратимости наказания, как и прежде, будет пустым звуком. Уверен, что именно в этом реальные резервы борьбы с преступностью».

О. ПОЛЕЩУК

г. Херсон

Подобные далеко не однозначные суждения высказывают многие наши читатели. Что предпочесть законодателю? Держать в страхе суровостью кары за содеянное или все-таки пойти по пути гуманизации действующего законодательства? Возможна ли эффективная борьба с преступностью мерами, не связанными с лишением свободы? Эти и другие проблемы совершенствования уголовного и исправительно-трудового законодательства в период осуществления правовой реформы — тема беседы нашего корреспондента с заместителем начальника управления по исполнению наказаний, не связанных с лишением свободы, Главного (объединенного) управления по исправительным делам МВД СССР Л. ФРОЛОВЫМ.

— Леонид Александрович, большинство наших читателей, высказавших соображения по поводу совершенствования уголовного законодательства, считают, что наиболее реальным рычагом для иско-

речения преступности может быть только ужесточение кары. Ваше мнение!

— Я придерживаюсь иной точки зрения. Наказание должно зависеть от характера преступления и его последствий, личности преступника и множества других объективных факторов. Это аксиома. Говорю об этом для того, чтобы напомнить: в практической деятельности наше правосудие имеет дело не только с рецидивистами и лицами, совершившими тяжкие преступления. Немало и тех, чьи преступления не представляют большой общественной опасности, кто преступил закон по неосторожности. Зачем же ставить знак равенства между ними?

Сегодня одной из наиболее прогрессивных форм уголовно-правового воздействия на лиц, совершивших правонарушения, является условное осуждение и условное освобождение с обязательным привлечением к труду. Это позволяет условно осужденному не потерять связь с обществом и семьей, а условно освобожденному — достаточно быстро восстановить прежние или установить новые необходимые ему общественные связи, которые, как правило, теряются во время пребывания в исправительно-трудовом учреждении.

— А при каких условиях осужденный к лишению свободы может быть освобожден условно с обязательным привлечением к труду?

— Их несколько. Прежде всего освобождены условно с обязательным привлечением к труду и направлены на стройки народного хозяйства под надзор спецкомендатур органов внутренних дел могут быть только лица, вставшие на путь исправления. При этом осужденный с учетом тяжести совершенного преступления должен отбыть определенный срок наказания. И еще одно неперемное условие — обязательно честным отношением к труду и примерным поведением доказать свое дальнейшее исправление.

— Допустим, осужденный, вставший на путь исправления не дал такого обязательства.

— У него есть альтернатива. Таким лицам при «сохранении» лишения свободы может быть смягчен режим содержания. Например, перевод с общего режима в колонию-поселение. Оттуда они выйдут на свободу по окончании срока.

Кстати, осужденный может быть освобожден условно-досрочно после отбытия половины, трех четвертей или двух третей назначенного срока наказания (в зависимости от статьи, по которой осужден). Напомню, предварительно доказав свое исправление примерным трудом и соответствующим поведением.

— Таким образом, при правильном поведении осужденный имеет возможность выбора. Что же выбрать? Колонию-поселение, где он все же лишен ряда свобод, специальную комендатуру, где вместе с некоторыми свободами налагаются определенные ограничения и забота «о хлебе насущном», или попробовать выйти «на волю», освободившись условно-досрочно?

— Что выбирать? Я не берусь ответить однозначно на этот вопрос. Заочно нельзя ни поставить диагноз, ни дать предписание о лечении болезни. Думаю, что полезнее будет разъяснить содержание тех видов наказания, о которых мы говорим.

Осужденные, освободившиеся после определенного срока наказания условно с обязательным привлечением к труду и направленные на стройки народного хозяйства, практически становятся реальными членами трудового коллектива, в который они попадают.

Правда, с некоторыми правовыми ограничениями. Они обязаны работать там, куда их направят органы, ведающие исполнением приговора, проживать в специальном общежитии и без разрешения органа, исполняющего приговор, не покидать территорию соответствующего административного района.

Время, отработанное на стройке или предприятии условно освобожденным с обязательным привлечением к труду, включается в трудовой стаж. Они могут быть членами профессионального союза, что обеспечивает определенные социальные гарантии. На них распространяется трудовое законодательство: право на получение очередного отпуска, на повышение квалификации и прочее. В порядке поощрения могут получить разрешение на проживание с семьей. Эта категория осужденных участвует в избирательных кампаниях. Именно это составляет систему социальной адаптации осужденных.

Освобождаясь же из исправительно-трудовой колонии или колонии-поселения, бывшие осужденные минуют систему адаптации. Порой это ведет к многим проблемам, в том числе в трудоустройстве, негативно отражается на рецидиве преступлений.

Как показывает практика, для лиц, прошедших социальную адаптацию в спецкомендатурах, проблемы трудоустройства практически нет: осужденный работает в обычном трудовом коллективе, являясь его полноправным членом. При желании может участвовать и в общественной жизни коллектива. Словом, живет полноценной жизнью. Кроме того, в условиях работы спецкомендатур осужденный самостоятельно решает все проблемы самообеспечения. А это совсем не просто сделать после длительного пребывания в исправительно-трудовой колонии, где эти вопросы входят в обязанности администрации учреждения.

— А коллектив предприятия, где работает осужденный условно, должен оказывать какое-то влияние на процесс его исправления и перевоспитания!

— Такая обязанность непосредственно вытекает из требования закона. Действующим законодательством определено, что политико-воспитательную работу с осужденными проводят администрация, трудовые коллективы, их общественные организации, а также орган, ведающий исполнением приговора. Интересный опыт такой работы накоплен на Украине, в Литве, Волгоградской и Курганской областях, некоторых других регионах. Здесь администрация и общественные организации трудовых коллективов не перекладывают заботу о воспитании осужденных только на плечи органов внутренних дел.

— Какие проблемы, связанные с дальнейшим совершенствованием институтов условного осуждения и освобождения, Вы полагаете, надо решить прежде всего в ходе правовой реформы!

— Осужденный, как и любой гражданин, является членом нашего общества, и если мы говорим, что сегодня многое нужно менять, нельзя забывать об обеспечении социальных гарантий и правонарушителя. Нельзя ратовать за превосходство кары как единственного средства исправления преступника.

Нам представляется, что при совершенствовании законодательства с учетом его дальнейшей демократизации не нужно делать шага назад, изменяя, как предлагается сегодня, правовой статус осужденного условно. Если мы будем в социальном плане резко ухудшать его положение, это может привести к весьма негативным

последствиям, в том числе и к росту рецидива. Речь идет прежде всего о том, что осужденные этой категории должны оставаться не только членами трудового коллектива, но и членами профсоюза.

В Уставе профсоюзов СССР, утвержденном на XVIII съезде профсоюзов, появился пункт 12, который гласит: «Члены профсоюза, наказанные в уголовном порядке за совершенные проступки, исключаются из профсоюза». Таким образом, самая многочисленная и весьма авторитетная общественная организация отгородилась от участия в воспитательной работе с осужденными, работающими в трудовом коллективе, и соответственно от связанных с этим проблем. Кстати, и сама формулировка параграфа с юридической точки зрения далека от совершенства. В соответствии с действующим законодательством проступки в уголовном порядке не наказываются.

— За последние годы наметились определенные тенденции, указывающие на некоторые изменения в судебной практике в сторону увеличения доли наказаний, не связанных с лишением свободы.

— Это так. Однако роста условного осуждения с обязательным привлечением к труду не произошло. Даже наоборот — число лиц, осужденных к этому виду наказания, постоянно уменьшается. Происходит это за счет условного осуждения с испытательным сроком, отсрочки исполнения приговора, исправительных работ.

Мы сравнили в ряде регионов страны рецидив у лиц с различными видами наказания. Оказалось, что рецидив среди лиц, осужденных к лишению свободы, в 5—6 раз превышал рецидив у лиц, условно осужденных с обязательным привлечением к труду, а у последних — вдвое или втрое ниже, чем у осужденных к исправительным работам. Довольно высок рецидив при отсрочке исполнения приговора и при условном осуждении с испытательным сроком. Думается, что для выяснения эффективности видов наказания весьма полезно более глубоко изучить эту проблему.

Нередко за преступления, не представляющие большой общественной опасности и совершенные впервые, лица осуждаются к лишению свободы. Нам представляется это не совсем оправданным. Да и сами приговоры вызывают порой недоумение, а у осужденных — сомнения в справедливости правосудия.

Например, недавно к нам обратился Петров, осужденный к трем годам лишения свободы условно с обязательным привлечением к труду за кражу мешка колхозного зерна. Он просил рассмотреть вопрос о его условно-досрочном освобождении и одновременно пояснить, почему состоящий на учете той же спецкомендатуры С. осужден также на три года условно, но после совершения девяти квартирных краж.

Этот пример не единственный. С нашей точки зрения, практика судов выглядит не всегда достаточно обоснованной. В этом отношении интересен пример Латвийской ССР. В прошлом году наши работники приняли участие в совещании народных судей республики. Подробно рассказали об институте условного осуждения и условного освобождения с обязательным привлечением к труду, привели убедительные примеры адаптации этих осужденных. Уже в течение года в республике отмечается рост условного осуждения и условного освобождения с обязательным привлечением к труду за счет снижения числа лиц, впервые осужденных к реальному

лишению свободы. Это ли не пример перестройки?! Но такие примеры в практике нашей работы, к сожалению, единичны.

— Редакция получает немало писем, в которых осужденные жалуются на то, что работники органов внутренних дел необоснованно отказывают им в представлении к условно-досрочному освобождению.

— У нас тоже сотни таких писем. И, к сожалению, основания для жалоб есть. Дело в том, что разночтение ряда статей в уголовном и исправительно-трудовом законодательстве позволяет довольно широко трактовать критерии: «вставший на путь исправления», «доказал свое исправление» и тому подобное. Скажем, в статье 53 УК РСФСР говорится, что условно-досрочное освобождение или замена более мягким наказанием могут быть применены к осужденному в том случае, когда он доказал свое исправление честным отношением к труду и примерным поведением. Статья 78⁷ Исправительно-трудового кодекса РСФСР устанавливает, что участие осужденного в политико-воспитательных мероприятиях учитывается при условно-досрочном освобождении. Как видите, четких и объективных критериев закон не дает. А это позволяет некоторым работникам органов внутренних дел субъективно толковать закон, а иной раз и нарушать его. В результате ущемляются законные права граждан.

Думается, что в новом законодательстве не должно остаться положений, дающих возможность для неоднозначного понимания правовых норм.

— Есть ли, на Ваш взгляд, уверенность в том, что недостатки прежнего законодательства не будут повторены при разработке новых законов?

— Нет. Полной уверенности, что новое законодательство будет более демократичным и учтет все недостатки предыдущего, у нас, к сожалению, нет. В проекте Основ уголовного законодательства появился новый вид наказания — «ограничение свободы». Это — реальное наказание со всеми вытекающими из него последствиями: исключение времени отбытия наказания из трудового стажа; социальные последствия в виде судимости; устранение от воспитательной работы с осужденным трудового коллектива и общественных организаций, предприятий. То есть происходит закрепление недостатков действующей системы исправительно-трудовых учреждений, когда основные воспитатели не рабочие, а сотрудники органов внутренних дел. То, что это неправильно, убедительно показывает практика ИТУ.

Мы идем по самому легкому пути — устранению трудового коллектива от воспитательного процесса и возложению его в полном объеме на штатных сотрудников органов внутренних дел путем усиления карательной практики.

Вместо термина «ограничение свободы», который плохо сочетается с понятием гуманизации, представляется целесообразным оставить ленинский термин «исправительные работы». Они могут быть трех видов: по месту работы; в иных местах по месту жительства; в иных местах за пределами места жительства.

Представляется целесообразным распространить институт снятия судимости и на условно освобожденных, работающих на стройках народного хозяйства. Например, при хорошем поведении по совместному ходатайству трудового коллектива и органов внутренних дел перед снятием с учета в спецкомендатуре или одновременно

со снятием можно было бы решить вопрос о судимости. Это реальный вклад в улучшение социального положения освобожденных.

Немало дискуссий ведется сегодня о колониях-поселениях. Но нам кажется, что проблема сводится всего лишь к изменению режима в спецкомендатурах применительно к режиму колоний-поселений. Не нужно забывать, что в колониях-поселениях трудового коллектива в понимании Закона о государственном предприятии (объединении) нет и не может быть. Это — место лишения свободы.

Ростки нового в нашей сфере пробиваются с большим трудом. Например, кого в первую очередь освобождают из колоний? Того, кто действительно стал на путь исправления или уже доказал это? Практика показывает, что не всегда. Ведь конечный результат деятельности ИТУ основательно связан с проблемой выполнения производственных заданий. Потому и освобождают иной раз тех, кто не нужен производству. Пока план собственного производства будет довлекать над исправительно-трудовыми учреждениями, вряд ли можно ожидать резких качественных изменений в результатах воспитательного процесса.

Освобождая далеко не всегда лучших, мы отрицательно влияем на оставшихся, что приводит к весьма негативным результатам. В ходе совершенствования законодательства необходимо глубоко продумать содержание каждой нормы закона. Только при таких условиях можно быть уверенным в эффективности результатов этой работы.

И еще. Система исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, с самого начала задумана как продолжение системы с лишением свободы и была создана для социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы. Реально же, действуя как бы параллельно, она использовалась как клапан для снятия напряжения в местах лишения свободы и резерв трудовых ресурсов.

Нам кажется, при разработке нового законодательства проглядывается ведомственный подход, что несовместимо с новым мышлением. Отсюда и возникновение старых форм при решении новых проблем. Это может отбросить нас назад в социальном и правовом развитии отдельных институтов, занятых борьбой с преступностью и ее профилактикой. Думается, что и науке следует уделить этим проблемам серьезное внимание, которое они заслуживают.

СУДЕБНЫЙ ОЧЕРК

Все те страшные годы он жил ожиданием и надеждой. Сколько раз ему казалось: сбылось! Вызывали к начальнику, сердце замирало в радостном томлении: вот оно, долгожданное... Начальник не спеша брал в руки бумагу, зачитывал: «Прошу объявить осужденному Кравцу... его жалоба на приговор рассмотрена...»

Пульс бы ему посчитать в этот момент — медики небось и не знают, что такой пульс может быть у человека...

А дальше шло знакомое — до одури, до тошноты, зауценное наизусть. Он и сейчас, уже столько времени спустя, может без запинки отгарабанить режущие душу слова: «мера наказания судом определена с учетом всех обстоятельств по делу и в пределах санкции статьи... оснований для отмены или изменения приговора не имеется».

Но он опять писал, и опять ждал, и опять надеялся. Пожалуй, один лишь только раз надежда на время покинула его — это когда адвокат Некрасов слетал в Москву, пробился на прием к члену Верховного суда республики. Тот выслушал — внимательно, сочувственно, обещал запросить дело... Тогда Кравец девять месяцев ждал ответа из Москвы. И дождался: «...в пределах санкции... оснований не имеется... оставить без удовлетворения...» Да как же это так — не имеется?!

22 июня 1983 года Эдуард Кравец, начальник путевой машинной станции № 219, расположенной на небольшой дальневосточной станции Известковая, был осужден Облученским районным народным судом по ч. 3 ст. 92, ч. 1 ст. 170 и ч. 1 ст. 98 УК РСФСР к шести годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительно-трудовой колонии усиленного режима. Первая из этих статей предусматривает наказание за хищение государственного или общественного имущества, причинившее крупный ущерб государству, вторая — за злоупотребление служебным положением, третья — за умышленное уничтожение государственного имущества. Такой вот пышный «букет» собрал тридцатилетний «закоренелый преступник», как выразился в газетной статье, живописующей торжество право-

судья, тогдашний облученский (а ныне работающий уже в столице края — Хабаровске) транспортный прокурор Ахметчин...

Когда все это началось? На этот вопрос существуют два ответа. Один, официальный, — что осенью 1981 года, когда руководители одного из управлений краевого УВД обратились в управление Дальневосточной железной дороги с просьбой построить внеплановый тупик с почти двухкилометровым подъездным железнодорожным путем на станции Будукан. Отсутствие «фронта выгрузки» в Будукане вот уже много лет вынуждало Управление внутренних дел платить многотысячные штрафы за простой вагонов. Служба пути переадресовала просителей к начальнику ПМС-219 Кравцу. Поскольку строительство было внеплановым, то железнодорожники предложили работать во внеурочное время на договорных началах. Письменное разрешение на использование техники от дистанции пути было получено. Сформировалась временная бригада. Кравец от имени ПМС-219 подписал с заказчиком в лице руководителя предприятия А. Лукасика договор о подряде, предусматривавший оплату по установленным расценкам используемой на строительстве техники и механизмов. Об оплате труда в тексте договора речи не было. По утверждению Кравца (об этом он изначально сообщил рабочим), с Лукастиком была достигнута устная договоренность — 10 рублей за погонный метр. (Для справки: знающие люди утверждают, что обычные дальневосточные ПМС-овские расценки — от 12 до 25 рублей за метр.)

Год все было тихо-мирно. Бригада работала засучив рукава. Кравец наравне со всеми укладывал шпалы и заодно вместе со своим главным инженером Кондратюком составлял наряды, вписывая в них при этом не фактический объем работ, а такой, который позволял бы достичь договорной суммы. Лукастик, постоянно бывавший на объекте, прекрасно знал, какие работы в действительности выполняются, и наряды эти подписывал. (Отметим, забегая вперед: «вольности» Кравца и Кондратюка обошлись им весьма дорого; то же обстоятельство, что наряды вообще должен был оформлять заказчик, а не путейцы, странным образом выпало из поля зрения следствия и суда, руководители предприятия на скамью подсудимых не попали.)

А затем грянул гром: против Кравца и Кондратюка было возбуждено уголовное дело.

Теперь самое время привести второй ответ на вопрос «Когда это началось?». Кравец считает, что раньше, не осенью, а в самом начале восьмидесят первого года.

Тогда молодой, недавно назначенный начальник весьма запущенного хозяйства ПМС-219 начал наводить там порядок. Ему удалось заметно повысить дисциплину труда, сократить текучесть кадров, улучшить технико-экономические показатели. Было наконец закончено затянувшееся строительство многоквартирного дома для путейцев. Однако наведение порядка потребовало жестких мер. Кое-кому пришлось распрощаться с работой, усилиями Кравца был перекрыт доступ «блатной» публики в специализированный магазин для путейских рабочих. Понятно, что эти меры принесли новому начальнику не только друзей, но и недругов. Последней же каплей, переполнившей, как считает Кравец, чашу их терпения, явился категорический отказ предоставить в новом доме квартиру одному из руководителей местного правоохранительного органа.

Сыграло ли это обстоятельство какую-либо роль в последующих

событиях или нет — утверждать не возьмусь: воды с тех пор утекло много, руководителя того давно уже нет в Известковой. Как бы там ни было, но следствие началось. Вскоре следователь Облученской транспортной прокуратуры В. Желтышева написала в Известковый поссовет представление, требующее дать «добро» на лишение Кравца депутатского мандата и привлечение его к уголовной ответственности. Внезапно появившийся на сессии поссовета председатель райисполкома, трижды проведя переголосование, добился от депутатов искомого результата. (Кстати, в том представлении договоренность о цене 10 рублей за метр пути под сомнение не ставилась, это потом Облученская транспортная прокуратура напрочь об этом забыла.)

Кравца вызвали в райком партии, предложили вернуть «незаконно полученную» на строительстве тупика премию: «Отдай деньги, и от тебя отстанут».

Пять лет спустя прокурор Облученской транспортной прокуратуры М. Нестеренко (в то время следователь) скажет мне: «Этот Кравец сейчас изображает невинную овечку. А тогда-то он себя виновным считал, иначе бы премию не вернул. И на суде, между прочим, частично признал себя виновным».

Что до суда, то оставим это утверждение, и в самом деле фигурирующее в протоколе, на совести облученской Фемиды: Кравец признал лишь то, что он действительно вписывал в наряды невыполненные работы, чтобы «закрыть» договорную сумму; это он не отрицает и сейчас. Признал действие, а не виновность этого действия. А про премию я спросил у самого Эдуарда Кравца и услышал потрясающий ответ:

— Вернул, потому что и в самом деле считал себя виноватым. Не виновным в смысле закона, но действовавшим неправильно. Не этично. Я же начальником был, а пошел руками работать. И премию ту получил за то, что работал.

Какая-то квинтэссенция психологии застоя: виновен в том, что работал! Впрочем, в годы, когда так легко разбазаривались миллиарды и разворовывались миллионы, сэкономленные государству тысячи и заработанные сотни и впрямь выглядели как-то не так...

Как ни странно, но ни следствие, ни вывод из состава депутатов, ни вынужденный возврат премии Кравца всерьез не напугали: работа в Будукане продолжалась! («Я же знал, что чист перед законом, — скажет он пять лет спустя, — так почему я должен был бросить начатое дело?»)

Единственное, что он сделал, это отказался заполнять очередной, пятый по счету наряд. Наряд этот был оформлен (как это полагалось сделать и с предыдущими четырьмя) самим заказчиком из того же самого расчета — чтобы вышло 10 рублей за метр. И этот документ у следствия и суда интереса не вызвал! Более того, вообще не рассматривался.

В мае 1983 года Кравец находился на обследовании в дорожной больнице в Хабаровске. Туда приехал сотрудник транспортной милиции, заставил (?) выписаться и поехать в Известковую. На перроне Кравец увидел следователя Желтышеву с конвоем. Арест!

Вот как описывает Эдуард Кравец последующие события:

«Я вырос и работал в крае, где заключенные — и бывшие, и будущие — не редкость. Так что, казалось бы, готов должен был быть

ко всему. И все же случившееся в следственном изоляторе оказалось для меня шоком...

...К горлу приткнулся самодельный, выточенный местными «умельцами» из куска пластмассы нож.

— Ты, сволочь, на воле кем был? Коммунистом? Депутатом? Начальником?

Вопросы задавались для проформы: в камере находился бывший рабочий из ПМС, которого я уволил за пьянку и прогулы.

— На выборы ходил? «За» голосовал? Ну, получай!

Меня били жестоко, повредили барабанную перепонку (он и сейчас частенько переспрашивает — слух так до конца и не восстановился.— С. А.), но самое страшное было не это, не боль. Самое страшное было другое: меня здесь, на нашей земле, били за принадлежность к Советской власти, а она, эта власть, стояла по ту сторону двери в погонах. И молчала. Для меня это был просто шок».

В мае 1988 года мы беседовали с облученским транспортным прокурором М. Нестеренко. Фрагмент этой беседы я привожу почти дословно, по записи в блокноте.

— Конечно, закрытие дела «по пять-два» (т. е. за отсутствием состава преступления.— С. А.) для прокуратуры — серьезное событие. Но утверждение Кравца о том, что к нему было предвзятое отношение, надуманно. Все делалось объективно. Просто такое было время, такие к нам предъявлялись требования. Действительно, завершение строительства тупика в Будукане принесло существенный экономический эффект, но тогда это не принималось во внимание. Смотрели только, были незаконные выплаты или не были. Мы считали, что были.

— Скажите, а какие были основания для взятия Кравца под стражу? Он что, опасный преступник, чем-то угрожавший обществу? Или запутывал следы, обрабатывал свидетелей, мешал следствию? Или была угроза, что он скроется?

— Вы не знаете, как он безобразно вел себя на следствии. Не являлся на допросы, грозил Желтышевой, что добьется ее увольнения, кричал, пальцем перед носом размахивал. (Кравец подтвердил: был такой случай. Вызвали на допрос к десяти. Пришел. Следовательно появилась ближе к одиннадцати и заявила: «Мне сейчас некогда. Придете к трем». «А в три мне некогда,— взорвался Кравец.— У меня дела». Тут-то и состоялся обмен «любезностями» — она пообещала посадить, он — добиться увольнения. Читатель уже знает, кто сдержал слово.)

— Несдержанность, конечно, Кравца не красит, тем более в разговоре с женщиной. И все же разве это достаточное основание для взятия под стражу?

— Обвинение по ч. 3 ст. 92 давало в соответствии с УПК такую возможность. Нарушения законности здесь нет. Впрочем, тогда я не был прокурором и санкции не подписывал. Сейчас его, конечно, никто бы под стражу не взял. Но, повторяю, тогда было другое время.

Сколько раз за время этой командировки довелось мне выслушать эти слова про другое время. Что ж, после апреля время действительно стало другим, с этим трудно не согласиться. Но вот пишу я этот очерк, и лежит передо мной копия обвинительного заключения по делу Кравца, в котором говорится про «хищение государственных денежных средств в крупном размере по предварительному сговору группой лиц — преступление, предусмотренное

статьей 92 УК РСФСР». Составлено оно в октябре 1987 года, после того, как первый приговор был отменен Верховным судом России, а дело направлено на дополнительное расследование. Вверху гриф — «утверждаю». И подпись: облученский транспортный прокурор М. В. Нестеренко. Так какое время на дворе, Михаил Васильевич?

Когда запахло «жареным», руководители предприятия, смалодушничав, отказались от своих слов, заявив, что никакой договоренности про 10 рублей не было. Правда, непонятно, на каких условиях в этом случае вообще трудились рабочие-путейцы, т. к. договором между предприятием-заказчиком и ПМС-219 оплата рабочей силы не была предусмотрена. Однако малодушие — категория моральная, что же касается категорий правовых, то здесь остается только руками развести.

Показания Кравца, его «подельника» Кондратюка, других членов бригады о том, что «10-рублевая» договоренность имела место, Облученской транспортной прокуратурой, а затем и районным судом попросту игнорируются, зато доводы руководителя предприятия Лукасика, что наряды (которые, как уже упоминалось, по правилам именно он должен был оформлять) подписывались им по неведению, в силу некомпетентности в строительных вопросах, принимаются безоговорочно «на веру».

Так оплата выполненной и принятой заказчиком работы превратилась в хищение государственных средств, совершенное поговору и в крупных размерах.

Тот факт, что бригадой израсходовано лишь около $\frac{1}{3}$ суммы, выделенной по смете на оплату труда, что экономический эффект от строительства составил десятки тысяч рублей ежегодно, — не рассматривается.

Что Кравец и Кондратюк выполняли работы как рядовые члены бригады и не были ею наделены какими-либо властными или административно-хозяйственными полномочиями, а наделил их таковыми лишь сам заказчик — следствие и суд не заинтересовало.

Так появилось «злоупотребление» несуществующим служебным положением.

Еще увлекательней обстоит дело с третьей статьей, по которой был обвинен и осужден Эдуард Кравец.

Находясь в командировке в Хабаровском крае, я весьма легкомысленно обошелся с пятнадцатью рублями казенных денег и сутками командировочного времени, потратив их на то, чтобы проехаться за триста с лишним километров от Хабаровска на станцию Известковая с одной единственной целью: посмотреть на мост. Небольшой такой мостик, перекинувшийся через небольшую же речку Кимкан.

Мостик, построенный из двух железнодорожных платформ. Мостик, построенный из 98-й статьи Уголовного кодекса РСФСР...

Прежний мост через Кимкан снесло паводком много лет назад. Поскольку речка Кимкан — «переплюйка» и машины спокойно проезжали ее вброд, вопрос о проектировании и строительстве нового моста откладывался из года в год как-то сам собой, пока не случился сильный паводок...

Из справки Облученского райисполкома: «В связи с отсутствием моста в поселке Известковом складывалась чрезвычайная обста-

новка. Было прервано сообщение со вторым отделением Известкового совхоза, хлебоприемным предприятием, торгующими организациями, бруситовым карьером, старательской артелью. Создалась сложная обстановка со снабжением хлебом и доставкой продуктов питания в торговую сеть. Под угрозой срыва оказались государственные планы многих предприятий...»

Тогда на экстренном совещании хозяйственных руководителей зампред райисполкома сказал: «Думайте». Придумал Кравец: взять две старые железнодорожные платформы, распилить и использовать в качестве опор нового моста

«Знать бы, где упадешь...» — гласит известная поговорка. Знал бы тогда Кравец, что, ликвидируя «чрезвычайную ситуацию», грозившую (и уже приносившую) многотысячные убытки, он наносит государству «безусловно крупный ущерб в 5570 руб.» (это я цитирую обвинительное заключение) «путем умышленного уничтожения государственного имущества», так постелил бы, может, себе соломки, плюнул и на срыв планов, и на сидящую без хлеба артель...

Что правда, то правда — платформы, «умышленно уничтоженные» Кравцом, не были списаны. Они просто стояли, мирно ржавея два года (!) в тупике. Это обстоятельство, однако, ровным счетом никакого интереса у Облуженской транспортной прокуратуры не вызвало. Зато когда они пошли в дело...

Одна из главных задач нашего журнала — пропаганда действующего законодательства. Это позволяет мне, не жалея места, почти полностью привести здесь статью 14 УК РСФСР в надежде, что с ней познакомятся не только миллионы читателей, но и непосредственно те, кто подписывал и утверждал обвинительное заключение, кто осуждал Кравца по статье 98 УК РСФСР, кто не видел оснований для отмены и пересмотра.

«Не является преступлением действие, хотя и подпадающее под признаки деяния, предусмотренного Особой частью настоящего Кодекса, но совершенное... для устранения опасности, угрожающей... общественным интересам... если причиненный вред является менее значительным, чем предотвращенный вред».

В материалах дела упоминаний о статье 14 нет. Зато есть фотографии распиленных платформ. А по утверждению трех моих собеседников была (по крайней мере в первый день судебного заседания) и фотография целых платформ. Случайно милицейский фотограф не нашел более интересного объекта для съемок, чем заброшенные платформы? Или, пока Кравец готовился строить мост, кто-то уже готовился сажать Кравца?

— Кравец же знал, что платформы эти не его, не ПМСовские, — хладнокровно сказал мне (не тогда — сейчас, летом 88 года, в самый канун XIX партконференции) один из прокурорских работников. — Запросил бы управление дороги, согласовал, получил письменное разрешение. И ничего бы не было.

Действительно ничего бы не было.

Ни моста. Ни хлеба. Ни плана. Но, кажется, я не смогу ему этого объяснить.

Стоит мост через Кимкан, едут по нему машины...

Не раз еще Кравцу довелось испытать шоковое состояние. Сначала — от первой встречи с адвокатом. Он ждал ее как манны небесной: вот придет человек, который поможет, разберется, испра-

вит страшную ошибку. И он пришел. После первых же жадных вопросов Кравца посмотрел на него удивленно и спросил: «Так ты что же, парень, виновным себя не признаешь?»

— Вы же читали дело,— опешил Кравец. Адвокат досадливо махнул рукой: «Перед судом успею прочитать».

Он по-прежнему работает, этот адвокат. Так сказать, несет людям помощь. Я не называю его фамилию: весь этот эпизод записан со слов Кравца, подтвердить его либо опровергнуть нечем, в камере они были вдвоем. Как бы там ни было, в тот же день Кравец потребовал замены адвоката. Спустя несколько дней в тюрьме появился хабаровчанин В. А. Некрасов, слепой юрист, работающий с помощником. Слепой — извините за такой невеселый каламбур — сразу сумел увидеть то, чего не видели зрячие — дело было липовое, «шитое». Вот только доказать это ему удалось ох как нескоро. Впереди еще был суд, не слушающий и не слышащий аргументов защиты, ответ кассационной инстанции, слово в слово повторивший приговор, серия отказов из инстанций надзорных...

После упомчавшегося, последовавшего за девятимесячным ожиданием ответа Кравец был близок к тому, чтобы наложить на себя руки. Но оклемался. И продолжал жаловаться. Писал он, писали родные, писал адвокат. В редакции газет и журналов, прокуратуру России и Союза, в Верховный суд, в ЦК партии. По «одной третьей» — по истечении трети назначенного наказания он был освобожден из-под стражи и направлен «доотбивать» на стройки народного хозяйства. Когда-то, окончив институт, он начал свою трудовую деятельность рабочим-монтером пути. Путьец, влюбленный в свое дело, он хотел познать всю цепочку, весь производственный цикл. Был мастером, старшим мастером, прорабом, главным инженером ПМС, наконец, начальником. И вот теперь, выйдя «на химию», вновь оказался путевским рабочим. Поистине, возвращается все на круги своя...

В марте 1987 года прокурор Российской Федерации опротестовал приговор Облукенского районного народного суда. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР удовлетворила протест, отменив приговор и направив дело на новое расследование. О результатах этого расследования уже говорилось выше. Облукенский суд под председательством судьи Кореновой вынес определение о том, что расследование проведено неполно, и вновь возвратил его на дополнительное расследование. Прокуратура совершила попытку прекратить дело по «изменившимся обстоятельствам». (Интересно было бы узнать, какие именно обстоятельства по этому делу могли измениться задним числом? Добиться вразумительного ответа на этот вопрос от работников следственных органов мне не удалось.) Кравец отказался. Совершив еще пару «почетных» кругов по служебным кабинетам Дальневосточной транспортной прокуратуры, дело наконец оказалось в руках начальника следственного отдела А. Недохлебова. Он-то первым из работников правоохранительных органов и нашел в себе мужество сказать то, о чем пять лет твердили адвокат Некрасов, сам Кравец, его родные и близкие.

5 мая нынешнего года постановлением Дальневосточного транспортного прокурора (готовил его Недохлебов, и пришлось ему проявить немалую твердость, отстаивая свою позицию) уголовное преследование в отношении «закоренелого преступника» Кравца было

прекращено на основании ч. 2 статьи 5 УПК РСФСР — ЗА ОТСУТСТВОМ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ.

Рассказывая о том, с какой точки ведет Эдуард Кравец отчет своих злоключений, я сделал это лишь для полноты картины. Он «жаждет крови», наказания тех работников правоохранительных органов, которых числит намеренными виновниками всего, что с ним случилось. Его легко понять, хотя понять не значит согласиться. Я, например, убежден в другом: ни работники Облученской транспортной прокуратуры, ни судья О. Котик, вынесшая неправедный приговор, не руководствовались никакими личными мотивами. И это лишь усугубляет ситуацию. С теми прокурорами и судьями, которые действуют, исходя из личных интересов (а таких, несмотря на обилие разоблачительных материалов в периодике, все же ничтожное меньшинство), как говорится, все ясно. Не место им в органах правосудия — вот и весь сказ. Сложнее, когда правосудие, как флюгер, не на закон ориентируется, а на политический ветер — кампании, указания, рекомендации. Было время — судили так, настало другое — и судим по-другому. Руководствуясь при этом тем же самым законом. Что ж, он и в самом деле, как пресловутое дышло?..

Не то страшно, что следователь Желтышева, обидевшись, вынесла постановление о взятии Кравца под стражу, а прокурор Ахметчин это санкционировал, а что следователь и прокурор действовали при этом, не нарушая буквы закона, что закон позволяет так поступать. Откройте уголовно-процессуальный кодекс: один лишь факт предъявления обвинения по статье, предусматривающей срок лишения свободы больше года, по сути дела, развязывает следователю, пользующемуся поддержкой прокурора, руки.

Я не знаю, насколько сгустил и сгустил ли вообще краски Кравец, рассказывая о том, как он предстал перед судом избитый, грязный, завшивевший, в неизменяемом (прошу прощения за неизбежный натурализм) месяце белье, и не призываю соответствующие органы к бессмысленному расследованию эпизода пятилетней давности. Страшно другое: человек, находящийся в следственном изоляторе, т. е. не виновный еще в совершении преступления, а лишь обвиненный в нем, находится в несравненно худших условиях, чем уже осужденный преступник. Ему не положено постельное белье, не положены передачи, не положены свидания, он лишен возможности тратить собственные, пока что вполне законные деньги на самые элементарные бытовые нужды. И все это в рамках закона...

Я реалист и понимаю, что в работе судьи, как и в любой другой работе, невозможно добиться стопроцентной гарантии от брака, что судья — человек и как таковой имеет право на ошибку. Поэтому я очень далек от того, чтобы пять лет спустя призывать административные громы и молнии на голову Ольги Котик. Мы долго беседовали с этой молодой женщиной, матерью. И она все валит на время, и она убеждена, что крутой поворот в деле Кравца вызван исключительно внешними обстоятельствами («если бы не перестройка — никакого пересмотра приговора не было, отбыл бы срок по полной программе»). Что ж, может, и так, хотя я бы, признаюсь, не стал голосовать за судью, который так относится к закону. Однако поразило другое. Помянув недобрым словом журналиста, опубликовавшего весьма резкую статью по делу Кравца в

«Тихоокеанской звезде», судья Котик с искренней болью в голосе сказала: — Надо же, написал, что я невинного человека осудила. Мне теперь знакомым в глаза смотреть неловко!

Неловко смотреть в глаза не потому, что судила невинного, а потому, что про это напечатали!

Повторюсь: брак может случиться у кого угодно, и у токаря, и у судьи. Но разная должна быть ответственность, и прежде всего моральная, за запоротую деталь и исковерканную судьбу.

И еще один урок из дела Кравца. Больше ста (!) жалоб было направлено им и его адвокатом в различные инстанции, прежде чем восторжествовала справедливость. Между тем никакие обстоятельства по делу не менялись, аргументация была одна и та же — что в первой жалобе, что в сотой... Проще всего было бы бросить модный и актуальный упрек в бюрократизме сотрудникам тех органов, в которые они поступали. Но вот встретился недавно со знакомым работником Верховного суда России. Точных цифр он мне назвать не смог, но порядок приблизительно такой: на несколько десятков консультантов — несколько десятков тысяч надзорных жалоб в год. Несколько десятков тысяч уголовных дел, да, как правило, многотомных, да с рукописными (нет машинок и машинок) протоколами, записанными по собственному усмотрению девочками, согласившимися работать секретарями в суде за мизерную ставку... Не то что изучить — прочитать все это физически невозможно. А это надзор, последняя инстанция, последняя солдминистра. Можно, конечно, порадоваться, что в случае с Кравцом она, хоть и с запозданием, но сработала, ну а если б он ту сотую жалобу не отправил, остановился на девяносто девяти, разуверившись окончательно в справедливости? Кстати, еще одна деталь: определение Коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР, отменившее приговор по делу Кравца, было принято 30 марта, а объявлено ему три (!) месяца спустя. Три лишних месяца человек отбывал наказание. Понимаю, что Дальний Восток потому и называется Дальним, что находится далеко, но не настолько же?!

Шесть лет — к такому сроку лишения свободы был осужден Кравец.

Шесть лет — столько прошло времени от возбуждения уголовного дела до его окончательного прекращения, до того, как была поставлена последняя точка.

Справедливость восторжествовала. Кравцу вернули свободу. Кравцу вернули честное имя. Ему должны вернуть (надеюсь, что, пока материал готовился к печати, уже вернули) немалую денежную сумму, восстановить на работе в системе ПМС.

Никто не вернет ему потерянные нервы, здоровье.

Никто не вернет ему потерянную семью (жена не стала ждать возвращения «преступника», забрала дочку и ушла).

Никто не вернет ему шесть лет жизни.

Дело Кравца закончено. Ох, если б оно было одно такое — дело Кравца! Поэтому не надо делать из него оргвыводов, давайте делать просто выводы — все вместе и каждый для себя. И не будем ставить точку. Еще рано.

Сергей АЛЕКСАНДРОВИЧ,
наш специальный корреспондент

ПОД МАСКОЙ «ИНДИВИДУАЛОВ»

Сызранский городской суд Куйбышевской области признал Н. Дудко виновной в спекуляции и назначил ей, тридцатилетней матери двоих детей, три года лишения свободы условно с обязательным привлечением к труду. Наказание она отбывала в Сызранском строительном управлении № 41 треста «Химэнергострой». Там же она услышала, будто в торговых точках города Баку продаются изготовленные из ткани местного производства такие красивые платья, за которые модницы в других регионах страны охотно заплатят двойную цену. Дудко потеряла покой и сон. С одной стороны, ее прельщала возможность выгодной спекулятивной операции, с другой — пугало повторное, более суровое наказание.

И все же еще до освобождения от наказания по амнистии она съездила в Баку, где приобрела 132 трикотажных платья по розничным ценам от 42 до 47 рублей. Сама продавать их не стала, а отправилась в Подмоскowie, где на Пушкинском колхозном рынке познакомилась с местной жительницей Г. Терентьевой и стала уговаривать ее заняться сбытом.

Терентьеву, женщину предпенсионного возраста, ответственность за спекуляцию не прельщала. Она, хотя за давностью и считалась несудимой, все же не забыла годы, проведенные в местах лишения свободы.

— Никакой ответственности не будет, — уверяла ее Дудко, — изучи Закон об индивидуальной трудовой деятельности, возьми патент на право пошива платьев и торгуй «своими» изделиями.

Первые два платья Терентьева продала по сто рублей. Потом в Пушкине, Ивантеевке, Дмитрове, Ногинске и Угличе были проданы еще 65 платьев по цене 100—110 рублей. Сообщницы нажили почти 3,5 тысячи рублей и разделили между собой.

Потом Терентьева узнала на Пушкинском колхозном рынке от случайных людей, что такие платья, как у нее, продаются в Баку, где стоят по 42 рубля, и решила, что Дудко ее обсчитывает. После объяснения совместная преступная деятельность прекратилась. Дудко попыталась сама реализовать оставшиеся у нее платья. Одиннадцать из них передала в Сызрани М. Насыровой, которая продала два платья по 110 рублей и одно за 100 рублей. Нажива составила 177 рублей, после чего Дудко и Насырова были задержаны сотрудниками милиции. У Дудко изъяли 57 платьев, от продажи которых она намеревалась получить наживу 3021 рубль.

Оставшаяся не у дел «портниха» Терентьева решила продолжить «бизнес» самостоятельно. Отправилась в Баку, купила там десять платьев и сбывала их на рынках Пушкино и Дмитрова. Потом приобрела еще 12 платьев, которые сбывала в Вязьме. Нажив 1136 рублей, вновь отправилась за товаром и по возвращении из Баку была задержана сотрудниками милиции. От перепродажи 28 изъятых у нее платьев намеревалась получить наживу в сумме 1324 рубля.

Закамуфлировать под индивидуальную трудовую деятельность преступницам не удалось.

Дело рассмотрел Пушкинский городской суд под председательством В. Петрова.

Дудко и Терентьева признаны виновными в спекуляции. Обе приговорены к лишению свободы с конфискацией имущества — первая на шесть лет, вторая на три года. С них взысканы деньги, нажитые преступным путем.

М. МИРОНОВ

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВСЕОБУЧ ОПЫТ. ПРОБЛЕМЫ

● Могут ли школьники работать? Ответ на этот вопрос вы найдете в материале, помещенном под рубрикой «Новое в законодательстве».

● О том, как поделить власть между советом трудового коллектива и директором предприятия, рассказывает В. Шахов в статье «Кто главнее?»

● Николай Бывалый поведает о том, что такое испытательный срок при приеме на работу.

И ТРУД, И УЧЕБА

Государственный комитет СССР по труду и социальным вопросам, Государственный комитет СССР по народному образованию, Секретариат ВЦСПС и Секретариат ЦК ВЛКСМ 3 июня 1988 года утвердили Положение о порядке и условиях добровольного труда учащихся общеобразовательной и профессиональной школы в свободное от учебы время. Редакция обратилась к заместителю начальника Управления Министерства юстиции СССР Л. Каратееву с просьбой прокомментировать основные положения этого нормативного акта.

Недавно мне на глаза совершенно случайно попался февральский выпуск журнала «Комсомольская жизнь». На его обложке — улыбающиеся подростки в рабочих спецовках. Внизу броские заголовки: «Дайте нам дело!», «Заводской пропуск в школьном портфеле», — и шрифтом помельче: «Может ли школьник после уроков работать на предприятии и получать за это зарплату?» Совсем недавно на этот вопрос отвечали по-разному. Одни говорили «нет» и показывали статью 74 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде, которая устанавливает, что прием на работу лиц моложе шестнадцати лет не допускается, что только в исключительных случаях, по согласованию с профсоюзным комитетом предприятия, учреждения, организации могут приниматься на работу подростки, достигшие пятнадцати лет. Другие говорили «может» и ссылались на Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании, где записано: «Трудовое воспитание и обучение в школе, включающие в себя систематическое участие школьников в общественно полезном, производительном труде, проводятся с учетом их возрастных и индивидуальных особенностей, способностей, состояния здоровья и при наличии необходимых условий завершаются овладением одной из массовых профессий». При этом допускается, что учащиеся могут на добровольных началах, с согласия родителей, под контролем школы и органов здравоохранения участвовать в посильном общественно полезном, производительном труде в народном хозяйстве (статья 23 Основ). А ведь противоречия между этими двумя законами нет. В первом случае речь идет о труде как основном занятии человека и получении средств к существованию, а во втором — как средстве трудового воспитания, овладения профессией и трудовыми навыками в сочетании с учебой как основным занятием.

Отсутствие же нормативного акта, который бы конкретно определял порядок приема на работу, условия и особенности труда учащихся в свободное от учебы время, практически сводило на нет возможность трудоустройства молодежи.

Поэтому-то и было подготовлено указанное Положение.

Новый нормативный акт устанавливает, что достигшие 14-летнего возраста учащиеся могут по их желанию приниматься на работу на государственные и в кооперативные предприятия, учреждения, организации для выполнения в свободное от учебы время лег-

кого труда. Заметим, что оформление подростков на работу возможно лишь только с согласия одного из родителей (или лица, его заменяющего), а также профсоюзного комитета предприятия. И еще одно условие. Деятельность, которой будет заниматься на производстве учащийся, не должна причинять вред его здоровью и нормальному развитию и наносить ущерб посещаемости учебного заведения.

Подросток, изъявивший желание поступить на работу, подает личное заявление (на заявлении оформляется и согласие одного из родителей), предъявляет свидетельство о рождении или паспорт, справку с места жительства и справку медицинского учреждения о состоянии здоровья. Администрация предприятия, предварительно получив согласие профсоюзного комитета, в письменной форме заключает с молодым человеком трудовой договор. В этом договоре очень подробно излагаются обязательства сторон.

Принимая учащегося на работу, администрация обязана ознакомить его с характером и условиями труда, правилами внутреннего трудового распорядка, разъяснить его права и обязанности, подробно проинструктировать по технике безопасности, производственной санитарии и другим правилам по охране труда и пожарной безопасности.

Профессии, виды работ и рабочие места, на которых может применяться труд подростков, определяются предприятием по согласованию с местными органами по труду и социальным вопросам, органами здравоохранения, профсоюзными комитетами и комитетами комсомола.

При этом учащиеся не допускаются к выполнению работ, предусмотренных Списком производств, профессий и работ с тяжелыми и вредными условиями труда, на которых запрещается применение труда лиц моложе 18 лет, утвержденным постановлением Госкомтруда СССР и Президиума ВЦСПС от 10 сентября 1980 г. Они также не должны привлекаться к сверхурочным работам, работам в ночное время и в выходные дни.

Продолжительность рабочего времени в период каникул не может превышать: для учащихся в возрасте от 16 до 18 лет — 36 часов в неделю и 6 часов в день; для учащихся от 14 до 16 лет — 24 часов в неделю и 4 часов в день. В течение учебного года продолжительность еженедельного и ежедневного рабочего времени не должна быть более половины максимальной продолжительности рабочего времени, предусмотренной для учащихся соответствующего возраста.

По просьбе подростка ему предоставляется работа на условиях неполной рабочей недели, по гибкому графику, а также на дому с возможными перерывами в дни напряженных учебных занятий. Школьникам, учащимся ПТУ, студентам техникумов в период летних каникул предоставляется отпуск продолжительностью в один календарный месяц. Оплата за отпуск производится пропорционально проработанному в данном году времени — по два рабочих дня за каждый месяц работы.

Работа учащихся 8—9 классов на предприятии, в учреждении, организации засчитывается как ежегодная трудовая практика, если ее продолжительность не меньше времени, установленного учебным планом общеобразовательной школы. Для учащихся 10-х классов общеобразовательных школ, профессионально-технических и средних специальных учебных заведений работа в свободное от учебы

время засчитывается в счет трудовой практики при условии соответствия содержания работы профилю получаемой в учебном заведении профессии.

Учащимся, освоившим в процессе трудовой деятельности знания и умения по данной профессии или специальности в соответствии с квалификационными характеристиками, присваивается начальный квалификационный разряд (класс, категория).

Оплата труда подростков, работающих на предприятиях в свободное от учебы время, производится пропорционально отработанному времени или в зависимости от выработки. Предприятие в пределах предоставленных ему прав может устанавливать доплаты к их заработной плате, а также предоставлять им иные льготы и премии. Все заработанные в свободное от учебы время денежные суммы выплачиваются учащимся полностью в сроки, установленные для выплат заработной платы на данном предприятии.

Занятые общественно полезным трудом на предприятиях или в кооперативах, подростки могут быть членами профессиональных союзов СССР. На них распространяется государственное социальное страхование.

Учащиеся могут расторгнуть трудовой договор, предупредив об этом администрацию предприятия письменно за три дня. Договор может быть расторгнут также по письменному заявлению одного из родителей или заменяющего его лица либо на основании медицинского заключения о состоянии здоровья, препятствующего продолжению работы подростка, а также по инициативе учебного заведения в случае ухудшения посещаемости занятий.

При прекращении договора предприятие выдает учащемуся справку о работе с указанием профессии (специальности), квалификации, должности и времени работы. Это время включается в трудовой стаж в соответствии с действующим законодательством. На основании данных справок предприятие, куда в дальнейшем (после окончания учебного заведения) будет принят учащийся на работу, должно внести соответствующую запись в трудовую книжку.

Ну и еще одна особенность, немаловажная для администрации: учащиеся, принятые на работу, в списочный состав работников предприятия, учреждения, организации не включаются.

Однако администрация предприятия обязана обеспечить на их рабочих местах полное соблюдение действующих норм и правил по гигиене труда, требований техники безопасности, направлять подростков на работу в коллективы передовых участков, цехов, звеньев, бригад, ферм, прикреплять к ним опытных наставников.

На органы по труду и социальным вопросам, учебные заведения и комитеты комсомола возлагается обязанность оказывать содействие в трудоустройстве учащимся, желающим поработать в свободное от учебы время.

КТО ГЛАВНЕЕ?

В красном уголке одного из свердловских машиностроительных заводов обсуждался Закон о государственном предприятии. Когда речь заходила о его положениях по самоуправлению трудового коллектива и правам общего собрания, а также других коллективных органов, долго молчавший директор иронично заметил:

— Вот вы все: «коллектив, коллектив, коллектив...». А я-то зачем тогда нужен? Что за армия без командующего?

В этом эпизоде отразилось далеко не изжитое у многих руководителей, сразу скажем, весьма неверное представление о роли демократизации производственной жизни. Некоторое время назад социологи института экономики Уральского отделения АН СССР провели экспресс-опрос 1500 работников, в том числе 545 руководителей 141 предприятия Урала. Среди факторов, влияющих на темпы перестройки, руководители на предпоследнее место поставили демократизацию управления предприятиями, повышение роли и прав трудового коллектива.

Таковы психологические стереотипы, выработанные десятилетиями господства административно-волевых методов управления. Нечего греха таить, многие боятся, как бы чего не вышло от «излишней» демократии, как бы рабочие не увели «не туда» и без сильной, твердой руки администратора, начальника не началась бы анархия и неорганизованность.

А ведь кое-кто уже сейчас спекулирует на трудностях и видит причины их, в частности, в том, что якобы у «начальников» власть отняли, а рабочие-де не знают, как воспользоваться ею, не по силам им оказалась управленческая ноша. Так что же, и в самом деле увеличение прав трудовых коллективов произошло за счет пропорционального уменьшения возможностей администрации? Отвечу категорически: нет! Если же кто-то возражает, предлагаю назвать конкретные права, которые «отняли» у директора и передали, скажем, совету трудового коллектива. Но даже после долгого раздумья никто подобного, судя по всему, припомнить не может.

В самом деле, увеличение объема полномочий выборных органов коллектива произошло за счет наделения их равными с руководителем правами в решении важнейших вопросов путем признания самого коллектива субъектом управления наряду с профессиональными функционерами. Но значит ли это, что у последних прав уменьшилось? Вовсе нет. Образно говоря, если у одного вкладчика на сберкнижке стало больше на 500 рублей, то это неэквивалентно тому, что у другого счет уменьшился на такую же сумму. Физический закон сохранения и превращения энергии не действует в социальной сфере.

Обратимся к Закону о государственном предприятии (объединении). Во многих его статьях предусмотрены права предприятия,

реализация которых поставлена под контроль коллектива. Например, в статье 4 установлено, что предприятие вправе передавать материальные и денежные ресурсы (в том числе с согласия трудового коллектива средства фондов экономического стимулирования) другим предприятиям и организациям. В статье 3 допускается маневрирование различными фондами, образуемыми на предприятии, но тоже с согласия трудового коллектива. Широко известна норма статьи 13, дающая администрации и профкому право производить внеочередное выделение жилья отдельным работникам с учетом их трудового вклада, но опять-таки только с согласия совета трудового коллектива. Эти и ряд других норм Закона наглядно иллюстрируют одно из основных его положений: «социально-экономические решения, касающиеся деятельности предприятия, вырабатываются и принимаются руководителем с участием трудового коллектива». Таким образом, смысл самоуправления состоит не в том, чтобы поставить на место руководителя коллектива, а именно в уравнивании их в правах, ибо администрация представляет на предприятии государство и в то же время является неотъемлемой частью трудового коллектива.

Разумеется, было бы неверным утверждать, что любые вопросы должны решаться только с одобрения или совместно с СТК. Как следует из статьи 7 Закона о госпредприятии, совет сосредоточивает главное внимание на развитии инициативы трудящихся, увеличении вклада каждого работника в общее дело, осуществляет меры по достижению высоких конечных результатов деятельности предприятия и получению хозрасчетного дохода коллектива. Короче, совет принимает решения по важнейшим производственно-хозяйственным и социальным вопросам, обеспечивает контроль за деятельностью администрации по реализации решений, сам организует их осуществление. Что же это за вопросы? К важнейшим из них относятся разработка и организация выполнения планов и обязательств; распоряжение заработанными средствами; управленческо-кадровые проблемы (организация выборов руководителей, совершенствование структуры управления и т. д.); социальные нужды (жилье, льготы и другие). Если администрация единолично принимает решение по вопросу, который она должна решить только вместе с советом, то такое действие не будет иметь силы. Так, директор проектного института своим приказом изменил структуру организации, введя в нее диспетчерский отдел. СТК возражал против такого волевого акта, находя его необоснованным. Директор вынужден был отменить свой приказ.

Бытует мнение, что совет трудового коллектива — это орган только властный, решающий, а администрация — только исполнительный. По моему мнению, это не так. И вот почему. Если лишить руководителей права принимать решения по оперативным, текущим вопросам, то производство окажется практически неуправляемым. Нельзя же в самом деле ежечасно собирать совет. Помните: по закону он должен созываться не реже одного раза в квартал. Так что все зависит от характера вопроса, степени его сложности, сложившихся в коллективе традиций, важности затрагиваемых интересов и многого другого. Учесть это можно только в каждом конкретном предприятии, в каждом отдельном случае. Ясно одно: если по данному вопросу закон не требует предварительного обязательного решения совета трудового коллектива, руководитель вправе принять решение сам. Так, на заводе возник

вопрос, в какой цех наиболее целесообразно установить довольно громоздкое оборудование. Специалисты назвали оптимальный вариант, директор издал приказ. А коллектив этого цеха был недоволен, он требовал созвать совет и вновь обсудить уже решенное дело. Вряд ли, видимо, от бесконечных обсуждений выиграет дело. И уж тем более, если речь идет о частностях, касающихся лишь отдельных людей, нет надобности заседать. Например, директор вполне может применить взыскание, лишить премии, избрать другую меру воздействия на злостного нарушителя трудовой дисциплины без какого бы то ни было предварительного обсуждения с советом трудового коллектива. Но поскольку совет трудового коллектива защищает порой лишь свой ближайший и «осязаемый» интерес, а руководитель призван отстаивать и общие, государственные нужды, то их мнения могут разойтись. Как тут быть? Ведь паритет исключает приоритет! А выход указан в законе: администрация вправе не согласиться с решением совета и обратиться за разрешением конфликта к общему собранию (конференции) трудового коллектива. Именно так поступил директор одного из предприятий Свердловска, когда не мог на заседании СТК убедить его членов в необходимости выделить достаточно средств на строительство новой школы. Общее собрание коллектива верно оценило ситуацию и поддержало руководителя.

Может случиться и так, что в конечном счете совет трудового коллектива примет опрометчивое решение, вызвавшее для предприятия негативные последствия. Часто руководители спрашивают: кто будет нести ответственность за ошибки совета? Если имеется в виду юридическая ответственность, правовые санкции, то в таких случаях, очевидно, персональная ответственность исключается. Другое дело, если начальник имел реальную возможность путем грамотных управленческих действий предотвратить ущерб (а он обязан это сделать), но не сумел. В таком случае он может быть наказан вышестоящим руководством.

А вот противоположные ситуации. Скажем, директор научно-исследовательского института издал приказ о передаче хозяйственной темы другому подразделению. Совет трудового коллектива посчитал такое решение ошибочным. Или: в целях экономии средств начальник постановил не выплачивать премии совместителям. СТК готов помочь рабочим, но не знает, как ему поступить. Может ли в приведенных примерах «коллективный директор» поправить единоначальника и отменить его решение? Нет, не может, потому что правом отмены приказов администрации совет трудового коллектива не наделен. Как же быть? В первом случае надо попытаться убедить руководителя в нецелесообразности избранного им варианта решения. Во втором — заявление несправедливо ущемленных работников должен рассмотреть компетентный конфликтный орган: комиссия по трудовым спорам, затем профком и на родной суд. Разумеется, и в этом случае СТК может оказать влияние на позицию руководителя, убедить его в ошибочности действия и необходимости отмены незаконного постановления.

Известно, что вопреки рекомендациям о нецелесообразности соединения функций руководителя предприятия и председателя совета трудового коллектива на многих предприятиях именно первый начальник избран на пост председателя СТК. Плохо или хорошо такое совмещение? Однозначного ответа дать нельзя. Все зависит от того, что это за человек, от его умения уважать коллек-

тивное мнение, способности проявить самокритичность, подавить амбицию и т. д. Пределы «власти» руководителя, степень независимости его от мнения СТК целиком зависят от активности самого совета, от того, что за люди избраны в его состав. Ведь никакими самостоятельными, особыми полномочиями председатель совета трудового коллектива не обладает, он не может принять ни одного решения, минуя совет. С этой точки зрения нельзя, например, одобрить сложившуюся кое-где практику подписания важных документов единолично председателем СТК без обсуждения вопроса на заседании совета (например, итогов социалистического соревнования, локальных актов предприятия и др.). Мы вовсе не против четкого ведения документации, однако важна суть: решение должно быть коллективным. Что касается формы, то так ли уж важно, где будет стоять подпись председателя СТК на соответствующем документе — выше всех других, ниже или параллельно с факсимиле директора и председателя профкома?

...Руководитель и коллектив. Взаимоотношения между ними — тонкая материя. Их не отрегулируешь одним махом, одним законом. В одних случаях закон четко определяет позиции каждого, в других они определяются опытом, практикой. Важно одно: речь должна идти не об их противопоставлении, не о борьбе за сферы влияния, а о партнерстве. Директор и СТК должны быть единомышленниками (хотя и далеко не всегда единомысленниками!). Только на этом пути возможно достижение тех больших целей, которые преследует демократизация, перестройка в целом.

В. ШАХОВ,
доцент Свердловского юридического
института им. Р. А. Руденко

ЮРИСТ КОНСУЛЬТИРУЕТ ДИРЕКТОРА

Сегодня директор попросил меня задержаться после совещания. — Конфликт тут в одной бригаде разгорелся, — начал Василий Иванович. — Весь коллектив восстал против токаря. Причины какие-то личные, вникать, думаю, некрасиво. По работе претензий к этому токарю нет, дисциплинированный, добросовестный, квалификация хорошая. Это и сами рабочие признают. Но работать с ним не хотят ни в какую. Требуют вывести из состава бригады как не умеющего поддерживать нормальные отношения с коллективом. Что делать? Ведь такое право у бригады есть. Сам же Куценко, так фамилия этого токаря, от перевода в другую бригаду категорически отказывается. Ну не увольнять же его за плохой характер?

— За плохой характер, конечно, не увольняют. Давайте разберемся с самого начала. Во-первых, в соответствии со статьей 99⁶ Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде (статья 235⁶ КЗоТ РСФСР) бригада вправе требовать от администрации вывести из своего состава работника только в случае сокраще-

ния численности бригады, несоответствия работника выполняемой работе и в других случаях, когда допускается увольнение работника по инициативе администрации. Они перечислены в статье 17 Основ (статья 33 КЗоТ РСФСР). В сложившейся ситуации таких оснований нет, поэтому требование бригады незаконно.

Перевод на другую постоянную работу возможен только с согласия работника. Однако, если создавшееся положение плохо сказывается на работе бригады, у вас, Василий Иванович, есть возможность переместить этого токаря на другое рабочее место. Такое перемещение на том же предприятии, в учреждении, организации на другое рабочее место либо в другое структурное подразделение в той же местности с поручением работы на другом механизме, агрегате, но по той же специальности не требует согласия работника. При этом даже допускается изменение существенных условий труда — систем и размеров оплаты труда, льгот, режима работы, установление или отмена неполного рабочего времени, совмещение профессий, изменение разрядов и наименования должностей (статья 13 Основ, статья 25 КЗоТ РСФСР). Если работник не согласен с таким перемещением, с ним можно расторгнуть трудовой договор по п. 6 статьи 15 Основ (статья 29 КЗоТ РСФСР).

Только стоит ли это делать по чисто этическим соображениям? Может быть, стоит подождать, и конфликт как-то разрешится.

— Ну, посмотрим, посмотрим, а за подсказанный выход — огромное спасибо. Есть и еще одна сложность, — продолжил Демократов, — и опять в той же бригаде. Приняли на работу выпускника ПТУ. Парень еще на практике зарекомендовал себя далеко не лучшим образом. Начальник цеха требует установить ему испытательный срок два месяца. Рабочий согласен, а вот отдел кадров такой приказ оформлять отказывается. Говорят, нельзя выпускникам ПТУ испытательный срок устанавливать. Правы ли они? Ведь парень-то не возражает.

— Да, правы, Василий Иванович. В соответствии со статьей 21 КЗоТ РСФСР при приеме на работу молодых рабочих по окончании профессионально-технических учебных заведений испытание не устанавливается. И согласие самого работника тут не имеет значения. Согласно статье 5 Основ условия трудового договора, ухудшающие положение рабочего и служащего по сравнению с законодательством Союза ССР и союзных республик о труде, являются недействительными.

С. ИСТИНОВ

Молодежи
О ПРАВЕ

ПРОСТУПОК

С утра старшекласники убирали в совхозе картофель, и теперь они возвращались домой на электричке. Кто-то достал карты: «Перекинемся?» Но игра шла вяло — все устали. Тогда поступило предло-

жение: может быть, по копейке? Благо классная руководительница — в другом вагоне. У кого денег нет, не беда — принесет завтра. Сонное настроение как рукой сняло — игра приобрела остроту, интерес. Ребята галдели, не обращая внимания на возмущенные взгляды пассажиров.

В этот момент, по законам детективного жанра, должна бы появиться классная руководительница или, еще лучше, милиция. Но никто не появился. Ребята благополучно прибыли на станцию и разошлись по домам, довольные, что весело провели время в электричке. Правда, кое-кто проигрался и прикидывал, где достать деньги, которые завтра надо принести в класс...

Если ничего не случилось, тогда о чем, собственно, разговор? И все же задумаемся над вопросом: было ли здесь правонарушение? Нарушили ли ребята какие-то правила, или со стороны закона к ним нет никаких претензий? И почему их поведением возмущались другие пассажиры?

Прежде чем вы узнаете ответ, давайте поближе познакомимся с самим Законом — советским законодательством об административных правонарушениях.

Слово «административное» показывает, что эта отрасль права связана с управленческой, организующей деятельностью государственных органов и должностных лиц. Советское административное законодательство включает в себя большое количество разных правил. Это правила поведения в общественных местах, дорожного движения, пожарной безопасности, техники безопасности и охраны труда, охоты, рыбной ловли и охраны природных ресурсов, правила эксплуатации радиопередающих устройств, таможенные правила и многие другие. Нарушение их является административным правонарушением. Иначе говоря, административным правонарушением (проступком) называется посягающее на государственный или общественный порядок, социалистическую собственность, права и свободы граждан, на установленный порядок управления противоправное виновное (то есть умышленное или неосторожное) действие либо бездействие, за которое законодательством предусмотрена административная ответственность. Подлежат ей лица, достигшие к моменту совершения такого правонарушения шестнадцатилетнего возраста. Административные взыскания могут быть применены в виде предупреждения, штрафа, лишения специального права (например, права управления автомобилем или мотоциклом), исправительных работ, административного ареста до пятнадцати суток и других наказаний. Обратимся к некоторым, наиболее важным нормам административного законодательства.

Правила поведения в общественных местах. В человеческом обществе сложились и стали общепризнанными определенные нормы поведения людей в общественных местах. Без их соблюдения человеческого общежития было бы невозможным, люди просто-напросто мешали бы друг другу жить. Некоторые правила поведения в общественных местах представляют собой нормы морали, обычая, другие — юридические нормы, закрепленные в актах Советского государства.

Исчерпывающего перечня правил поведения в общественных местах нет, да и составить такой перечень вряд ли возможно. Ведь в него следовало бы включить тысячи нормальных, естественных поступков, которые люди совершают ежедневно, даже не думая о том, что соблюдают какие-то нормы: поздоровался, уступил место жен-

щине, снял головной убор в помещении... Но вот список действий, которые запрещены в общественных местах, существует. Такие действия перечислены в Кодексах союзных республик об административных правонарушениях, решениях местных Советов, и за них установлена ответственность.

Административным законодательством запрещены, например, мелкое хулиганство, то есть нецензурная брань в общественных местах, оскорбительное приставание к гражданам и другие подобные действия, нарушающие общественный порядок и спокойствие людей, распитие в общественных местах спиртных напитков или появление в пьяном виде, оскорбляющем человеческое достоинство, стрельба в населенных пунктах из любого вида огнестрельного оружия. За некоторые подобные действия (например, хулиганство) может наступать и уголовная ответственность.

Под общественным местом законодательство понимает не только улицу, площадь, сквер, вокзал, но и школьный класс, коридор, двор жилого дома, общежитие. К общественным местам относятся места временного общения людей, например, вагоны общественного транспорта.

Азартные игры рассматриваются в законе как нарушения, посягающие на общественный порядок. Поэтому за игру в карты на деньги в вагоне электрички установлена административная ответственность.

Правила использования радиопередающих устройств. Радио, телевидение, компьютеры широко вошли в нашу жизнь. Тысячи юношей и девушек занимаются увлекательным видом технического спорта — радиолобительством. Они участвуют в крупномасштабных научных экспериментах, не раз они помогали в поисках и спасении потерпевших кораблекрушение, пропавших экспедиций.

...Самолет заходил на посадку, когда в наушниках у летчика вдруг загремело:

— Внимание! Внимание! В эфире Император!

Вслед за этим—музыка, смех, обрывки какой-то песенки. Служебная радиосвязь, от которой — без всяких преувеличений — зависела жизнь более двухсот людей, оказалась нарушенной радиохулиганом.

Для изготовления или использования радиопередающей аппаратуры необходимо получить разрешение. Под использованием радиопередающего устройства понимается его эксплуатация по прямому назначению—передача в эфир сигналов, слов, фраз, музыки и т. п. Использование радиопередающего устройства допускается только после его регистрации и получения официальных позывных в комитете или радиоклубе ДОСААФ.

Выходя в эфир, радиолобитель должен строго придерживаться диапазонов, установленных для любительской радиосвязи. Выход в эфир без регистрации, после истечения срока разрешения или не тем лицом, которому выдано разрешение, а также нарушение диапазона частот — административные правонарушения, за которые установлена ответственность.

А вот создание помех в работе массовых широкоэвещательных радиостанций, нарушение служебной радиосвязи, передача в эфир нецензурной брани и т. п. квалифицируются уже как хулиганство и влекут не административную, а уголовную ответственность.

Правила пользования библиотеками. Книжный фонд библиотеки—общенародное достояние, которым могут бесплатно пользоваться все

граждане СССР. Вместе с тем читатель должен знать как свои права, так и обязанности.

Книга не просто имущество, это духовная, культурная ценность. Необходимо бережно относиться к книге, в том числе и к школьному учебнику. Получив книгу, нужно удостовериться в ее целостности.

Читатель обязан вернуть книгу не позднее установленного срока, который может быть продлен, если на книгу нет спроса со стороны других читателей.

Потерявший книгу или причинивший ей невосполнимый вред обязан заменить книгу такой же или равноценной. Если это невозможно, то возмещается ее стоимость в десятикратном размере. За школьников имущественную ответственность несут их родители. Если объектом хищения стала редкая, ценная книга, виновный может быть привлечен к административной ответственности, а в случае, если ущерб превышает 50 рублей, даже к уголовной.

Правила содержания собак и кошек. У вас есть четвероногий друг? Общение с ним доставляет вам радость? Прекрасно, но не забывайте о том, что для содержания собак и кошек также установлены определенные правила. Такое содержание в квартире, занятой отдельной семьей, допускается при условии соблюдения санитарно-гигиенических и ветеринарных правил; если же в квартире живет несколько семей, то необходимо согласие всех проживающих.

Запрещается содержать собак и кошек в местах общего пользования жилых домов — на лестничных клетках, чердаках, подвалах, в общих коридорах.

Все собаки, независимо от их породы, подлежат регистрации в ветеринарном учреждении по месту жительства. Вновь приобретенные собаки должны быть зарегистрированы.

Выгуливать собак разрешается только на специально отведенной площадке (а также на пустырях и в других местах, определяемых исполкомами местных Советов). При этом выводить собаку в общий двор или на улицу можно лишь на коротком поводке или в наморднике, с номерным знаком на ошейнике (кроме щенков до трехмесячного возраста). Запрещается выгуливать собак лицам, находящимся в нетрезвом состоянии.

За нарушение правил содержания собак и кошек в городах и других населенных пунктах установлена административная ответственность. Взыскание налагается административными комиссиями при исполкомах районных, городских, районных в городах Советов народных депутатов.

...Тем, кто желает познакомиться с административным законодательством более основательно, рекомендуем книгу: Козлов Ю. М. Советское административное право. М. Знание, 1984. В ней рассматриваются назначение административного права, особенности его норм и методов, организация и деятельность различных органов государственного управления.

В. ИСАКОВ

С ТИМУРОВСКИМ БЕСКОРЫСТИЕМ

Владимир Завальный, аппаратчик Братского алюминиевого завода, еще недавно и не предполагал, что станет когда-нибудь оперативником. Но вышло иначе.

Все началось с комсомольского рейда по подвалам 10-го микрорайона Братска. Спустившись в один из таких подвалов, Владимир обнаружил трех подростков. Смотрел на них Завальный и удивлялся: не пьяны вроде бы — запаха нет, а глаза шальные. Когда догадался, в чем дело, решил было устроить мальчишкам выволочку, — крепкий парень, легкоатлет-разрядник, он к «гнили» с детства чувствовал брезгливость. Но потом устыдился своего порыва. Понял, что здесь не кулачная расправа, нужна помощь.

Подростков доставили в отделение милиции. Затем туда пришли их родители, тем и другим предложили написать объяснительные. И поставили малолетних, так сказать, начинающих наркоманов на свой учет. Так, Владимир Завальный впервые увидел как бы изнутри работу добровольного отряда по борьбе с наркоманией среди несовершеннолетних, организованную сержантом милиции Андреем Листратовым. Главный же опекун комсомольцев, подказавший идею организации отряда, — капитан милиции Е. Капралов.

Второй год действуют добровольцы, сегодня их уже около сорока человек. Пришли сюда не по разрядке райкома ВЛКСМ — по зову совести. Например, Сергей Гавриловский, аппаратчик лесопромышленного комплекса, уже не первое лето работал воспитателем в военно-спортивном лагере «Атлант». Прежде отдыхали там ребята в каникулы да радовались, но вдруг поползли среди них разговоры про «колеса». И если бы только разговоры... Разве мог воспитатель мириться с таким? Вот и присоединился к оперативникам Листратова. Вслед за ним — Игорь Михеев, Андрей Киселев, Владимир Лишин, Виталий Жданов... По два-три раза в неделю добровольцы обходят городские клубы, дискотеки, подвалы.

Увы, забавы нынешних мальчишек и девчонок зачастую не столь незатейливы, как проделки гайдаровского «антигероя» Мишки Квакина... Семнадцатилетний братчанин Сергей Б. в поисках «дозы» с двумя сверстниками-компаньонами совершил ограбление швейной фабрики, узла связи. Известно, что наркоман — потенциальный преступник, в период мучительных ломок он способен на все. И потенциальный потерпевший — тоже. Десятилетний житель Братска Леша С. в состоянии «кайфа» упал в лужу бензина. Кто-то чиркнул спичкой... Спасти мальчика уже не удалось.

Недавно штаб отряда получил постоянную прописку в здании медицинского училища (сами договорились с медиками, от райисполкома и горкома комсомола пока не получали ничего, кроме устного благословения). В его разросшемся хозяйстве наиболее ценна картотека, где собраны более ста карточек на подростков, употребляющих наркотики. Здесь фотографии, конверты с объяснительными и другими важными документами. Учет поставлен солидно, и это принесит свои плоды. Например, преступник, организовавший ограбление фабрики и узла связи — упоминавшийся уже Сергей Б., —

был «вычислен» именно Листратовым и его товарищами. Они же его и задержали.

Недолго работает отряд, но уже прослышали о нем жители Братска. Красноречивое заявление обнаружил автор этих строк в конверте, прикрепленном к карточке шестнадцатилетней Светланы С. Пишет ее дедушка: «Помогите! Девочка погибает, глотает снотворные таблетки. Неделю назад убежала из дома, с ног сбились, не можем ее найти...» Ребята отыскали беглянку, оформили ее на лечение. Помогли они и четырнадцатилетнему Алексею З., и многим, многим другим. Срок еще, правда, невелик, чтобы можно было с уверенностью предсказывать полное избавление малолетних наркоманов от недуга. Дело это гораздо труднее, нежели перевоспитание хулиганистых подростков вроде Мишки Квакина.

Но сорок братчан взялись за него. Крепко, с тимуровским бескорытием.

С. ИВАНОВ

Иркутская область.

ЗАВИСИТ ОТ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ

В статье «От детского сада — до вуза» («ЧиЗ» № 6) речь шла о том, что положение с подготовкой преподавателей права в стране в целом не утешительно. Отмечалось, что порой лекции по этой тематике как в общеобразовательной школе, профтехучилище, техникуме, так и в вузе читают «случайные» преподаватели, у которых не хватает учебной нагрузки.

Вот почему необходима единая система подготовки и повышения квалификации преподавателей права. Как известно, самые современные, хорошо отлаженные учебные программы останутся не реализованными без высококвалифицированных педагогических кадров. Если учителей права для общеобразовательных школ готовят педагогические институты и исторические факультеты университетов, для неюридических вузов — юридические факультеты и кафедры Советского права университетов, то в настоящее время из поля зрения выпала подготовка данных специалистов для профтехучилищ, техникумов. Например, в Казахской ССР из 260 техникумов примерно 220 не укомплектовано квалифицированными специалистами, не говоря уже о ПТУ, которых в республике значительно больше. Можно прийти к выводу, что эта проблема в настоящее время приобретает особую актуальность. Представляется целесообразным возложить на педагогические вузы подготовку преподавателей права не только для общеобразовательных школ, но и для профтехучилищ. Кафедры советского права, юридические факультеты государственных университетов должны обеспечивать кадрами вузы и техникумы. При этом учитывать особенности работы будущих специалистов.

Изучение вопроса повышения квалификации преподавателей права в неюридических вузах ряда республик показало, что в ос-

новном оно проходит при министерстве юстиции либо при Верховном суде данной республики. Так, Министерство юстиции Эстонской ССР совместно с Минвузом ЭССР и республиканским обществом «Знание» ежегодно перед началом учебного года проводят семинары преподавателей правовых дисциплин неюридических вузов. Некоторые республики направляют преподавателей на факультет повышения квалификации в МГУ.

Впервые с 1987/88 учебного года в МГУ при кафедре Советского права и методики правового воспитания проходят повышение квалификации преподаватели советского права. Им читаются лекции по методике правового воспитания, хозяйственно-правовым проблемам, трудовому законодательству, педагогике и психологии, методическим и теоретическим проблемам государства и права. Однако одна эта кафедра в дальнейшем будет не в состоянии принять всех желающих.

Подобные кафедры созданы и в некоторых союзных республиках, например, при университетах в Ташкенте, Алма-Ате, но пока повышением квалификации они не занимаются. Нет такой кафедры в Тартуском государственном университете, хотя все возможности имеются. Курс права здесь читают преподаватели всех кафедр юридического факультета. Правда, эта нагрузка является для них дополнительной, соответственно и отношение к ней. Кроме этого, на большинстве факультетов нет учебных программ по курсу права, не предусмотрены семинарские и практические занятия. По ряду специальностей значительно снижен установленный типовой минимум часов на изучение данного предмета. Естественно, что при таком положении дел не приходится надеяться на надеждающее качество знаний учащихся.

Еще одна актуальная проблема, которая негативно влияет на правовое воспитание учащейся молодежи. В неюридических вузах, как правило, преподавателей советского права прикрепляют к разнообразным кафедрам по принципу «кто возьмет». Поэтому говорить о научной, методической работе преподавателя не приходится.

Реализуя решения февральского (1988 г.) Пленума ЦК КПСС о юридическом всеобуче, прежде всего следует создать благоприятные условия преподавателям советского права в воспитании правовой культуры учащейся молодежи. Так, исходя из наличия неюридических вузов на определенной территории, из штатной численности преподавателей права в конкретном институте, из взаимосвязей с родственными специальностями и т. д., эту проблему можно решить следующим образом. Учитывая, что высококачественная педагогическая работа может быть осуществлена только при наличии кафедры, следует ориентироваться на создание в вузе кафедры «Советское право».

Если штатная численность для этого недостаточна, возможно организовать объединенную кафедру, например, советского права, этики и психологии. Такая возможность имеется, скажем, в МАИ, в институте управления имени Серго Орджоникидзе и некоторых других вузах. Это позволит в определенной мере устранить существующую разобщенность преподавателей правовой дисциплины и других близких по духу специальностей, повысит качество учебного процесса.

И третий вариант: межвузовская кафедра, способная стать центром производственно-технического обеспечения научной и учебной

работы. Подобный опыт есть в Алма-Ате в государственном университете. Организованная в 1983 году кафедра действует на базе юридического факультета. Ее цель — способствовать повышению теоретического и методического уровня преподавания курса советского права в неюридических вузах республики. Данная кафедра обеспечивает семь, включая КазГУ, неюридических вузов Алма-Аты. В состав ее входят 9 преподавателей. Она является опорной не только для тех вузов, которые обслуживает, но и всех вузов республики.

Курс советского права читается здесь по ежегодно обновляемым рабочим программам, разработанным в зависимости от специфики вуза (их разработано 9). Кафедрой ведется 14 спецкурсов и спецсеминаров, в том числе методики правового воспитания. Студенты технических вузов пишут контрольные работы и рефераты по изучаемому курсу в соответствии с разработанной кафедрой тематикой. Преподавателями кафедры систематически проводится значительная внеаудиторная работа по правовому воспитанию учащейся молодежи, в том числе в общежитиях, а также смотры-конкурсы «Знаете ли вы право?». В результате значительно повысилось качество правовой работы в обслуживаемых вузах. На межвузовской кафедре юридического факультета университета преподаватели и сами повышают квалификацию. Здесь на юрфаке они ведут спецкурсы, работают с дипломниками. Такой положительный опыт заслуживает пристального внимания, изучения и распространения.

И, наконец, нужны просто базовые правовые кафедры, где иные неюридические вузы могли бы получить научно-методическую помощь. Такие опорные кафедры могут создаваться при государственных университетах либо в профилирующих институтах. Так, в Казахской ССР действуют 20 педвузов и вместе с тем нет базовой правовой кафедры. Существовавшая до 1987 года такая кафедра в Казахском государственном педагогическом институте была ликвидирована.

Н. КОСЯКОВА,
доцент МАИ

ПО ПРОТЕСТУ ПРОКУРОРА

Администрация производственного объединения «Тулагорхлеб» заключила письменный договор о полной индивидуальной материальной ответственности с начальником отдела сбыта хлебозавода № 1. Этот договор был опротестован прокурором города, советником юстиции В. Фоменко как не соответствующий требованиям статьи 121¹ КЗоТ РСФСР. Данная статья предусматривает, что договоры о полной материальной ответственности могут быть заключены с работниками (достигшими 18-летнего возраста), занимающими должности или выполняющими работы, непосредственно связанные с хранением, обработкой, продажей (отпуском), перевозкой или применением в процессе производства переданных им ценностей. Перечень таких работ и должностей содержится в Приложении № 1 к постановлению Госкомтруда СССР и Секретариата ВЦСПС от 28 декабря 1977 года № 447/24. Работа начальника отдела сбыта с выполнением указанных работ не связана и Перечнем не предусмотрена.

Протест был удовлетворен. Договор о полной материальной ответственности с начальником отдела сбыта расторгнут.

Задача 1.

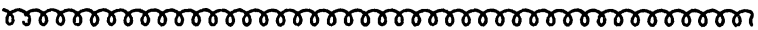
Между супругами Елисеевыми возник спор о том, какое имя присвоить родившемуся сыну. Ребенку исполнилось уже два месяца, а имя так и не подобрали, и бабушка мальчика решила зарегистрировать его рождение сама, назвав внука именем, против которого возражали оба родителя. Как поступить Елисеевым в создавшейся ситуации?

Задача 2.

Комиссия по делам несовершеннолетних исполкома районного Совета народных депутатов предъявила в суд иск о лишении Зайнуллиной родительских прав в отношении двоих сыновей 1976 и 1982 гг. рождения. Как видно из материалов дела, она состоит на учете в наркологическом диспансере по поводу хронического алкоголизма, воспитанием детей не занимается, в нетрезвом виде устраивает скандалы, в присутствии детей бьет престарелую мать. Старший сын состоит на учете в инспекции по делам несовершеннолетних, а младший — на учете у невропатолога по поводу отставания в психическом и физическом развитии. Отца у детей нет.

Имеются ли основания для удовлетворения иска? Как будет решаться дальнейшая судьба детей в случае лишения матери родительских прав?

(Ответы см. на стр. 66).

ОТ А ДО Я

ПОСТОЯННЫЕ КОМИССИИ СОВЕТОВ

Недавно позвонил мне приятель и посоветовал на то, что его оштрафовала постоянная комиссия райсовета: с собакой гулял в неполюженном месте.

— При чем здесь постоянная комиссия районного Совета? — Удивился я. — Наверное, тебя вызывали на заседание административной комиссии при исполкоме?

— Какая разница, штраф-то все равно надо платить, — перебил товарищ.

Что ж, штраф платить надо, в этом он прав. И все-таки, что такое постоянные комиссии местных Советов народных депутатов?

В соответствии со статьей 91 Конституции СССР Советы народных депутатов избирают постоянные комиссии. Их задачами являются разработка предложений для рассмотрения Советом народных депутатов и его исполнительным комитетом; предварительное рассмотрение и подготовка вопросов, относящихся к ведению Совета; содействие работе по осуществлению решений Совета и исполкома; контроль за деятельностью отделов и управлений исполкома, предприятий, учреждений и организаций, расположенных на территории данного Совета, по проведению в жизнь решений Совета и исполкома и по соблюдению законодательства; содействие выполнению наказов избирателей.

Как правило, постоянные комиссии образуются на первой сессии Совета народных депутатов очередного созыва из числа депутатов данного Совета в составе председателя и членов комиссии. Постоянная комиссия на заседаниях избирает секретаря комиссии и заместителя председателя (в некоторых союзных республиках они избираются непосредственно на сессии). В случае необходимости Совет может создавать постоянные комиссии и на последующих сессиях, а также вносить изменения в их состав.

Постоянные комиссии являются основной формой привлечения депутатов к работе Совета. Сейчас они объединяют более 80 процентов депутатов. При формировании постоянных комиссий учитывается личное желание депутатов, а также наличие у них определенного опыта производственной работы, близкой к профилю соответствующей комиссии. Законодательство устанавливает, что в состав постоянных комиссий местных Советов народных депутатов, например, на уровне района, не могут быть избраны депутаты, являющиеся членами его исполнительного комитета, комитета народного контроля, депутаты — народные судьи.

В местных Советах создаются следующие постоянные комиссии.

Мандатная комиссия проверяет полномочия депутатов и представляет на рассмотрение Совета предложения о признании полномочий депутатов, а в случае нарушения законодательства о выборах — о признании выборов отдельных депутатов недействительными; подготавливает и вносит в исполком предложения по вопросам проведения выборов депутатов вместо выбывших; подготавливает заключения по вопросам, связанным с неприкосновенностью депутатов и другими гарантиями депутатской деятельности, отзывом депутатов избирателями, а также вопросов о досрочном сложении депутатских полномочий.

Планово-бюджетная комиссия предварительно рассматривает внесенные исполнительным комитетом на утверждение Совета проекты текущих и перспективных планов экономического и социального развития, проект бюджета и отчеты об их исполнении; рассматривает поступившие в комиссию от исполнительных комитетов нижестоящих Советов и общественных организаций предложения по проектам планов экономического и социального развития и бюджету; ведет работу по выявлению внутрихозяйственных резервов и дополнительных доходов бюджета; участвует в осуществлении контроля за выполнением планов экономического и социального развития и исполнением бюджета; принимает участие в подготовке других плановых и бюджетно-финансовых вопросов.

Комиссия по социалистической законности и охране общественного порядка принимает участие в разработке и осуществлении мероприятий по обеспечению социалистической законности и охраны

государственного и общественного порядка, прав граждан на территории Совета, а также мероприятий по правовому воспитанию населения; дает заключения по проектам решений Совета; участвует в осуществлении контроля за соблюдением социалистической законности в отделах и управлениях исполнительного комитета, на предприятиях, в учреждениях и организациях, в проверке состояния дел по рассмотрению предложений, заявлений и жалоб граждан и организации их приема; оказывает помощь в работе советов общественных пунктов охраны порядка, добровольных народных дружин, товарищеских судов и добровольных пожарных дружин.

Комиссия по делам молодежи подготавливает и вносит на рассмотрение Совета и его исполнительного комитета проекты решений и другие предложения по вопросам воспитания, образования, профессионального обучения, труда, быта, отдыха и охраны здоровья молодежи, ее участия в государственном, хозяйственном и социально-культурном строительстве; а также предварительно рассматривает проекты решений Совета и его исполнительного комитета, проекты планов и бюджета по вопросам своей компетенции и осуществляет контроль за выполнением этих решений.

Местные Советы могут создавать постоянные комиссии и по другим вопросам (например, по промышленности, транспорту, строительству, сельскому хозяйству, охране природы, торговле, общественному питанию, вопросам труда и быта женщин, охраны материнства и детства и т. п.). Они принимают участие в подготовке и предварительном обсуждении выносимых на рассмотрение Совета и исполкома вопросов, которые связаны с развитием соответствующих отраслей государственного, хозяйственного и социально-культурного строительства; подготавливают совместно с планово-бюджетной комиссией заключения по планам экономического и социального развития и бюджету, отчетам об их исполнении; ведут работу по выявлению дополнительных резервов и возможностей развития сельского хозяйства, местной промышленности, жилищно-коммунального хозяйства и благоустройства, улучшения социально-культурного, бытового и иного обслуживания населения; проверяют в пределах своих полномочий работу отделов и управлений исполкома, предприятий, учреждений и организаций, расположенных на территории Совета.

Постоянные комиссии местных Советов народных депутатов строят свою работу на основе коллективного, свободного, делового обсуждения и решения вопросов, гласности и широкой инициативы депутатов. Они действуют в тесной связи с государственными органами, общественными организациями и трудовыми коллективами, органами народного контроля и органами общественной самодеятельности населения, активно вовлекают граждан в работу Советов и их органов, изучают и учитывают общественное мнение, информируют население о своей деятельности.

По вопросам, относящимся к их ведению, постоянные комиссии вправе заслушивать на своих заседаниях доклады и сообщения руководителей отделов и управлений исполнительных комитетов, предприятий, учреждений, организаций, расположенных на территории Совета, требовать от должностных лиц необходимые им документы и материалы.

Решения постоянных комиссий носят рекомендательный характер. Однако их рекомендации подлежат обязательному рассмотрению соответствующими государственными и общественными орга-

нами, предприятиями, учреждениями, организациями. О результатах рассмотрения или о принятых мерах должно быть сообщено постоянной комиссии не более чем в месячный срок либо в иной срок, установленный комиссией.

Для осуществления контрольных полномочий постоянные комиссии могут в необходимых случаях создавать депутатские посты, а также обращаться с запросами к исполкомму, его отделам и управлениям, руководителям предприятий, учреждений, организаций, расположенных на территории Совета, по вопросам, отнесенным к ведению данного Совета.

Постоянные комиссии местных Советов народных депутатов не занимаются наложением штрафов на граждан. Такое право предоставлено некоторым комиссиям при исполкомах районных, городских, районных в городах, поселковых и сельских Советов народных депутатов, например, административной комиссии (как это и было в случае с моим знакомым), комиссии по делам несовершеннолетних, комиссии по борьбе с пьянством.

Л. ЛИТВИНОВ,
кандидат юридических наук

ИГРОТЕКА «Чиз»

I. УГАДАЙ СКАЗКУ

1. В какой сказке женщина крайне неопределенных лет, утратившая надежду стать матерью, замышляет похитить чужого ребенка, используя для этого летательные аппараты, воспетые певцом и композитором Е. Мартыновым? Одновременно в сказке уделяется внимание вопросам своевременного сбора урожая, пользы изделий из ржаной муки и тому, как в результате бесхозяйственности на фермах молоко утекает реками.

2. Геронья какой сказки, облаченная в дорожную, не имеющую государственного клейма шубу, явилась в гости, да так и не захотела уйти оттуда — очень уж ей приглянулась архитектура строения. И в какие только инстанции не обращался хозяин, пока действия непрошеной гостьи не были квалифицированы как незаконный захват жилища.

II. НАЙДИТЕ И ИСПРАВЬТЕ ОШИБКИ.

1. Объявление в театральном гардеробе:

За утерю бирки
взимается штраф
3 руб.

2. Обложка книги:

Ф. С. МАХОВ
ЖИТЬ
БЕЗ ПРОСТУПКОВ
И ПРАВОНАРУШЕНИЙ
Юридическая литература

(Ответы см. на стр. 67).

ЗАБОТА О ВЕТЕРАНАХ

Слышал, что не так давно правительством предоставлены дополнительные льготы ветеранам войны и труда. Так ли это?

Н. КОЗЛОВ

г. МОСКВА

С аналогичным вопросом обращаются в редакцию многие читатели журнала. Действительно, 12 мая 1988 года Советом Министров СССР и ВЦСПС принято постановление «О дополнительных мерах по улучшению условий жизни ветеранов войны и труда». В нем намечены неотложные меры по строительству домов-интернатов для престарелых и инвалидов, установлен постоянный контроль за выполнением планов ввода их в эксплуатацию. С 1 января 1989 года повышаются досрочно (вместо ранее установленного срока — ноябрь 1990 г.) денежные нормы расходов на питание и медикаменты в домах-интернатах.

До конца текущей пятилетки должны быть обеспечены отдельной квартирой или индивидуальным домом все нуждающиеся в улучшении жилищных условий инвалиды войны, семьи погибших военнослужащих и лица, приравненные к ним, которые были взяты на учет до 1 января 1988 года. Что же касается остальных — нуждающихся в жилье участников войны и воинов-интернационалистов, то Советам Министров союзных и автономных республик, министерствам и ведомствам СССР, исполкомам местных Советов народных депутатов, руководителям предприятий и организаций с участием Советов и комитетов профсоюзов, трудовых коллективов поручено определить конкретные, сжатые сроки улучшения их жилищных условий. Постановлением предусмотрено поручить соответствующим органам принять необходимые меры к совершенствованию порядка выделения жилой площади ветеранам войны и труда, одиноким престарелым гражданам. При этом имеется в виду предусмотреть возможность более полного удовлетворения их просьб о приближении жилья к месту жительства родных и близких, а также о замене имеющейся жилой площади в верхних этажах домов без лифтов на нижние.

Министерству связи СССР дано поручение ускорить телефонизацию квартир ветеранов войны с таким расчетом, чтобы инвалиды войны были обеспечены телефонами до конца нынешней пятилетки, а остальные участники войны — не позднее 1993 года.

Исполкомам местных Советов народных депутатов разрешено проводить капитальный ремонт индивидуальных жилых домов, принадлежащих инвалидам войны, семьям погибших военнослужащих и приравненных к ним лицам за счет средств местного бюджета, в пределах до одной тысячи рублей по каждому дому.

На лиц, награжденных орденами, медалями СССР за самоотверженный труд и безупречную воинскую службу в тылу в годы Вели-

кой Отечественной войны, распространены следующие льготы и преимущества, установленные участникам войны из числа военнослужащих: они получают 20-процентную надбавку к пенсии по старости за непрерывный стаж работы на одном предприятии, учреждении, организации при наличии необходимого непрерывного и общего стажа работы, независимо от того, работали ли они по состоянию на 1 января 1983 года или позднее; лицам, получающим пенсию до 80 рублей, будут отпускаться лекарства по рецептам врачей с 50-процентной скидкой, предоставляется право на использование очередного ежегодного отпуска в удобное для них время, а также им предоставляется право на получение дополнительного отпуска без сохранения заработной платы до двух недель в году. Эти и некоторые другие льготы введены с 1 июля 1988 года.

М. КАРЫШЕВ,
юрист

Инвалиды с детства: правовое положение

Мой сын является инвалидом с детства. До 16 лет ему группа инвалидности не устанавливалась, а он просто признавался медицинским учреждением инвалидом, и райсобес ему выплачивал ежемесячное пособие. После исполнения 16 лет поликлиника направила его на ВТЭК. Он был признан инвалидом третьей группы, и выплату пособия ему прекратили. Правильно ли это!

Н. ДВОРЕЦКАЯ

г. МОСКВА

Да, райсобес поступил правильно. В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 23 мая 1979 г. «Об улучшении материального обеспечения инвалидов с детства» пособия инвалидам с детства, достигшим 16 лет, выплачиваются имеющим I и II группы, а также детям-инвалидам, не достигшим 16-летнего возраста. Выплату пособий инвалидам с детства III группы закон не предусматривает.

Моя 11-летняя дочь тяжело больна, практически не может двигаться. Получает пособие как инвалид с детства. Недавно в результате несчастного случая погиб отец дочери. Она получила право на пенсию по случаю потери кормильца. Если она будет получать такую пенсию, сохранится ли у нее право и на получение государственного пособия!

Н. ЕМЕЛЬЯНОВА

г. БАРНАУЛ

В соответствии с пунктом 3 Инструкции о порядке назначения и выплаты ежемесячных пособий инвалидам с детства (утверждена

постановлением Государственного комитета СССР по труду и социальным вопросам от 15 октября 1979 г. № 437) пособие или пенсия на детей-инвалидов назначается по выбору их родителей или опекунов. И пособие, и пенсию одновременно получать нельзя.

Мой 20-летний сын признан инвалидом с детства II группы. По направлению райсобеса его приняли на работу надомником. Будет ли влиять получаемый им заработок на получение пособия по инвалидности?

В. НОВИКОВА

г. УФА

Нет, не будет. В соответствии с пунктом 16 Инструкции о порядке назначения и выплаты ежемесячных пособий инвалидам с детства назначенное пособие выплачивается инвалиду I или II группы независимо от получаемого им заработка, стипендии, алиментов или других доходов.

Моя несовершеннолетняя дочь признана инвалидом с детства I группы. Имеются ли у нее какие-либо льготы по улучшению жилищных условий? И второе. Обязан ли исполком при предоставлении жилого помещения учитывать близость медицинского учреждения, аптеки и т. п.

М. БУРМАКИНА

г. ГОРЬКИЙ

Льготы по улучшению жилищных условий, выражающиеся в первоочередном праве на улучшение жилищных условий, могут быть предоставлены лицам, перечисленным в ст. 36 Жилищного кодекса РСФСР, в том числе тем, кто страдает заболеваниями, перечисленными в приложении № 1 к приказу Министерства здравоохранения СССР. Это право можно реализовать, предъявив медицинское заключение, выданное врачебно-консультационной комиссией лечебно-профилактического учреждения по месту жительства ребенка. Что касается вопроса о месте, в котором должна быть предоставлена другая квартира, то этот вопрос решается пунктом 11 постановления ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС от 27 марта 1986 г. «О мерах по дальнейшему улучшению условий жизни инвалидов с детства», которым рекомендовано исполкомам местных Советов народных депутатов при улучшении жилищных условий инвалидов с детства и других инвалидов I и II групп предоставлять им жилье с учетом необходимости приближения места жительства к месту работы и лечебно-профилактическим учреждениям.

В каких случаях инвалидам с детства предоставляются бесплатные лекарства?

Ф. МОРОЗОВ

г. ПСКОВ

Постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС «О мерах по дальнейшему улучшению условий жизни инвалидов с детства» устанавливает, что детям — инвалидам с детства в возрасте до 16 лет лекарства по рецептам врачей отпускаются бесплатно, а инвалидам с детства I и II групп, получающим пособия, предоставляется 50-процентная скидка со стоимости лекарств, приобретаемых по рецептам врачей.

Пользуется ли мой сын, инвалид с детства I группы, льготами при проезде на городском и железнодорожном транспорте? Если я сопровождаю сына при поездке в санаторий, предоставляется ли мне скидка со стоимости железнодорожного билета!

Т. МАКАРОВА

г. ОРЕЛ

Дети-инвалиды по зрению, дети-инвалиды, не имеющие двух конечностей или с параличом двух конечностей, а также инвалиды I и II групп вследствие этих причин, имеют право бесплатного проезда на всех видах городского пассажирского транспорта (за исключением такси) и на автомобильном транспорте общего пользования (за исключением такси) в сельской местности в пределах административного района по месту жительства.

Для детей-инвалидов с детства, а также для лиц, сопровождающих в поездках инвалидов I группы (не более одного сопровождающего), предоставляется 50-процентная скидка со стоимости проезда в осенне-зимний период по железной дороге, на воздушном, водном и междугородном автомобильном транспорте.

Расскажите, пожалуйста, о льготах, предоставляемых инвалидам с детства, желающим поступить в высшие и средние специальные учебные заведения.

О. НЕСТЕРОВА

Кировская область.

Согласно постановлению ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС от 27 марта 1986 г. «О мерах по дальнейшему улучшению условий жизни инвалидов с детства» разрешено принимать вне конкурса в высшие и средние специальные учебные заведения инвалидов I и II групп, которым согласно заключениям врачебно-трудовых экспертных комиссий не противопоказано обучение в указанных учебных заведениях.

Инвалиды I и II групп, окончившие высшие и средние специальные учебные заведения (независимо от формы обучения), направляются министерствами и ведомствами для трудоустройства, как правило, по месту жительства в соответствии с приобретенной ими специальностью.

А. НОВАРЧУК,
юрист

Советуем прочитать

В издательстве «Знание» вышла в свет книга доктора юридических наук В. М. Савицкого «Что такое уголовный процесс» (беседы с народными заседателями).

Ее первое издание, вышедшее почти десять лет тому назад, вызвало большой интерес у широкого круга читателей. Думается, что и второе издание будет встречено с не меньшим интересом.

В последнее время в юридической литературе, в периодической печати приведено немало фактов нарушения законности в уголовном судопроизводстве, необоснованного возбуждения уголовных дел, привлечения невиновных к уголовной ответственности. В этих условиях появление книги об уголовном процессе для широкого круга читателей, несомненно, будет содействовать привлечению внимания общественности к проблемам укрепления законности в уголовном судопроизводстве.

Книга написана ученым, специалистом в области уголовного процесса. Она предназначена народным заседателям и, несомненно, поможет им полнее увидеть свое назначение в уголовном процессе, почувствовать всю ответственность за выполнение своих обязанностей. Эта книга пригодится и народным судьям. Им она подскажет, как интереснее организовать беседы и занятия с народными заседателями, на которых порой лишь скучно излагается действующее законодательство. Да и вообще, любой, кто откроет ее, обязательно дочитает до конца.

Интерес к книге обусловлен не только ее содержанием, но и необычной, оригинальной формой изложения. Автор как бы ведет беседу с народными заседателями: отвечает на их вопросы, которые чаще всего возникают при исполнении ими своих обязанностей, помогает разобраться в сложных проблемах судопроизводства, в том, что такое уголовный процесс.

Поскольку книга прежде всего предназначена народным заседателям, многие ее страницы посвящены их непосредственному участию в отправлении правосудия. Автор пишет о высоких требованиях, предъявляемых к судьям и народным заседателям, о той ответственности, которая лежит на них за правильное, справедливое разрешение каждого уголовного дела. Он обращает внимание и на то, что еще нередко можно наблюдать пассивное участие народных заседателей в судебном разбирательстве. Анализируя причины такого поведения, напоминает о том, что пользоваться своими широкими правами для активного участия в судебном процессе — гражданский долг народного заседателя, его прямая обязанность.

Автор как бы ведет народного заседателя через весь уголовный процесс, подробно знакомя читателя с движением уголовного дела: его возбуждением, предварительным следствием, судебным разбирательством, проверкой законности и обоснованности приговора. Рассказ о предварительном следствии сопровождается рекомендациями народным заседателям, как лучше изучать материалы уго-

ловного дела, по которому им предстоит принять участие в судебном разбирательстве.

Обстоятельно изложены в книге вопросы, посвященные судебному разбирательству. И в данном случае они раскрываются применительно к участию народных заседателей в рассмотрении уголовного дела. Автор пишет об участии народных заседателей в судебном следствии, о значении непосредственного исследования доказательств, об их оценке, о критическом отношении к признанию подсудимым своей вины, о формировании у народных заседателей внутреннего убеждения, об участии в постановлении приговора.

Конечно, не со всеми выводами и предложениями автора можно согласиться, но, как отметил в предисловии к книге председатель Верховного суда СССР В. И. Теребилов, автору удалось интересно и увлекательно рассказать об основных принципах организации и деятельности суда, прокуратуры, адвокатуры в СССР, о стадиях уголовного судопроизводства, порядке расследования и разбирательства уголовных дел, процессуальных гарантиях прав личности в советском суде. В этом убедится каждый, кто прочтет эту книгу, а для народных заседателей она станет настольной.

Л. КОКОРЕВ,
доктор юридических наук

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ЮРИДИЧЕСКОГО ПРАКТИКУМА

Задача 1.

В соответствии со статьей 51 Кодекса о браке и семье РСФСР (аналогичные статьи имеются и в кодексах о браке и семье других союзных республик) имя ребенку дается по соглашению родителей. Поэтому Елисеевы имеют право переменить имя ребенка, обратившись в органы загса по месту их постоянного жительства. Органы загса аннулируют ранее выданное свидетельство и выдадут взамен его новое.

Задача 2.

В соответствии со статьей 59 КоБС РСФСР родители могут быть лишены родительских прав, если будет установлено, что они уклоняются от выполнения своих обязанностей по воспитанию детей или злоупотребляют своими родительскими правами, жестоко обращаются с детьми, оказывают вредное влияние на детей своим аморальным, антиобщественным поведением, а также если родители являются хроническими алкоголиками или наркоманами. В описанной ситуации основания для удовлетворения иска о лишении родительских прав имеются. В случае лишения Зайнуллиной родительских прав дети будут переданы на попечение органов опеки и попечительства (статья 61 КоБС РСФСР). Над ними может быть установлена опека со стороны родственников, знакомых, или они будут воспитываться в детском учреждении.

ОТВЕТЫ

На конкурс «Угадай сказку»

1. «Гуси-лебеди»
2. «Лиса, заяц и петух» или «Заячья избушка»

*На конкурс
«Найдите и исправьте ошибки»*

1. Юридическая ошибка. Ответственность в виде штрафа в данном случае не предусмотрена.
2. Понятие «правонарушение» охватывает и проступки и преступления. Правильный вариант: «Жить без правонарушений».

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

Принимается подписка на 1989 год на Собрание постановлений Правительства СССР, являющееся официальным изданием и выходящее в двух самостоятельных изданиях — СП СССР (отдел первый) и СП СССР (отдел второй).

В отделе первом Собрания постановлений публикуются постановления Правительства СССР, имеющие общее значение или носящие нормативный характер. Индекс — 70892.

В отделе втором Собрания постановлений публикуются соглашения, конвенции, протоколы и другие международные договоры, заключенные Правительством СССР с иностранными государствами. Индекс — 70948.

Оба отдела Собрания постановлений издаются регулярно, по мере поступления соответствующих материалов.

Подписка на СП СССР (на оба издания или на одно из них) оформляется только на год. Подписная цена первого отдела — 4 рубля, второго — 3 рубля.

Подписка принимается от учреждений, предприятий, организаций и граждан в отделениях связи, в пунктах приема подписки Союзпечати, а также общественными распространителями печати.

ИСПЫТАТЕЛЬНЫЙ СРОК

Говорят, что и на старуху бывает проруха. Вот и я недавно недолго глядел самую малость в законодательстве — и попал в пренеприятную историю. И вопрос-то был вроде простой, всем давно известный. Дело касалось испытания при приеме на работу. Помните? Когда заключается трудовой договор, то по соглашению сторон может быть обусловлено такое испытание, чтобы проверить, насколько работник соответствует работе, которую ему поручают.

Так вот на сроке-то испытания я и споткнулся, хотя, казалось бы, знал его, как азбуку. А произошло вот что. Приходит ко мне на днях Виталик, сын соседей. Он в этом году школу окончил. И сообщает мне, что поступил на работу на наш завод. Правда, хотя он в школе и получил специальность токаря, приняли его с испытательным сроком в два месяца.

— Как в два месяца?! — удивился я. — Ведь всегда же срок испытания был не более недели для рабочих, двух недель для служащих и одного месяца для ответственных работников. Что-то, видать, напутал кадровик. Кто там в кадрах? Не Иван Ферапонтович ли? Ну-ка, пойдем к нему...

Приходим к Ивану Ферапонтовичу. Начинаю его стыдить. А он пожимает плечами, достает пачку Ведомостей Верховного Совета РСФСР.

— Законы ты, Николай, знаешь, — говорит. — Да вот только надо еще и внимательно следить за их изменением. Вот смотри, 5 февраля 1988 года установлено новое правило: срок испытания, если иное не установлено законодательством СССР и РСФСР, не может превышать трех месяцев, а в отдельных случаях, по согласованию с профкомом, — шести месяцев. Так что правильно срок испытания установлен.

Схватился я за голову. Вот как оплошал! Как я не усмотрел такого изменения в законе? Ошибку я свою, понятно, признал. Но тут же заявил Ивану Ферапонтовичу:

— Все равно ты не прав. Вот читай часть третью статьи 21 КЗоТ РСФСР: «Испытание не устанавливается при приеме на работу: лиц, не достигших восемнадцати лет; молодых рабочих по окончании профессионально-технических учебных заведений; молодых специалистов по окончании высших и средних специальных учебных заведений; инвалидов Отечественной войны, направленных на работу в счет брони. Испытание не устанавливается также при приеме на работу в другую местность и при переводе на работу на другое предприятие, в учреждение, организацию». Вот так. А Виталию, между прочим, нет еще восемнадцати.

Пришла очередь Ивану Ферапонтовичу хвататься за голову.

— Тут уж я проглядел, — со вздохом признался он. — Так что квити мы с тобой, Николай. А ты, Виталий, приступай к работе без всякого испытательного срока. Не положен он тебе...

Вот так и закончилась эта история, которая послужила мне хорошей наукой: надо не только иметь под рукой все кодексы, но и следить за всеми изменениями в законах.

Николай БЫВАЛЫЙ

ВЛАСТЬ И ПРАВО

(О к о н ч а н и е. Начало на стр. 10).

Думаю, что прежде всего эти три элемента должны определять правовое государство. Существуют они у нас на сегодняшний день? Нет, конечно. И чтобы их создать, нужна длительная, многолетняя работа. Важно только, чтобы это дело не стояло. Важно, чтобы оно двигалось.

В. Савицкий. Вы правы, что концепция правового государства появилась у нас, к сожалению, слишком поздно. Но дело в том, что попытки использовать эту концепцию были и раньше. Помню, я написал статью о социалистическом правовом государстве в сборник «XXV съезд КПСС и вопросы государства и права». Ее отклонили. Это было, кажется, в конце 1976 года. Меня встречали как прожектера, обвиняли в том, что я использую буржуазные концепции. В то время было такое вульгаризаторское отношение ко всему достигнутому на Западе, что мы даже забыли вещи слова Ленина о необходимости взять все ценное, что создано человечеством.

В. Яковлев. И что может быть использовано для защиты трудящихся.

В. Савицкий. Хочу привести слова Ленина. Он писал: «Черпать обеими руками хорошее из-за границы: Советская власть + прусский порядок железных дорог + американская техника и организация трестов + американское народное образование etc. etc. ++ = Σ = социализм». То есть Ленин призывал независимо от того, где создавалось что-то положительное, в Пруссии, Англии, в США, брать его, потому что оно апробировано многовековым опытом.

Такая же ценность — концепция правового государства, которая возникла как противодействие бюрократии в ее попытках раздавить человека. Она была выдвинута школой естественного права, если не ошибаюсь, еще в семнадцатом веке. И была направлена на то, чтобы защитить личность от произвола властей. И вот эту концепцию наконец-то взяли на вооружение. Впрочем, уже и сейчас можно услышать упреки, что это похоже на rule of law в американской системе и на Rechtsstaat в Конституции ФРГ. Ну и что, если похоже? Нам надо разработать эту концепцию так, чтобы она содержательно, классово отличалась от принятой на Западе. Четкой системы параметров правового государства социалистического типа мы пока не разработали. И это, очевидно, важная задача советских юристов на ближайшее время.

В. Нерсесянц. Я, например, считаю, что у нас государство и право не развиты. И не развиты они по ряду причин. Ведь наши недостатки в 30-е и последующие годы проистекали не из того, что слишком была развита государственность, а из того, что политическая власть не была организована как государственно-правовая власть. И законодательство не было правовым.

Если же говорить о государственной власти, то, конечно же, она не является источником права. Право формируется обществом, общественными отношениями людей. А вот формулируется оно соответствующими властными органами. И важно, чтобы это были именно представительные органы.

Раз мы признаем социалистическое правовое государство и его развитие, а не отмирание, раз мы признаем социалистическое право, то должны понимать, что право—это хотя и равная мера, но в отличие от уравниловки оно исходит из наличия различий.

Масса различий, которые в жизни существуют, при помощи механизма правового равенства предстает в виде защищенных правом неравенств. Поэтому и сегодня от одних можно услышать, что кто-то слишком большую зарплату получает, а у кого-то слишком много на сберкнижке денег. Другой считает, что при наследовании надо брать очень большой налог, чтобы уравнивать всех. А ведь все это проявление не правового, а антиправового сознания. Вот почему для формирования правового государства нужны не просто хорошие законы, а качественно новые. Нужно не просто правовое сознание, а глубокое понимание права. Вот и получается, что вся наша перестройка — это движение к праву.

В. Савицкий. Мы пока еще не затронули очень важный вопрос, связанный с сущностью правового государства,— о роли суда. Упоминали об этом, но не говорили подробно. А мне кажется, что, обойдя этот вопрос или просто забыв о нем, мы не раскроем один из важных моментов, без которого нельзя говорить об организации и функционировании власти.

Суд, олицетворение одной из властей, уравнивающей другие власти, должен иметь в правовом государстве четкую задачу, четкую цель. Наряду с тем, что он борется с преступностью, защищает гражданина от преступления, разрешает имущественные споры, он должен также ограждать человека от злоупотреблений властью со стороны должностных лиц, со стороны чиновников. Суд в широком смысле — это гарант прав личности. К сожалению, мы привыкли воспринимать суд как орган репрессий, применяющий уголовное наказание. И очень редко оправдывающий человека от необоснованного обвинения. Наш суд пока не занимает того места, которое он должен занимать в правовом государстве. Он не носитель справедливости, не гарант прав личности. Это, к сожалению, простое управленческое учреждение, зависимое к тому же от местных и других властей.

И то, что сегодня наряду с изменениями системы политической на конференции специально поставлен вопрос об изменении правовой системы, о судебной реформе, показывает, какую важную роль должен играть суд в правовом государстве. Я хотел бы привлечь ваше внимание к одной фразе в докладе Михаила Сергеевича Горбачева на XIX партконференции. Он говорил: «Крайне важно восстановить ленинское видение роли суда в системе нашей демократии».

Восстановить ленинское видение суда. Что имел в виду Генеральный секретарь, говоря об этом? Я думаю, он имел в виду одно очень мудрое, очень емкое и, я бы сказал, программное высказывание о суде, которое было сделано Лениным на X съезде партии. Напомню ситуацию. X съезд партии открылся в начале марта 1921 года. В феврале вспыхнули кулацкие мятежи в Сибири. Вширь пошло движение Антонова. Страна охвачена продовольственным и топливным кризисом. Закрываются многие заводы. 28 февраля, буквально накануне съезда, вспыхнул Кронштадтский мятеж. То есть была ситуация, когда нужно было спасти Советскую власть от разрухи и разгрома и когда можно было оправдать любое отступление от закона. На съезде возникают вопросы о зерне, о хлебе. Затронули и дело сибирских продовольственников, в том числе и некоего Дрож-

жина, который был обвинен в злоупотреблениях. И вот Ленин, выступая 15 марта на съезде с заключительным словом, говорит: «Если Дрожжин предан суду, то это сделано именно для того, чтобы показать, что он не виновен. Я слышу тут замечания скептические, но во всяком случае надо сказать, что это — точка зрения правильная. Нарекания и сплетни бывают нередко, и показать таким путем их лживость — прием вполне правильный».

Это сказано в такой ситуации, когда, повторяю, можно было оправдать любое отступление от юридических предписаний. А Ленин говорил о предании человека суду для того, чтобы показать, что он невиновен. Ленин рассматривал суд как инстанцию справедливости, которая может и должна невиновного очистить от грязи. Это то, о чем говорят в народе — суд не на осуд, а на рассуд.

К сожалению, сегодня о нашем суде такого не скажешь. До последнего времени в нем господствовал обвинительный уклон. Он целиком шел на поводу у обвинительной власти прокурора. И поэтому добиться в суде реабилитации было занятие зряшное.

Так вот, когда Михаил Сергеевич говорил о восстановлении ленинского видения суда в системе нашей демократии, то, я уверен, он имел в виду именно это: суд — как орган справедливости, а не как орган расправы.

Так что же нужно сделать, чтобы такая роль суда стала реальностью? Что мешает нашему суду стать таким органом? Его зависимость, его несамостоятельность. На конференции обсуждался вариант реформы, суть которого в избрании судов высшестоящими Советами. Думаю, что это недостаточно радикальное решение проблемы. Убежден, что суды могут сохранить свою независимость лишь в том случае, если судьи будут назначаться высшим органом власти — Президиумом Верховного Совета — пожизненно и будут несменяемы. А то, что мы сейчас предлагаем — увеличить срок пребывания судьи на должности до 10 лет, — это очень схоже с чехословацкой моделью. Там все судьи выбираются либо Национальным собранием Словакии, либо Национальным собранием Чехии, либо Федеральным собранием Чехословакии на 10 лет. Когда я выступал в Чехословакии среди юристов — научных и практических работников — и говорил им о нашей проблеме независимости судей, они отвечали: у них та же проблема. И судья, который достигает восьми-девятилетнего возраста пребывания на посту, уже мало думает о правосудии, он всецело занят тем, как угодить властям, чтобы сохранить свое место.

В. Сиренко. Валерий Михайлович, а как вы думаете, мы готовы к тому, чтобы назначать судей пожизненно? Наш сегодняшний опыт показывает, что люди, которые приобретают власть, так обрастают связями, что как бы это пожизненное назначение не обернулось для нас пожизненным беззаконием. И еще. Сталкиваясь с судебной практикой, мы видим много судебных ошибок! Кстати, редакция получает очень много писем по этому поводу. Так в чем причина такого явления? И как его избежать в будущем?

В. Савицкий. Понимаете, основные ошибки судей заключаются не в том, что они часто необоснованно освобождают от ответственности лиц, совершивших преступление. Наоборот. Ошибки чаще всего заключаются в том, что они осуждают лиц, которые вообще невиновны или виновны в меньшей степени. Так что ошибки этих судей — в чрезмерной обвинительной направленности их приговоров. Откуда эта направленность появляется? От того органа, от которого суд получает дело. От прокуратуры. Нет же обвинительной направлен-

ности у судей по делам частного обвинения, где выступают два гражданина и спорят, кто кому, извините, набил морду на кухне.

В. Яковлев. Но тогда, Валерий Михайлович, откуда же берутся ошибки по гражданским делам, где нет прокурора, где нет вообще обвинительного уклона?

В. Савицкий. Могу допустить, что там эти ошибки происходят от недостаточной компетенции судей. И, кстати говоря, некоторые гражданские дела представляют для юриста большую сложность. Я когда-то работал следователем и помню, что для меня расследовать уголовное дело о хищении, где есть кипа разнообразных бухгалтерских документов, было гораздо сложнее, чем дело об убийстве.

В. Сиренко. Коль мы говорим о качестве правосудия, то мы и должны выяснить, в чем корни этого низкого качества. Думаю, что здесь ключевой вопрос — кадры.

В. Савицкий. Давайте все-таки ответим на вопрос, почему допускаются ошибки по уголовным делам. Да потому, что разбирать такие дела нужно, не боясь за свое кресло. Ведь именно в уголовных делах сталкиваются слишком сильные страсти, мощные рычаги власти. Поэтому особенно важно, чтобы судья чувствовал себя самостоятельным и независимым. Возьмем районное звено, так как 98 процентов гражданских и уголовных дел решают народные суды. Я сам работал в районе и знаю, что это такое. Так вот, представьте себе, что все — и прокурор, и следователь, и судья, и адвокат — состоят в одной первичной партийной организации. Это люди, которые волей судеб настолько контактируют друг с другом, что доставить кому-то неприятность по службе считается признаком дурного тона. Я как судья, например, никогда не вынесу оправдательный приговор, потому что знаю, что мой друг Петя, районный прокурор, очень от этого пострадает. И я из-за своих личных с ним отношений не хочу причинять ему неприятность. Это первое. Второе. Я как судья понимаю, что роль прокурора в районе как представителя высшего надзора весьма высока. Как правило, прокурор бывает членом бюро райкома. Как правило, именно с прокурором советуется районная власть. И стоит ему случайно сказать секретарю райкома, мимоходом, даже не на бюро райкома, а на рыбалке, — «Ты знаешь, очень этот судья либеральничает с преступниками», — как эта фраза определит мою судьбу. Я больше не окажусь в списке для выборов на будущий срок. Вот это опасно, страх не угодить прокурору, не угодить районному начальству и заставляют судью предвзято подходить к уголовному делу. Почему на суде не вскрывается фальсификация, почему на суде не подтверждается, как правило, применение следователем недозволенных методов? Почему? Да судья просто не хочет этим заниматься, так как зависит целиком и полностью от районного начальства.

В. Сиренко. Да он просто боится, чтобы факты фальсификации, недозволенных методов нашли подтверждение.

В. Савицкий. Боится и еще как.

В. Нерсисянц. Это понятно. Но вопрос состоит вот в чем. Надо ли тот контингент судей, который есть сегодня, наделять пожизненным правом сидеть на своем месте? Ведь его страх можно снять разными способами.

В. Савицкий. Например, какими?

В. Нерсисянц. Например, если бы у нас народные заседатели образовали коллегию по типу присяжных, то уже целый ряд вопросов, в частности, в уголовном деле о вине или не вине, решался бы не

судьями. И тогда прокурорское давление на них было бы не по адресу. Был же в России такой опыт и, надо сказать, оправдал себя.

В. Перевалов. Можем ли мы сказать, что те люди, которых мы сегодня готовим в вузах, могут пожизненно работать судьями? У меня лично возникают сомнения. Почему? Да потому, что практика многих лет показывает, что в судьи мы распределяем не самых лучших выпускников юридических вузов. В основном студентов, которые учатся удовлетворительно. Почему так происходит? Здесь много причин. Ну, конечно, возрастной ценз имеет значение, партийность. Но главным образом все меньше становится желающих идти работать в судебные органы, так как там огромная ответственность и маленькая зарплата.

В. Яковлев. Я бы сказал, несоответствующая зарплата, мизерная по сравнению с загруженностью судей.

В. Перевалов. Совершенно верно. И поэтому мне думается, что, решая вопрос о судебной реформе, мы прежде всего должны говорить о необходимости резкого повышения материальной заинтересованности работников суда.

В. Савицкий. Конечно, это же позор, что сейчас очень мало идет в суд людей, окончивших высшее юридическое заведение. Это позор, что суд — учреждение, в которое не хотят идти работать потому, что там нет авторитета, потому, что там низкая заработная плата. И это же наш суд! Страшно слышать!

В США судьи — одна из самых высокооплачиваемых категорий должностных лиц. А что такое судья в Англии? Мне недавно довелось присутствовать в Лондоне на заседании суда, рассматривавшего уголовное дело. Меня поразило в суде все, особенно сама процедура. Я думал, что попал на другую планету. На самом деле я просто был в другом государстве, где суд для населения — это символ высшей справедливости. Где суд — символ высокой власти, где почтение к суду воспитывают с пеленок. Вот один вроде бы маленький факт, который для меня и для многих советских коллег явился просто открытием. Кто бы ни входил в зал судебного разбирательства или ни выходил из него — будь то судебный исполнитель, клерк или свидетель, — каждый раз он останавливался у двери, низко кланялся судье и лишь после этого входил в зал или покидал его. Казалось бы, мелочь! Но она показывает, каким уважением пользуется судья, с каким почтением относятся к человеку за судейским столом в парике и мантии. Кстати, прокуроры и адвокаты в Англии тоже носят мантии и парики. И уже сама по себе эта обстановка создает атмосферу торжественности, которой так не хватает в наших судах.

В. Нерсисянц. Валерий Михайлович, но это же не внешняя процедура научить людей, чтобы они кланялись. Это же суть вопроса.

В. Савицкий. Правильно. Я и говорю о внешней, бросающейся в глаза детали, но которая, однако, отражает глубинное содержание.

В. Нерсисянц. Но того глубинного содержания применительно к нашему суду еще нет, нам еще до этого далеко.

В. Савицкий. Отстаивая высокую роль суда, я неоднократно говорил о внешних формах судоговорения, о наших полуразрушенных халупах, куда стыдно заходить. Даже в Москве суды в безобразном состоянии. Только в два-три можно привести иностранцев, где хотя бы не пахнет кошками, где хотя бы не очень запачканы стены, где хотя бы не все скамейки и стулья поломаны.

В. Нерсисянц. По мере того, как наш суд будет занимать в нашей

государственно-правовой жизни соответствующие позиции, будет улучшаться все внешнее, в том числе и атрибутика.

В. Савицкий. Все правильно. Я же об этом и говорю.

В. Сиренко. Давайте выйдем на улицу. Что мы увидим? У фотостудии — новое помещение. Кафе открыли — шикарное помещение. Как до суда доходим, так это либо довоенная постройка, либо бывшее жилое помещение.

В. Нерсисянц. Это, между прочим, издержки той самой административно-командной системы, в которой суд занял определенное, прямо скажем, весьма не почетное место.

В. Сиренко. Это болезнь всех правоохранительных органов. Возьмите прокуроров — они тоже не имеют приличных помещений. А про адвокатов и говорить нечего.

В. Савицкий. Такое отношение не случайно. То, что судьи должны занимать иное место у нас в государстве, это бесспорно. Это и внешняя атрибутика, это и внутренняя суть.

Но давайте вернемся к центральному вопросу: что нужно сделать, чтобы судья был независимым? Это действительно центральный вопрос. Конечно, Владик Сумбатович, вы правы, что в какой-то степени судья станет чувствовать себя свободнее, если он будет как бы защищен решением, которое принял не он, а присяжные. Но ведь мы реалисты и должны исходить из того, что в нашем обществе достижимо. Думаю, что суд присяжных сейчас — это не реально. И, между прочим, здесь есть немалая доля истины. Это экономически чрезвычайно разорительно.

Я видел в Англии, как там отбирали присяжных. Каждый обвиняемый имеет право безмотивно отвести трех присяжных. Для одного обвиняемого в зал вводят 15 человек — возможных присяжных. А если обвиняемых три, то, значит, в зал должны вести 12 + 9, то есть 21 человека. И вся эта процедура отнимает время. Правда, там многие присяжные не работают. А у нас все народные заседатели — люди работающие. Об этом тоже надо думать. Поэтому вариант с судом присяжных в наше время вряд ли пройдет. Но судье в любом случае нужно быть независимым как личности. И мне думается, что именно система пожизненного назначения может его сделать независимым. Вы спрашиваете: а как можно сейчас назначать пожизненно судей, которые у нас, к сожалению, недостаточно образованы? Но я ведь не предлагаю ввести эту систему немедленно, в ночь с сегодня на завтра. Я предлагаю, чтобы система эта постепенно, по мере накопления опыта, по мере лучшей подготовки судей, по мере повышения их квалификации вытесняла нынешнюю систему. И пусть какое-то время будут параллельно функционировать система выбора судей и система их пожизненного назначения. Пока последняя окончательно не вытеснит первую.

В. Перевалов. Лично я с этим соглашаюсь. Только с одной оговоркой — пожизненно, но все-таки с правом снятия с поста.

В. Савицкий. Конечно, с правом снятия с поста. Но за какие грехи? За то, что у него слишком мягкий или слишком суровый приговор, за медлительность в работе? Нет! Ни в коем случае! За совершение преступления? Да! За неправосудный приговор? Да! Если тяжело заболел и не может выполнять свои обязанности? Да! Хочет уйти на другую работу? Да! Но отстранить за то, что либерален, медлителен — это недопустимо. Иначе назначение и несменяемость теряют смысл как гарантия независимости судей.

В. Нерсисянц. Валерий Михайлович, тут есть один момент. Вы,

по-моему, неверно интерпретируете роль присяжных, говоря, что судье легко было бы ими прикрыться. Напрасно вы это так представляете. Понимаете, в чем дело? Это — конструкция. Может быть, и ваша конструкция пройдет. Кстати говоря, одно другому не противоречит. Есть суды присяжных, где коронные судьи пожизненные. Я думаю, что надо вопрос ставить принципиально. Что значит не пройдет вариант с присяжным из-за того, что это долго и дорого? Почему же, когда вы говорите об английском суде, не считаете денег, которые там расходуются? Если общество хочет иметь правосудные приговоры и справедливые решения, оно должно платить за это.

В. Сиренко. Это как раз тот случай, когда денег жалеть нельзя.

В. Нерсисянц. И пожизненное назначение судьи — это тоже не аргумент. Вполне возможно, что тогда они вовсе не будут считаться с народными заседателями. Вы гарантируете, что так не произойдет? Я думаю, что независимый должен быть суд как таковой. А это можно обеспечить, во-первых, тем, что представители народа, составляющие коллегию присяжных, независимо выносят вердикт и решают гражданские дела. Во-вторых, судье может быть увеличен срок его полномочий. Но никогда суд не займет подобающее место в правосудии и никакой гарантии на вынесение им справедливого решения и приговора не может быть, если в целом не возрастают правовые формы организации всех государственных властей. И нельзя сказать, что только потому, что у нас плохие помещения для судов и маленькая зарплата у судей, у нас плохие приговоры и вообще правосудие. Как раз наоборот. Именно потому, что судьи не занимали в обществе и государстве должные позиции, именно потому это и отражалось соответствующим образом на их деятельности. Не надо телегу, как говорится, ставить впереди лошади.

В. Савицкий. Если вы не согласны с моим аргументом тактического характера и упрекаете меня за это, приведу один аргумент по существу. Вообще-то не хотелось бы раздавать аргументы против суда присяжных. Ибо я за такой суд. Тем не менее есть определенные сомнения.

Суд присяжных в его классической форме, как известно, не допускает отмены вердикта. Кроме отдельных случаев, когда нарушен процессуальный закон. А по существу вердикт присяжных не подлежит никакой проверке. Сейчас у нас есть как минимум три фильтра, через которые пропускают каждое уголовное дело: суд первой инстанции, суд кассационной инстанции, суд надзорной инстанции. А что будет, если мы введем суд присяжных? Готовы ли мы к тому, чтобы сказать: присяжные решили и точка? У нас не будет тогда кассационного обжалования, у нас не будет и надзорной проверки. Это хуже или лучше? Сомневаюсь, что лучше. Поэтому правовые элементы, о которых вы говорили, Владик Сумбатович, лежат именно здесь, во многих фильтрах тщательного просеивания фактов и обстоятельств дела, чтобы установить истину. А не в том, чтобы отказаться от этих фильтров и отдать все на откуп суду первой инстанции.

В. Нерсисянц. Мы видели, как работают эти фильтры, и вы лучше меня знаете их качество. Они что-то, как говорится, не гарантировали от несправедливых приговоров. Ведь вот в чем вопрос.

В. Сиренко. Но и особенного вреда они не приносили.

В. Савицкий. Вреда-то точно не приносили. Но они слишком мало пользы приносили.

В. Сиренко. Валерий Михайлович, вы сказали, что те предложения, которые здесь высказывались, сейчас не могут быть реализованы. Не получится так, что у нас тогда вообще не будет никакого движения вперед? Когда же, вы думаете, мы сможем для нашей огромной страны подготовить таких судей, которых можно было бы назначать пожизненно?

В. Яковлев. Я как раз и хотел спросить об этом. Ведь мы все-таки должны быть реалистами. И в своих установках не можем отрываться от реальной жизни, в частности и от возможностей нашего общества. Я, например, убежден, и правильно говорил здесь Виктор Дмитриевич, что у нас последние лет двадцать комплектование судебных органов идет очень трудно. Часто возникают ситуации, когда просто некого избирать в народные судьи. И берут любого, кто окажется под рукой. Мы, например, в юридических институтах вынуждены применять систему некоторого силового давления, командно-административные методы, чтобы укомплектовать суды. И поэтому для решения всех этих вопросов необходим определенный этап. Скажем, с вопросами материального обеспечения судей тянуть не надо, несмотря ни на какие наши экономические затруднения. На это Министерство финансов не должно жалеть денег. А если оно не найдет денег, то я думаю, оно просто будет мешать нашей перестройке. И только когда мы создадим предпосылки для комплектования корпуса судей, тогда можно переходить к следующему этапу, к пожизненному назначению, вернее, до достижения пенсионного возраста.

В. Савицкий. Конечно, до пенсионного возраста.

В. Яковлев. Причем в этом плане есть хороший опыт, в Австрии, например. Там судья, достигший шестидесяти лет, имеет право уйти в отставку и получить приличную пенсию, но не обязан. И если он не воспользовался этим правом, может работать еще пять лет. Но после 65 лет он обязан уйти в отставку. Таким образом, сначала возникает право уйти в отставку, а потом обязанность.

В. Савицкий. А в Англии судья может работать до 75 лет.

Владимир Михайлович, я хотел бы ответить на ваш вопрос. Но вам уже частично ответил Вениамин Федорович. Я ведь действительно не предлагаю все изменить моментально, сегодня или завтра. Но я хотел бы, чтобы где-нибудь, либо в партийном документе, либо в советском документе, было записано, что эта идея апробирована мировой практикой. А чтобы реализовать ее, нужно работать в течение трех — пяти лет.

В. Сиренко. Хотел бы затронуть еще один очень важный вопрос. Вы, конечно, обратили внимание, что в докладе на партконференции есть такие слова: советское правосудие должно строиться на подлинно демократических принципах, в том числе и на принципе презумпции невиновности.

В. Савицкий. Слава богу, это уже перестало быть закрытой темой. Но вот что важно: за все годы Советской власти о презумпции невиновности впервые сказано с трибуны партийного форума. Это событие! Это праздник на нашей улице.

Вот мы говорили здесь об обвинительном уклоне. Но ведь это результат забвения презумпции невиновности. Забвение принципа: тот, кто только предстал перед судом, еще не виновный. Тут двух мнений быть не может. Или презумпция невиновности, или презумпция виновности. Третьего не дано. Значит, если мы отступаем от принципа презумпции невиновности, это уже не суд, а расправа. Сколько было потрачено нервов, сил, крови на доказывание этой элементарнейшей

истины. Вспоминается 1958 год. Сессия Верховного Совета СССР. С ее трибуны депутат Шарков провозглашает: «Глубоко противоречат сущности советского социалистического права попытки внести в нашу теорию и практику обветшалые догмы буржуазного права вроде презумпции невиновности».

Естественно, такое политическое клеймо связало нас по рукам и ногам, заткнуло кляпом рот юристам, отстаивающим демократические принципы советского судопроизводства.

Тем не менее мы все-таки продолжали о презумпции невиновности писать, продолжали об этом говорить. И тогда была создана специальная комиссия, в которую вошли Генеральный прокурор СССР, Председатель Верховного Суда СССР и еще кто-то. Комиссия изучила вопрос и пришла к простому, но отнюдь не мудрому решению: есть презумпция невиновности в советском уголовном процессе или ее нет — никто не знает, но писать о ней не надо.

И тогда каленым железом во всех издательствах стали выжигать из рукописей сам термин «презумпция невиновности».

В то же самое время выдающийся советский ученый Михаил Соколонович Строгович, который всю свою долгую жизнь отстаивал этот демократический принцип, выпустил в 1968 году первый том своего «Курса советского уголовного процесса» в издательстве «Наука». Открываю страницу 331 и читаю: «Мы полагаем, что есть основания, достаточные для того, чтобы включить в действующее уголовно-процессуальное законодательство формулу презумпции невиновности в виде отдельной правовой нормы». Казалось бы, разумное предложение. Но если у вас дома есть первый том этой книги, то слов, которые я сейчас процитировал, вы в нем не найдете — эта страница была выдрана из уже готового тиража книги и вместо нее включена другая, уже без крамольных слов (сохранилось чудом лишь несколько экземпляров «некастрированных» книг). И это было сделано по указанию одного ответственного работника аппарата ЦК КПСС, очень бдительно курировавшего развитие юридической науки.

Говорят, в те приснопамятные времена к такой драконовской и дорогостоящей мере, как «выдирка», прибегали лишь в случаях: 1) если напечатали контрреволюцию и 2) если проглядели порнографию. Уж не знаю, под какой случай подвели презумпцию невиновности...

И вот 1977 год. Принимается Конституция СССР, где записано: «Никто не может быть признан виновным в совершении преступления, а также подвергнут уголовному наказанию иначе, как по приговору суда и в соответствии с законом» (ст. 160). Затем в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 16 июня 1978 года дана прекрасная классическая формула презумпции невиновности: обвиняемый (подсудимый) считается невиновным, пока его вина не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. И хотя в уголовно-процессуальном законе такой формулы пока еще нет, в партийных документах (я имею в виду доклад Генерального секретаря и Резолюцию партконференции) о необходимости неукоснительно соблюдать презумпцию невиновности сказано твердо и недвусмысленно. Надеюсь, что в новом УПК этот принцип займет достойное место.

В. Сиренко. Разделяю вашу позицию, Валерий Михайлович. Ведь смотрите, что получается. По Уставу КПСС не может быть коммунистом человек, совершивший преступление. Правильно. Но ведь совершил он это преступление или нет, может установить только суд.

А у нас исключают из партии еще до вынесения судебного приговора. Разве это не грубейшее нарушение презумпции невиновности?

В. Савицкий. Еще какое! Во-первых, это в принципе неправильно, во-вторых, это оказывает определенное влияние на суд.

В. Перевалов. Мне думается, что правовое государство должно считать одной из главных своих задач защиту личности.

Мы говорим, право призвано регулировать общественные отношения. Но мы настолько увлеклись этим регулированием, что человека практически потеряли. Этот аспект нам надо учесть прежде всего при разработке концепции правового государства.

В. Савицкий. В этой связи не могу не сказать о состязательности и равенстве сторон в судебном процессе. Казалось бы, о чем тут спорить, что доказывать? Не может быть правосудия, если нет состязательности перед судом. Не может быть правосудия, если прокурор и защитник не имеют равных прав для доказывания своих выводов. Нам говорят: как это может быть, чтобы подсудимый и прокурор имели равные права? Прокурор — орган власти, а вы унижительно называете его стороной. Но вот наконец-то о равенстве сторон сказано в партийных документах. Думаю, что это огромное достижение в нашей процессуальной науке, хотя составители документа вряд ли думали о науке. Но они думали о правовом государстве.

Когда мы говорим, что решения Верховного суда союзной республики кассационному обжалованию не подлежат, охраняя тем самым суверенитет этих республик, то мы забываем о человеке, осужденном Верховным судом республики, который как личность имеет право на обжалование приговора. Но мы в ущерб человеку говорим — нет, надо соблюсти суверенитет республики. Грош цена такому суверенитету, который лишает осужденного последней надежды — права обжаловать приговор.

В. Яковлев. Мы правильно говорим о том, что главное в правовом государстве — это личность, ее защищенность. И я думаю, что у нас тут есть просто колоссальный и совершенно неиспользованный резерв. Причем такой резерв развития института защиты личности, который нашему государству и Министерству финансов вообще не обойдется ни одной копеечкой. Я имею в виду адвокатуру. Ведь адвокатура — это самоуправляющаяся ассоциация юристов. Между тем она, как и все элементы нашей общественной жизни, находится под гнетом административного пресса. И не случайно сейчас рядом с адвокатурой появились правовые кооперативы. Само появление этих кооперативов — отражение колоссальной потребности нашего населения в правовой защите. Но первые опыты таких кооперативов говорят о том, что помощь, которую граждане там получают, далеко не высшего качества. Я сам видел заявление, за которое человек заплатил кооперативу 104 рубля, а оно вообще ничего не стоит, так как юридически совершенно неправильно.

В. Перевалов. Это и понятно. Каждый человек нуждается в правовой помощи, в правовой культуре. Это важно, ибо каждый человек должен научиться воевать за свои права, как говорил Ленин, по всем правилам войны.

Беседу подготовила Е. СМЕРНОВА

От редакции. Итак, мы обсудили сегодня лишь небольшую часть проблем, связанных с политической реформой и формированием правового государства. В дальнейшем мы эту тему продолжим. Приглашаем читателей к участию в дискуссии.

КОС
ОС
Е
С
Е
Д
А
Н
И
Ж

СТУЧАТЬСЯ В ЛЮДСКИЕ ДУШИ
должен приговор народного суда. Не
бывает «нехарактерных», разовых
дел — считает народный судья Наи-
рийского района Армянской ССР
Д. Аветисян. Читайте зарисовку В. Обу-
хова, Г. Симоняна.

ВНИМАНИЮ КООПЕРАТОРОВ: СПРАШИВАЙТЕ — ОТВЕЧАЕМ

Как правильно применить действующее законодательство, избежать ошибок в кооперативной деятельности? Новую рубрику «Почта кооператора» ведет Главный консультант Министерства юстиции СССР И. Приходько.

ИЗ ЗАЛА СУДЕБНЫХ ЗАСЕДАНИЙ

Против наркомании — всю силу советских законов, все меры общественного воздействия!

Не заметил коллектив, как под личиной внешне благопристойного скромного инженера скрывается спекулянт, хищный ростовщик. Почему такое возможно?

НАША ПОЧТА

РЕДАКЦИИ ОТВЕЧАЮТ

ПО НЕОТЛОЖНЫМ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ...

Зал суда уже почти заполнен, а люди все идут и идут к неброскому невысокому зданию. Идут, охваченные тревожным нетерпением, всколыхнувшим, казалось, в этот день весь Наирыйский район. Да, пожалуй, и старожилы не припомнят такого: отец в пьяном раже ударил ножом сына, пытавшегося вступить за жестоко избитую мать.

Вот он — «герой», на скамье подсудимых. Сидит трезвый, прихитрый, отгороженный от требующих сурового его наказания земляков. Неподалеку от барьера — его сын. Он простил отца и теперь просит судью быть милосердным.

Судья, мужчина в строгом темном костюме, встает, следом поднимаются со своих кресел народные заседатели. Суд удаляется в совещательную комнату. Осталось совсем немного, чтобы подвести черту...

И вот время истекло. Но найдены ли слова, которые сейчас судья обязан сказать? Нет, не слова приговора — они-то облечены в официальную, четко очерченную формулировку, а те, с какими он обратится к пареньку, смотрящему сейчас на него с тем выражением напряженного ожидания, с каким люди ждут решения судьбы близкого человека. Своей судьбы.

Волнуясь, Давид Захарович Аветисян чуть откашливается:

— Мы понимаем твои чувства, ценим твою доброту. Но поверь, твой отец ее не достоин. И виноват он не только перед тобой — перед всеми людьми виноват. Да, страшно отнимать родителей от детей. Да, верно говорят в народе — в сердце каждого человека поют струны, а мы должны пытаться найти их, но поверь: у отца твоего они давно оборвались, и он не сделает уже семью свою, тебя, мальчик, счастливым. Жестокость, как пыль и песок, вьелась в его характер. Поэтому суров наш приговор...

— Именем Армянской Советской Социалистической Республики... — в мертвой тишине раздаются слова председательствующего.

Еще несколько секунд молчания — и все в едином порыве встают, аплодисментами встречая приговор суда. Сурен Мелконян, житель поселка Егвард, приговорен к восьми годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительно-трудовой колонии строгого режима.

День прошел, но трудные его перипетии не отступают, тревожат душу, мучают недосказанностью обращения к людям. Допоздна в кабинете Аветисяна не гаснет свет. Судья что-то пишет.

Спустя несколько дней в районной газете появилась его статья, где Давид Захарович писал и о просьбе сына простить осужденного, каждой строкой своей возвращаясь к обстоятельствам дела, анализируя, раскрывая истоки драмы семьи Мелконян. И все-таки остаются за «полями» написанного, не дают покоя тревожные мысли. «Люди могут спросить, конечно: «Да что ты, Давид, копы ломаешь? Ну, случилось, так ведь всем миром осудили. И потом, в

кои-то века раз такое бывает...» «Но ведь бывает же! — отведу я — Как сделать, чтобы подобное вообще не могло повториться? Вот о чем всем нам печься надо... Нет, не может быть в судейской практике разовых, «нехарактерных» дел: в любом из них истоки бездуховности. Такой, что порой не то что статью писать — в пору в колокола бить, в души людские стучаться...»

...Это случилось солнечным летним днем, на широкой магистрали Аштарак—Ереван. Припарковав у обочины свой «КамАЗ», Акоп Акопян и Норик Саакян полезли под капот — двигатель забарахлил. Увлеченные делом, они и не заметили, что прямо на них, по встречной полосе, вдоль самой кромки шоссе мчится легковая машина. Сбив обоих, водитель даже не притормозил. Потом уже выяснилось, что за рулем «Жигулей» сидел... подполковник внутренней службы А. Варданян, долгое время возглавлявший исправительно-трудовое учреждение.

Казалось, после вынесения приговора можно бы и не возвращаться мыслями к этому делу, да вот обстоятельства не позволяют. И не выходят из головы Давида Аветисяна те безымянные, безвестные, кто, не останавливая машин, спокойно продолжал свой путь, аккуратно объезжая окровавленные тела людей... Были там и праздные зеваки, из любопытства притормаживавшие... И катившие дальше — кто в Аштарак, кто — в Ереван. К вечеру житель села Прошян В. Мкртчян подобрал пострадавших. Только к вечеру оказался на дороге такой человек! Поэтому, как ни спешил он, жизнь Акопяна спасти так и не удалось.

Размышления прерывает секретарь судебного заседания:

— Давид Захарович! Вынесенное судом частное определение в адрес Мкртчяна уже напечатано.

— Спасибо! Надо, чтобы о поступке его узнали односельчане, — говорит судья. И, чуть помолчав, добавляет: — «Справедливость заключается в постоянной и твердой воле воздавать свое». Это еще Тацит сказал. Да, не грех порой посоветоваться с древними...

Завтрашний день, похоже, будет не из легких. И вроде бы несложное дело предстоит разбирать — подросток украл в универмаге магнитофон, через несколько часов был задержан. Все... все ли? А как быть с душой совсем еще мальчишки? Нет, сегодня обязательно надо повидаться с его родителями — чем живут, что волнует их в эти дни, когда в дом пришла такая беда... Что толкнуло его на такой поступок? Кого судить будем — несмысленша, дорвавшегося наконец до дорогой игрушки? Или состоявшегося уже юного циника, готового любыми средствами, пусть и преступными, «устраивать» свою жизнь? Вопросы, вопросы, не терпящие отлагательства...

Аветисян задумчиво смотрит в окно — может, вот они, друзья того паренька, безмятежно гоняют сейчас мяч на лужайке? Завтра бы в школе еще побывать...

И невольно вспоминается свое, далекое уже детство, родное село Зовуны. Молчаливый отец, поздними вечерами возвращавшийся после работы в совхозе. Мать — хрупкая, подвижная женщина, от зари до зари возившаяся с малышами, хлопотавшая по хозяйству. Но не оттого тяжело ей приходилось — такие хлопоты только в радость. Годы были непростые, много зла творилось вокруг, и каждая несправедливость, грубость, а то и произвол, чинившийся тогдашними «хозяевами» района над земляками, ранили ее сердце, надрывали душу.

Она мечтала, чтобы старший сын непременно стал прокурором,

и учила его с малолетства, что есть добро, что — зло. «Трудная наша земля, сынок, но и она дает добрые всходы, если пахари ее — справедливость и правда». Давно уж матери не стало — рано ушла из жизни, оставив завет этот Давиду.

Окончил юридический факультет Ереванского университета, после службы в Советской Армии работал первым секретарем райкома комсомола, инструктором райкома партии. К профессиональным знаниям прибавился и опыт работы с людьми. Все больше тянуло на давно избранное поприще.

В 1982 году Давид Аветисян, избранный народным судьей, впервые переступил порог здания районного суда, чтобы принять дела... Еще когда получал направление, думал, что на первых порах, конечно, нелегко придется, но чтоб с такого начинать!..

Здание суда находилось в аварийном состоянии. И это храм справедливости? Каково же было сотням побывавших здесь людей? Что осталось в их памяти? Да и возможно ли в такой развалюхе проводить судебные процедуры с обязательными для них строгой торжественностью, подчеркнутым уважением к Закону?

На второй же день судья пришел в райисполком, а затем в кабинет первого секретаря райкома партии. Не просто складывались их встречи, не всегда спокойными были беседы. Тут ведь не слова все решают, а реальные денежные средства, и немалые, которые еще изыскать надо. А в районном хозяйстве, известно, каждая копейка на счету. Но добился своего Аветисян — за несколько месяцев здание народного суда изменилось до неузнаваемости. И зал стал светлей, просторней, добротной мебелью обставлен. Впрочем, так ли уж «своего» добивался Давид Захарович? Спросите у селян Наирийского района, всем миром ведь здание суда перестраивали. И не только здание — свое отношение к суду, к законам, творцами которых являются и они, люди трудной земли. Перед такими людьми судья не может не чувствовать особой ответственности.

...Воскресенье. Утро. Самое время собираться в путь, в село Бужакан. Там ровно в 11 народный судья встречается со своими избирателями. И кому эта встреча необходима больше — поди разберись... Аветисян ведь сам на ней настоял. Давно уже себе такой график составил — в свободное время навещать села района. А когда оно бывает, такое время? Известно, в выходные. Что же, зато людям, чтоб получить юридическую консультацию, посоветоваться, по душам поговорить со своим народным судьей, не надо теперь с работы отпрашиваться. Здесь знает каждый: раз Аветисян обещал — обязательно придет.

...Домой возвращаться приходится уже затемно. На пороге встречает сын, девятилетний Ваграм. Эх, сколько раз обещал свозить его в Ереван — в музей, в цирк, кино, да вот выкроить время не удастся. Давид Захарович вдруг ловит себя на мысли, что не заметил даже, как вчерашний еще малыш уже стал школьником. Сколько вопросов у него к отцу накопилось, какими радостями, заботами поделиться не терпится?

— Ну, сынок, выкладывай, что у тебя там, давай потолкуем — мы ведь с тобой мужчины. А в Ереван — что ж, следующим воскресеньем, пожалуй, и съездим.

В который раз обещает. Получится ли? Кто знает...

**В. ОБУХОВ,
Г. СИМОНЯН**

ПОЧТА КООПЕРАТОРА

Раздел ведет юрист И. ПРИХОДЬКО

Бурный рост кооперативного движения, создание новых, нетрадиционных видов кооперативов, раскрепощение творческой инициативы и активности граждан приводят в кооперативы людей, казалось бы, еще недавно далеких от такого рода деятельности. Однако, как показывает наша почта, многие кооператоры испытывают трудности в получении правовой информации, не всегда знают, как применить те или иные положения действующего законодательства, что подчас приводит к нарушениям Закона СССР «О кооперации в СССР».

В помощь тем, кто решил заняться кооперативной деятельностью, в целях правового обучения, повышения правовой информированности кооператоров «Собеседник» открывает новую рубрику «Почта кооператора».

ПО КАКОЙ ЦЕНЕ?

«Буду откровенна: в первое время отнеслась к идее кооперативного движения с знойной долей недоверия. Считала, что мы открываем дорогу частному предпринимателю, чуть ли не хапуге, интересы которого весьма далеки от экономических задач страны. Но по мере развития кооперативного движения и бурных дискуссий в этой связи, по мере того, как продукция кооперативов стала получать заслуженное признание, изменила свое мнение. В особенности после того, как внимательно изучила закон «О кооперации в СССР». И уже сама стала подумывать всерьез о том, чтобы организовать кооператив: есть для этого и специальность подходящая и квалификация соответствующая. Стала приглядывать себе единомышленников, таких же рабочих людей, как я. Начали мы с того, что сходили в один кооператив, в другой — посоветоваться с опытными людьми, узнать, с какими проблемами, с какими трудностями они сталкиваются чаще всего. И что же выяснилось? Цены... Оказывается, проблема установки цен на свою продукцию вызывает порой немало трудностей. Не стану вдаваться в дальнейшие подробности, постараюсь сформулировать, по возможности вкратце, вопрос, ибо с самого начала надо знать: на что мы идем? Ну, положим, организуемся мы, регистрируемся, как положено, помещение получим, производство организуем, выпустим продукцию... А дальше? Объясните нам, пожалуйста, в каких конкретно случаях мы можем самостоятельно определять цены на продукцию, а в каких руководствоваться государственными? Нам это крайне необходимо знать, ибо основным условием, которое ставят перед мной коллеги-единомышленники: ни в коем случае не оказаться, пусть даже по незнанию, по причине правового невежества, нарушителями закона. С уважением

Н. БЕЛЯЕВА,
портниха

г. МОСКВА

Вопрос о ценах на продукцию кооперативов — один из наиболее частых в почте, поступающей в связи с применением Закона о кооперации. Это вполне естественно: цены непосредственно влияют на семейный бюджет миллионов людей — потребителей продукции и услуг кооперативов. Цена — инструмент очень тонкий, деликатный. Важно установить такой порядок определения цен на продукцию и услуги кооперативов, который, с одной стороны, обеспечивал бы интересы потребителей, исключил бы возможность получения необоснованно высоких доходов кооператорами, а с другой — не привел бы к сворачиванию ими производства ставшей невыгодной продукции, образованию дефицита.

Цены на продукцию и услуги кооперативов складываются не только из соотношения спроса и предложения; на процесс ценообразования влияют и многие другие факторы, например, цены на сырье, приобретенное кооперативами, система налогообложения доходов кооператоров и т. п.

Как же решает новый Закон вопрос о порядке формирования цен и тарифов на продукцию и услуги кооперативов? Общие принципы ценообразования определены Законом. Цены и тарифы на продукцию (работы, услуги) кооператива, — говорится в статье 19 Закона, — должны отражать общественно необходимые затраты на производство и реализацию продукции, учитывать потребительские свойства и качество товаров (работ, услуг), спрос потребителей. Они должны формироваться с учетом взаимных интересов как кооперативов, так потребителей и народного хозяйства в целом, способствовать развитию хозяйственного расчета и самофинансирования. Таким образом, в цену фактически закладываются и затраты, необходимые на производство (с учетом его обновления и модернизации), и затраты на оплату труда и социальное развитие. В цене, естественно, должны быть учтены и спрос на продукцию, и услуги кооперативов, их конкуренция.

Цены на продукцию и товары собственного производства, а также тарифы на работы и услуги, выполненные кооперативом, последний устанавливает самостоятельно или по договоренности с потребителями. По существу, это свободная цена, складывающаяся под влиянием законов рынка. Лимитирование этих цен государством невозможно. Ведь они складываются с учетом цен на сырье, исходные материалы для производства, приобретаемые кооперативами. А приобретать он их может на колхозных рынках, где никаких предельных цен не существует. Да и в тех случаях, когда кооператив, изготовляющий товары народного потребления и оказывающий услуги населению, приобретает необходимые ему материально-технические ресурсы у государственных организаций, расчеты за эти ресурсы, согласно статье 27 Закона, производятся по оптовым ценам с повышающими коэффициентами или по розничным ценам. А при их отсутствии по договорным ценам. Наконец, в случаях, когда кооператив налаживает собственное производство сырья (например, кооператив общественного питания создает подсобное сельское хозяйство, кооператив по строительству организует добычу и переработку местного сырья — разрабатывает карьеры, производит кирпич и цемент собственными силами), его себестоимость может быть неодинаковой в разных кооперативах. А ведь от нее зависит и цена на конечную продукцию.

Государственное воздействие на цены, по которым кооператив реализует свою продукцию, осуществляется, как правило, не адми-

нистративными, а экономическими методами. Примером может служить норма, содержащаяся в статье 21 Закона: «...в тех случаях, когда кооперативы реализуют свою продукцию (работы, услуги) по централизованно устанавливаемым ценам (тарифам, расценкам), налогообложение членов кооператива и лиц, работающих в них по трудовому договору, осуществляется по ставкам, установленным для рабочих и служащих государственных предприятий (организаций)». Эта норма направлена на сочетание интересов и кооперативов и потребителей их продукции (работ, услуг). Она стимулирует производство больших партий дешевых товаров: это выгодно населению и освобождает кооператоров от прогрессивного налога независимо от размера доходов. Она нацеливает кооператоров на то, чтобы стремиться получить высокий доход не за счет высоких цен на свою продукцию, а путем увеличения выпуска дешевых товаров.

Однако в некоторых случаях цены и тарифы на продукцию, работы и услуги кооперативов лимитируются государством. Таких случаев немного, и в каждом из них лимитирование цены вполне оправданно. Какие же они, эти случаи?

Первый — это когда кооператив производит продукцию, работы или оказывает услуги в соответствии с договором на исполнение госзаказа. Никто не может принудить кооператив взять на себя госзаказ — заключение договора на исполнение госзаказа сугубо добровольное дело. Более того, госзаказы могут размещаться на конкурсной основе. Принятие госзаказа дает ряд льгот кооперативам — это гарантированный сбыт продукции по гарантированной цене, не подверженной колебаниям рынка, гарантированное снабжение материально-техническими ресурсами, распределяемыми в централизованном порядке, льготы по налогообложению и т. п. Естественно, что и продукция кооперативов в этих случаях должна реализовываться по ценам, устанавливаемым централизованно. Кстати, не следует думать, что централизованные цены — это только те, которые установлены Советом Министров СССР или Госкомцен. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 17 июля 1987 г. «Об основных направлениях перестройки системы ценообразования в условиях нового хозяйственного механизма» в числе централизованно устанавливаемых цен и тарифов называет цены и тарифы, утверждаемые министерствами и ведомствами, Совминами союзных и автономных республик и даже исполкомами местных Советов народных депутатов. Это могут быть и колеблющиеся, сезонные цены, например, на ранние овощи.

Второй случай, когда кооператив, реализуя свою продукцию, обязан руководствоваться централизованно установленными ценами — если продукция произведена из сырья и материалов, поставленных кооперативу из государственных ресурсов.

И третий случай — когда кооператив реализует товары, выделенные ему из государственных рыночных фондов специально для продажи населению. Например, торговый кооператив продает продукцию государственных предприятий в собственной торговой сети, организует торговлю в сельской местности, труднодоступных районах. В таком же порядке устанавливаются цены и наценки на товары, приобретенные кооперативом в государственной и кооперативной розничной торговой сети. Это вполне естественно: нельзя же в самом деле допустить, чтобы кооператоры скупали партии дефицитных товаров в госторговле и тут же, прямо у магазина, перепродавали их по завышенной цене.

При применении централизованно устанавливаемых оптовых цен кооператив согласовывает с потребителем (покупателем) доплаты (скидки) к ним за выполнение дополнительных требований по повышению потребительских свойств и комплектованию продукции, срокам поставки и другим условиям.

Из правила об обязательном применении кооперативами во всех этих случаях централизованно устанавливаемых цен есть важное изъятие — кооператив, реализуя продукцию по договорам во исполнение госзаказов, произведенную из сырья, поставленного из госресурсов, а также в других случаях применения централизованно устанавливаемых цен вправе реализовывать свою продукцию (работы, услуги) по договорным ценам (тарифам), если это разрешено в аналогичных случаях государственным предприятиям. Например, это относится к продукции производственно-технического назначения, изготовляемой по разовым и индивидуальным заказам, новой или впервые осваиваемой продукции, новым непродовольственным товарам народного потребления, а также к отдельным видам продовольственных товаров, реализуемым объединениями и предприятиями по согласованию с торгующими организациями на срок до 2 лет (перечень таких товаров устанавливается Госкомцен СССР), конечной продукции научно-исследовательских и конструкторских организаций, сельхозпродукции, закупаемой у населения, и к некоторым другим видам продукции (работ, услуг). Договорные цены определяются как министерствами и ведомствами, так и предприятиями-изготовителями по согласованию с потребителями. Это правило направлено на то, чтобы не ставить кооперативы в тех случаях, когда они должны реализовывать свою продукцию (работы, услуги) по централизованно устанавливаемым ценам (тарифам), в худшее положение по сравнению с госпредприятиями. Применять договорные цены в этих случаях кооператив может на тех же основаниях, что и государственные предприятия.

Наконец, последнее. В каких случаях осуществляется государственный контроль за ценами, каковы санкции за завышение цен кооперативами?

Правило, сформулированное на этот счет в законе, предельно ясно: государственный контроль за ценами на продукцию (работы, услуги) кооперативов осуществляется лишь в тех описанных выше случаях, когда кооператив не может реализовывать свою продукцию по самостоятельно устанавливаемым ценам. В последнем случае контроль теряет смысл.

При завышении кооперативом цен (тарифов) в случаях, когда они не устанавливаются им самостоятельно, доход, необоснованно полученный в результате этого, изымается в бюджет. Кроме того, кооператив, допустивший завышение цен (тарифов), уплачивает в бюджет штраф в размере незаконно полученного дополнительного дохода. Ясно, что в данном случае речь идет об изъятии не всей выручки за произведенную продукцию (услуги), а только той ее части, которая составляет разницу между ценой положенной и фактической, завышенной.

При завышении кооперативом цен потребитель вправе расторгнуть заключенный с кооперативом договор.

ПОСЛЕ КАЙФА

Пагубная страсть привела наркоманов к преступлению. В материалах дела есть фотографии участников преступления, некоторые были сделаны за год-полтора до его совершения. Симпатичные молодые лица. Вот — свадебная фотография. В черном элегантном костюме — 23-летний Василий Атапин, в белом великолепии — его невеста. Снимок сделан в мае 1986 года. На другой фотографии, датированной апрелем 1987 года, — Атапин на скамье подсудимых.

Чем объяснить столь стремительное падение инженера-технолога Астраханского речного порта, члена ВЛКСМ Василия Атапина?

...Семейное счастье длилось одну неделю. Брачные узы разочаровали Василия. Он бросает жену и сходится с Еленой Туктаровой, 1958 года рождения, матерью четверых детей.

Елена живет по принципу: никаких обязанностей ни перед обществом, ни перед законом, ни перед детьми. По ходатайству общественных организаций в 1985 году ее лишают родительских прав.

Вместе с Еленой Атапин поселился в квартире по улице Спортивной. Предоставляя жильцам квадратные метры, домовладелица Лидия Григорьевна, хотя и знала об образе жизни Туктаровой, думала в первую очередь о материальной выгоде. И даже то обстоятельство, что ее 18-летний сын Валерий Беляков все свое свободное время стал проводить у квартирантов, не насторожило Лидию Григорьевну.

Между тем Атапин, который хорошо пел, играл на гитаре, всегда был в добром расположении духа, совершенно покорила Валерия и его друзей. Без колебаний воспринимали они все, что делает их старший друг. Следует заметить, что хорошее настроение у квартиранта наступало обычно после приема очередной дозы наркотиков.

Второй «хозяйкой» дома на Спортивной, куда «на огонек» зашли юные прожигатели жизни, стала семнадцатилетняя Гульнара Джумамбетова. Надо сказать, что среди завсегдаев этого дома, воспитывавшихся в так называемых неблагополучных семьях, Гульнара была исключением. У нее были отец и мать. Дом — полная чаша. Но пресыщенное дитя искало острых ощущений. С 15 лет она стала употреблять наркотики, дважды лечилась, но тем не менее от дурной привычки не отказалась. Болталась в сомнительных компаниях, надолго уходя из дома. Родители на суде говорили, что «не замечали как Гуля колется». Быть может, это и так. Но ведь знали же они о том, что дочь не учится, не работает. Знали, но мер не принимали. И Гульнара, почувствовав полную свободу, «прописалась» у Валерия, где была «настоящая жизнь», где было дозволено все.

Круг посетителей на Спортивной расширялся. Беляков старательно подбирал наиболее подходящую «клиентуру». Появились здесь учащийся СПТУ № 13 Василий Юркин, с 15 лет состоявшийся на учете в инспекции по делам несовершеннолетних органов внутренних дел; учащийся ГПТУ № 11 Андрей Никешин, который, как следует из характеристики выданной профтехучилищем, «учился

на II курсе по специальности маляр-штукатур, способный, избран комсоргом, но с работой не справился. Сказались частые пропуски занятий без уважительных причин...» Постоянно бывал здесь и слесарь жэка рыбокомбината Валерий Дьяков. Он заключил с Атапиным коммерческую сделку: приобретал у него наркотики разумеется, за определенную цену и не только для себя.

Как-то во время очередного сборища Андрею Никешину завели наркотик. А он вдруг засобирился уходить, сказав Белякову, что ему надо срочно в милицию. В затуманенной голове Валерия слово «милиция» прозвучало, как выстрел. Проводив Андрея, он вернулся в «хату» и высказал свое предположение: «Никешин — тихарь, работает на милицию».

— Это ты его сюда привел! — взревел Атапин, — ты и уберил Сам.

— Он трус, он этого не сделает! — подала голос Гульнара — Но мы его проучим...

Валерий струсил. Дрожащими руками он схватил пузырек из-под зеленки и лихорадочно стал наливать туда уксус и одеколон. Жидкость приобрела зеленоватый оттенок.

— Дебил! — заорал Атапин, — возьми другую посуду.

...На предварительном следствии Валерий Беляков покажет, что в тот же день в 20 часов в подвале дома 31«а» по улице Товарищеской он ввел Никешину вместо наркотика внутривенно раствор уксуса. Потом на суде, Беляков изменит свои показания и станет утверждать, что вводил Никешину воду.

Впрочем, теперь это уже не имеет никакого значения. Тогда же, когда попытка убийства не удалась, любители «кайфа» забеспокоились не на шутку.

— Даем тебе два дня срока. Не уберешь — пеняй на себя, — заявил Атапин, вводя Валерию для «храбрости» порцию наркотика.

Беляков помчался к Юркину. Тот воспринял «сообщение об измене» как сигнал к действию.

Они выбрали место в камышах, предварительно отнесли туда лопату, чтобы вырыть могилу. Беляков взял из стола кухонный нож и передал Юркину. Зашли к Атапину. Там взяли второй нож и получили «благословение» в виде очередной дозы наркотика.

В назначенный момент ничего не подозревавший Андрей пошел ча встречу с друзьями.

...Сидели на краю ямы. Беляков скрутил папиросу с наркотиком, и она пошла по кругу. Курили по-братски.

А потом Юркин и Беляков убивали Андрея с особой жестокостью, нанесли ему 13 ранений

Судебная коллегия приговорила: В. Атапина, В. Белякова — к 14 годам лишения свободы с конфискацией имущества с содержанием в ИТК усиленного режима; В. Юркина — к 9 годам Г. Джумамбетову — к 8 годам лишения свободы с содержанием в воспитательно-трудовой колонии общего режима; Е. Туктарову — к 6 годам лишения свободы. За недонесение о преступлении к лишению свободы приговорены и другие участники преступления — В. Дьяков, О. Зотов.

К Атапину, Белякову, Юркину согласно статье 62 УК РСФСР применено принудительное лечение.

А. ДОРОНИНА,
инструктор политотдела УВД
Астраханского облисполкома

ВСЕ НА ПРОДАЖУ

Ему 36-й год, но знакомые — близкие и дальние, товарищи по работе называли его Женей. Выглядит моложе своих лет, худощав, подтянут, модная стрижка... И одежда под стать — джинсы, батник, курточка. В дирекции строящихся предприятий объединения «Донецкуголь» Евгений Голубев занимал скромную должность инженера планово-экономического отдела.

— На работе не горел, — отозвался о нем один из руководителей объединения. — Скажут сделать — сделает, не скажут — часами может просидеть за столом.

Быть может, поэтому использовали инженера частенько в делах, не требующих высокой квалификации и творческого подхода: отнести и забрать бумаги, съездить на несколько дней в подшефный колхоз или на овощную базу. Словом, эдакий великовозрастный мальчик на подхвате при окладе в 175 рублей. Не так много, но, согласитесь, не так уж и мало, учитывая подобное «горение» на работе.

В служебной характеристике, представленной позже следствию, роль Голубева в коллективе, где он проработал десять лет, освещена более чем осторожно: «С возложенными обязанностями в основном справлялся, однако личной инициативы в решении вопросов, входящих в круг его обязанностей, не проявлял...»

Профком и администрация старались привлечь его к общественной работе. «Он был избран председателем первичной организации ДОСААФ и рекомендован для участия в работе районного комитета народного контроля». Работу в ДОСААФ Голубев ограничил сбором членских взносов, а как народный контролер проявил себя лишь тем, что однажды со словами «Я вам еще покажу!» потрясал удостоверением в гриль-баре, где к нему отнесли, по его мнению, без должного уважения.

Основная деятельность Евгения Голубева начиналась после 18 часов. Здесь он проявлял недюжинные энергию, находчивость и инициативу. Цель была одна: деньги. Как можно больше. И любыми средствами. Они нужны были скромному инженеру для того, чтобы делать новые деньги. Копить и копить... Затем вкладывать накопленное в новые дела. Жажда наживы была поистине неумной, а средства...

Словом, Голубев оказался в конце концов на скамье подсудимых.

О его жадности, скупости говорили почти все, кого допрашивал следователь УВД Донецкого горисполкома В. Яковлев, расследовавший уголовное дело Голубева Е. С. Круг его знакомых был весьма широк, того требовали интересы коммерции. Свидетели утверждали: Женя редко пользовался услугами общественного транспорта, чтобы не тратиться. Больше ходил пешком. И в столовой, кафе старался «примазаться» к компании, избегая оплачивать из своего кармана съеденное и выпитое. Почти не тратился на девушек, с которыми встречался. Они сами платили за кино и мороженое: то у Жени не оказывалось наличных, то имела лишь крупная купюра, которую сложно было разменять.

Понятно, что от такой экономии сильно не разбогатеешь. А ему хотелось быть богатым. Очень хотелось. И раздирал Женю коммерческий зуд. Еще в студенческие годы наловчился: перепродавал

джинсы, рубашки и куртки, купленные у иностранных студентов. Это было замечено правоохранительными органами. На первый раз ограничились беседой, предупредили. Он затих на время, сделал небольшой перерыв, затем снова взялся за старое. Правда, действовал теперь осторожнее. Был опыт...

Голубев хорошо умел извлекать из человеческих слабостей личную выгоду. Бывает, деньги нужны человеку, как говорится, позарез. Тут-то и приходил «на помощь» добренький Женя. Он выручал. Ссужал сотни и тысячи рублей. Однако плату за услугу назначал жестко — 10 процентов в месяц от занятой суммы. Скажем, пенсионерке, которой требовалось срочно возместить причиненный ущерб, одолжил 3 тысячи на срок около года. А расписку получил на шесть тысяч.

Ростовщичество приносило немалый доход. Были, правда, отдельные неудачи. Это когда ему хотелось прибегнуть к помощи закона.

В Уголовном кодексе УССР нет статьи, карающей за этот вид извлечения нетрудовых доходов. И ни один суд не признает иск о возврате суммы займа с процентами. В этом убедился и Голубев, пытавшийся однажды через суд добиться получения наживы: заемщик вернул долг, а проценты платить отказался. Суд, разобравшись в претензиях Голубева, признал их незаконными.

«Бизнесмена» постигло разочарование... Что было делать? Он стал, кроме расписок, требовать в залог ценные вещи. При обыске у Голубева были изъяты дорогие магнитофоны, изделия из драгоценных металлов, принадлежащие должникам. Обнаружены также четыре сберкнижки с вкладами на общую сумму восемь тысяч рублей. Все вклады срочные — тоже доход...

Манипуляций с денежными суммами ростовщику казалось мало. Параллельно он спекулировал чеками «Внешпосылторга», пытался приторговывать валютой.

На том и кончился его «бизнес». Е Голубев был привлечен к уголовной ответственности, вина его доказана и на следствии, и в суде: он понес суровое наказание.

Спрашивается: зачем Голубев лез из кожи вон, дабы максимально обогатиться? Ответ на этот вопрос пытались получить и следствие, и суд.

В том-то и дело, что видимых причин для безудержной погони за деньгами у 35-летнего холостяка не было. Вырученное он не только не тратил на других, но и себя не баловал, хотя на суде признался, виновато потупившись:

— Хотел жить в свое удовольствие...

Он испытывал удовлетворение уже от сознания того, что капитал его неудержимо растет, что сегодня обладает большей суммой, чем вчера.

Голубев ничуть не тяготился своей страстью к накопительству, не скрывал ее, бывало даже подшучивал.

— Конечно, не в деньгах счастье, — говорил он со значением и улыбался. — Для тех, у кого они есть.

— Женя, чего не женишься? — спрашивали товарищи.

— Вот заработаю полмиллиона — женюсь.

Думали, он шутит. А Голубев вовсе не шутил. Ему не хотелось быть таким, как все! Но внешне жил тихо, неприметно, скромно и вроде бы ничем не выделялся среди других. На самом же деле окружение свое тихо презирал, считая всех людьми низшего сорта.

А себя ставил высоко И духовные потребности, считал он, у него куда выше.

Как-то в редкую минуту откровения признался Женя приятелю, что мечтает жениться на иностранке — неважно какой, лишь бы уехать с ней за рубеж. А уж там-то... Там он проявит недюжинные свои способности. И на следствии об этом сказал.

— А что, если б уехал, сейчас бы здесь не сидел. Я бы...

— Даже когда его задержали и водворили в следственный изолятор, он тревожился не столько о своем будущем, сколько о судьбе изъятых у него вещей и ценностей,— вспоминает следователь В. Яковлев.

В блокноте Голубева — множество имен, телефонных номеров. Знавшие его люди говорят, что Женя был очень контактен. Мог поддержать разговор в компании, запросто завязать знакомство на улице или в коридоре. Правда, разговоры вел в основном о том, что есть что и почем. Скажем, чем отличаются джинсы, комбинезон или радиоаппаратура разных инокфирм, какова их рыночная стоимость. Выработалась и своя манера устраивать сделки.

— Он не предлагал товар, а подробно описывал его свойства, ожидая, что человек сам попросит продать эту вещь,— говорил один из свидетелей.

Однако друзей у Голубева не было. И это понятно. Встречаясь с человеком, он прикидывал: какую выгоду может извлечь из отношений с ним. Платили Жене тем же: большинство знакомых видели в нем дельца, нужного человека, чтобы что-то достать, перепродать, ссудить деньгами. Такая роль несколько не тяготила молодого инженера. Среди обращавшихся к услугам Голубева — спекулянта и ростовщика — музыканты ресторанов и землекопы кладбища, продавцы магазинов и работницы гостиниц, кладовщица обувного объединения и начальник строительного участка. Как видим, клиентура весьма разношерстная. Большинство этих людей получало небольшую заработную плату, но условия для «левых» доходов у них, как выяснилось, были. В их интересах было молчать о том, где и как приобрели они, например, чеки «Внешпосылторга», всяческой дефицит. Этим и пользовался Голубев. А как же его семья, родители?

Родителей тревожили сомнительные сделки взрослого сына.

— Я видела, что Евгений живет не по средствам, и спрашивала: где он берет деньги? — рассказывала его мать.— А он злился и отвечал, что никого не убивает, не грабит и не ворует у государства. Незачем вмешиваться в его дела!

Так что в своей незаконной деятельности Женя не видел до поры до времени ничего предосудительного. Вернее, не хотел видеть. А вмешиваться престарелым родителям в дела 35-летнего чада действительно было уже поздно.

Жаль, что и на работе то ли не рассмотрели, то ли не хотели видеть в скромном, незаметном Жене деятеля подпольного бизнеса, морально нечистоплотного человека. Единственный человек, который раньше всех, быть может, сумел это увидеть, была его бывшая жена, с которой он прожил всего два месяца. Не выдержала она его склонности к стяжательству, духовного убожества — ушла.

— В дом Евгений ничего не давал, говорит она.— Да мне и не нужны были его деньги, я достаточно обеспечена. Но, согласитесь, унижительно для женщины — содержать мужа, кормить, поить

и расплачиваться за него в кафе или в кино. И потом заметила его тягу к грязным делам.

Затем была у него другая женщина. Она порвала с Голубевым после того, как он добился у нее расписки на 70 рублей. За юбку, что подарил полмесяца назад.

Таковы были его отношения с людьми. Они делились на две категории: клиентов и компаньонов.

Почему стал возможным Голубев — спекулянт, ростовщик?.. Сегодня с большим опозданием говорят, что, судя по всему, здесь сказались просчеты в его воспитании, выработке нравственных критериев.

В жизни каждого наступает момент, когда надо выбирать свой жизненный путь. И Голубев выбрал. Выбрал уже тогда, когда поступил в институт на специальность, которую не любил, занял, можно сказать, чужое место, лишь бы получить диплом. Выбрал, когда провернул свою первую, еще мелкую, спекулятивную сделку. А потом...

Статья 80 Уголовного кодекса Украинской ССР — нарушения правил о валютных операциях, статья 154 того же кодекса — спекуляция. Е. Голубев понес наказание за опасные корыстные преступления, подрывающие экономическое положение в первом случае — государства, во втором — отдельных граждан.

— И зачем я только занялся всем этим? — расплакался Голубев, когда стало ясно, что от ответственности ему не уйти.

Сложно даже предположить, что Голубев, человек образованный, преступая закон, не знал, что деяния его уголовно наказуемы. Но гнал от себя эти мысли. На что рассчитывал? Авось, пронесет? Исключено. Понял это окончательно только в зале судебного заседания. И стал говорить какие-то покаянные слова... Что это было? Жалость к себе? Желание смягчить ответственность?

Очень хочется верить, что вот теперь он хоть и с большим опозданием, хоть и дорогой ценой, но все же понял, что есть что и почему.

С. КУЗИН

г. ДОНЕЦК

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

Принимается подписка на 1989 год на собрание постановлений Правительства РСФСР, в котором публикуются постановления, носящие нормативный характер или имеющие важное народнохозяйственное и общее значение. СП РСФСР выходит в свет отдельными номерами примерно два раза в месяц. Подписка оформляется только годовая. Подписная цена на год — 3 рубля.

Подписка принимается от учреждений, предприятий, организаций и граждан в отделениях связи, в пунктах приема подписки Союзпечати, а также общественными распространителями печати. Индекс — 73374.

НАКАЗЫВАТЬ СТРОЖЕ

Работаю инженером-строителем. Двое детей — сын и дочь. Сына отдала в ясли с четырех месяцев, дочь — с семи месяцев. А муж... Горько признаваться, но он пьет. И я очень хорошо понимаю и поддерживаю тех женщин, которые пишут вам о том, что не уговаривать и терпеливо воспитывать надо людей, которые считают — нет смысла в их жизни без бутылки: их надо сурово наказывать. И значительно строже, чем это делается по действующим ныне законам. А уговоры, нравоучительные беседы, взывание к совести... Что это дает? Солидные ученые со степенями, писатели-публицисты пишут интересные статьи, выпускают брошюры, книги, все объясняют, что, водка — порок страшный. А пьяницы разве читают все это? Не кажется ли вам, уважаемые товарищи, что игра несколько затягивается, что пьянство перешло в семьи и жить стало тяжелее. Это я вам говорю не только как семейный человек, но еще и как член комиссии по борьбе с пьянством. На работе, положим, с пьяницей совладали, коллектив помог, а дома борись одна с пьяным, озверевшим от водки мужем, да еще детей от него спасай. Пока в милицию позвонишь, пока она прибудет...

Нет, законы нужны самые строгие, значительно строже тех, которые есть сейчас. Это я пишу от чистого сердца, не только от своего имени, но еще и от тех женщин, которые знают, что такое поголовная пьянка почти во всем пятиэтажном доме.

Поймите, такие меры, как 15 суток, штрафы, мало что дают. Они влияют только на семейный бюджет. А вдобавок еще и услышишь: «Ну что пожаловалась, посадила? Теперь сиди на хлебе и воде — нашла у кого защиту просить». Простите, это не борьба с ними, а игра — кто кого? Или я его перевоспитаю, или он меня с ребенком доконает. А ведь бывает еще такое — ребенка не устраивают в детсад, потому что отец нарушитель трудовой дисциплины, пьяница. Как такое назвать? Дикость! Дети-то почему должны страдать?

Кстати, о детях. Только создав необходимые условия для женщин, когда у них будет больше возможностей для воспитания детей, а значит, больше времени бывать дома, в семье, мы сможем быть уверенными за будущее наших детей. А иначе... Дети, растущие сами по себе, станут брать дурной пример со старших. Я предлагаю: сделать короче рабочий день для женщин, имеющих детей, но удлинить его для мужчин, ведь они у нас «сильный пол»... Плечи у них крепкие, пора возложить на них груз потяжелее — пусть больше несут ответственности за семью: побольше работают и побольше, разумеется, зарабатывают. А времени на пьянство будет поменьше.

В. АНДРЮЩЕНКО

НЕ БУДЬТЕ КАТЕГОРИЧНЫ

Я с большим интересом читаю в вашем журнале публикации, в которых идет речь о повышении производительности труда, о задачах, которые ставит перед нами перестройка, о том, что к нарушителям дисциплины, бракоделам, пьяницам, лодырям нужно применять строгие меры в соответствии с законом. Об этом ваши корреспонденты пишут очень интересно. То же можно сказать о героях ваших бесед — людях уважаемых, авторитетных, которые отвечают на вопросы. Но когда листаешь подшивку вашего журнала (кстати, не только вашего), обращает на себя внимание категоричность суждений — предложения наказаний сыплются, как из рога изобилия. И при этом с великой легкостью. Словно наказание — панацея от всех бед. В особенности, когда речь заходит о молодежи.

Разве можно, лишив человека жилплощади или, например, задержав ее получение, добиться высокой производительности труда, сокращения прогулов, прочих нарушений трудовой дисциплины? Я совершенно не согласен с такой постановкой вопроса. Для простого рабочего человека это — удар по пальцам. Наказав его таким образом, вы лишаете его возможности плодотворно работать — у него же руки опускаются! Или вы считаете, что хорошее настроение для работы значения не имеет? Далее. Временами создается впечатление, что квартира, возможность купить автомобиль и т. п. (не стану перечислять всякие социальные блага) не есть необходимость, а как бы поощрение за хорошую работу. Не более. А я считаю, что все это — необходимость. Очень важно, чтобы рабочий в этих вопросах не зависел от предприятия. Надо дать человеку возможность свободно приобрести все необходимое, и после этого, уверяю вас, он воспрянет, преобразится и целиком окупится в любимую работу. Уверен — исчезнут горы проблем.

Вот читаешь иногда корреспонденцию ветерана труда или же беседу со знатным рабочим и замечаешь, что между строк проскальзывает недовольство молодежью: плохо работают, пьют, безобразничают и т. п. Хочется сказать им: попробуйте, задумайтесь, отчего все это происходит. Ведь есть же причины, побуждающие молодых людей к пьянству, прогулам, нарушениям трудовой дисциплины. У нас ведь как бывает: наказали человека раз, наказали второй, а в третий раз... На него просто перестают обращать внимание. Или же просят, если уж очень допекает, уволиться по собственному желанию. Скажем положи руку на сердце, что в причинах копать мы не любим, избиваться проще. Не желаем задумываться над тем, что к молодому человеку нашего времени нужен иной подход, иное отношение, нежели, скажем, к моему поколению. Спросите: какой? Я не готов к ответу на этот вопрос, но давайте думать вместе о том, чтобы закон не применялся ретивыми администраторами бездумно, чтобы не судили мы обо всем резко, категорично.

Хочу предварить еще вопрос — имею ли я моральное право на такой разговор? Думаю, что имею. Я тоже прожил большую жизнь, и в жизни этой всякое бывало: и в войне участвовал, и ранен был... Словом, знаю цену жизни и стараюсь, как умею, учить этому других. Теперь и сам не могу понять до конца, как это случилось, но мне удалось избежать от такого страшного недуга, как пьянство, несколько человек. Правда, понадобилось время, терпение, тяжкие усилия, но ведь удалось же! До сих пор люди эти, которым уже далеко за сорок, звонят и говорят спасибо.

Пусть это совсем немного, согласен, но если каждый возьмется и вернет к нормальной жизни двоих-троих, то результат будет не такой уж плохой. А мы в первую очередь хватаемся за наказание... Я имею в виду руководителей в первую очередь. Не хочу сказать, что наказания вовсе не нужны, поймите меня правильно, но в первую очередь — разберись, товарищ администратор. И не преподноси социальные блага как рождественские подарки. Надо обеспечить по возможности молодежь всем необходимым и одновременно требовать полной отдачи. Не сомневаюсь — отдача будет. Не согласен я с теми, кто утверждает, что у современной молодежи совести нет.

А. ВОЛУЕВИЧ

г. ВИЛЬНЮС

НЕ ОСКОРБЛЯЙТЕ МУЖЧИН

Не кажется ли вам, уважаемая редакция, что уж слишком много навешали вы на нашего брата всякой гадости? Об этом говорит само название статьи «Не родился еще мужчина» (заметки народного заседателя С. Уразовой), опубликованной в третьем номере вашего журнала. Да вы посмотрите на наших женщин повнимательней... Съездите хотя бы к трем вокзалам у нас, в Москве, и посмотрите на размалеваннх девиц в возрасте от пятнадцати до девятнадцати лет. И перед вами во всей красе предстанет вся их, с позволения сказать, нравственность и мораль. Курят, пьют, матом кроют... И, кроме кулака, такие ничего не понимают.

Был со мной лично такой случай — вваливаются в автобус четыре полупьяные особы женского пола, начинают меж собой беседу, и что ни слово, то мат... Им сделали замечание — в ответ отборная матерщина. Вывело это меня из себя, попробовал поговорить с ними, а меня мало что грязно обругали, но была еще попытка рукоприкладства. И тут я развернулся... А бью я, скажу откровенно, не слабо. Они все четвером на меня — пришлось и вторую уложить. Тогда остальные, поняв язык кулака, замолчали и, пока я ехал, больше не сказали ни слова.

Конечно, мне стыдно, что пришлось применить силу, но ведь много языка они не понимают. Не было выхода. А послушать их, когда они трезвые, то каждая из них мечтает о честном, скромном, работащем муже, который хорошо зарабатывает, имеет квартиру и не пьет, разумеется. Не верю. Если они с ранних лет ищут легкую жизнь, то ничего им, кроме так называемого «кайфа», не нужно. Какие из них хозяйки и матери, если они, кроме пресловутого «кайфа», знать ничего не знают? Какая может быть с такими семейная счастливая жизнь?

Обобщений делать не хочу, не стану утверждать, что все женщины именно такие. Встречаются и совершенно противоположные представительницы женского пола. Но почти все они не имеют правильного представления о семейной жизни. Разве не об этом говорит большое количество разводов? А кто проявляет инициативу? Женщины.

В чем же причина? Я считаю: лишь в том, что женщинам дали слишком много прав. Всюду им — льготы, льготы, льготы... Все, оказывается, им можно, все позволено. Даже то, что в голове нормального человека не укладывается, — отказ от новорожденного, от

своего ребенка. Тут у них свобода полная и все по закону: родила и прямо из родильного дома — в Дом ребенка. Но это же преступление — оставлять ребенка без родителей! Куда же девается тут их любовь, нежность, доброта, уважение к себе?! Куда?..

Вы пишете, что мужчина — настоящий хозяин в семье и всегда лидер. Отвечаю: был когда-то лидером... А сейчас в семье повсеместно женская монополия, лидерство в юбке. Женщины со своими обширными правами сели своим мужьям на шею. И о какой активности может идти речь, когда сидишь под каблуком собственной жены? По струнке ходишь. С одними обязанностями.

Я не против этих обязанностей в семье, но равноправия нет, только женская диктатура во всем. Мужчина даже при огромном желани не сможет стать лидером, ибо все равно попадет под каблук жены, так как закон ей предоставил слишком много прав. И тут никакая перестройка не поможет. Женщины своего первенства никому не уступят.

Хочу добавить ко всему изложенному свое пожелание редакции — почаще рассказывать правду о сложных, очень и очень непростых отношениях мужчины и женщины и о том, как регулирует их отношения действующее законодательство. И при этом остановиться на тех вопросах, которые я здесь изложил. Поможет ли это кому-нибудь? Не знаю... Слишком много наш закон дает прав женщинам, и слишком уж прочно въелась такая несправедливость в нашу жизнь.

И. ЛАЕРТ

г. МОСКВА.

РЕДАКЦИИ ОТВЕЧАЮТ

В редакцию обратились рабочие Миллеровского маслозавода с жалобой на неудовлетворительные условия труда. Факты подтвердились. Секретарь Ростовского областного комитета профсоюза работников агропромышленного комплекса В. Агеев сообщил, что коллективное письмо рассмотрено на расширенном заседании профкома предприятия в присутствии директора и главного инженера.

Приняты меры по обеспечению рабочих необходимым слесарным инструментом. Установлено соответствующее оборудование. Выделено помещение под мастерскую.

* * *

Начальник Амурского областного управления госторгинспекции Г. Шубкина сообщила редакции, что факты, изложенные в читательском письме, подтвердились. Проведенной проверкой установлено: в магазине села Ивановка Зейского РАЙПО нарушались правила советской торговли — продажа наборов промышленных и продовольственных товаров с принудительным ассортиментом действительно имела место.

Заведующая магазином М. Пчелина привлечена к дисциплинарной ответственности. Усилен контроль за соблюдением правил торговли.

ПРЕСТУПНИК- ИЗОБРЕТАТЕЛЬ

В конце 1925 года во французской Ларошели был оборван крупный банк. Случай, в общем-то, заурядный, но несгораемый сейф, где хранились деньги, был вскрыт чрезвычайно оригинальным способом. Эксперты в недоумении разводили руками: вот если бы сейф взломали с помощью «гусиной лапы», отперли отмычкой, разрезали газовой горелкой, взорвали динамитом наконец! Нет. Преступник воспользовался совершенно неизвестным доселе химическим веществом, которое проело в стальной стенке сейфа зияющее отверстие. Взломщик, понятное дело, исчез, прихватив с собой несколько сотен тысяч франков. Вся полиция была поднята на ноги, однако ни секрет химического вещества, ни личность изобретательного грабителя установить не удалось.

А вскоре произошло еще одно из ряда вон выходящее событие. В своем феодальном замке была убита старуха Одэр — одна из наиболее богатых жительниц Ларошели. Ее нашли задушенной в спальне, причем толстая железная решетка на окне оказалась разъеденной тем же таинственным химическим веществом, что и банковский сейф. И опять усилия полиции ни к чему не привели. Было от чего прийти в уныние...

А время шло. Жак Одэр — единственный наследник старухи — вступил в права владения замком, стал в Ларошели важной персоной. Перед ним заискивали, с ним жаждали завести близкое знакомство, особенно родители девиц на выданье. Однажды на роскошном званом обеде представили метра Орто — профессора химии из Лионского университета. Они вежливо раскланялись, обменялись парой ничего не значащих любезностей, и тут всех пригласили к столу.

О чем только не говорили за обедом! Однако наиболее живо обсуждалась гибель старухи Одэр. Высказывались самые фантастические предположения о личности таинственного убийцы-химика. Вдруг мэтр Орто едва не выронил из руки бокал, поднятый за здоровье «несравненного месье Жака». В молодом Одэре он узнал своего давнишнего студента, который обнаруживал блестящие способности в химии, но был вскоре изгнан из университета за какие-то темные делишки. Да, это был несомненно он!..

Сославшись на мигрень, профессор наскоро распрощался с гостеприимными хозяевами и поспешил в полицейскую префектуру. Расследование по обоим уголовным делам возобновилось. Природой химического вещества, легко разъедающего стальные листы и прутья, занялся метр Орто. Если бы не его хорошо аргументированное заключение, полиции едва бы удалось добиться от Жака Одэра чистосердечного признания.

Е. ИЩЕНКО

Давно уже детектив занимает позиции одного из самых популярных жанров в литературе, кино, на телевидении. Театр же до сих пор отводил ему в лучшем случае лишь эпизодические роли; короче, Мельпомена не баловала своим вниманием детектив. И вот — новость: в Москве, на улице Дзержинского, 13, в Центральном клубе МВД СССР, открывает свои двери театр, который так и называется: «Детектив» — первый театр приключенческого жанра не только в нашей стране, но и в мире. Сколь успешным будет его дебют, пока судить рано: премьера состоится в декабре. Однако уже сегодня мы можем сообщить, что руководит «Детективом» известный актер, с блеском сыгравший роль Шерлока Холмса, — а это, согласитесь, уже кое-что да значит...

Наш корреспондент Н. Лопатенко встретился с художественным руководителем нового театра, народным артистом РСФСР Василием Ливановым и задал ему ряд вопросов.

— Собираясь на встречу с вами, Василий Борисович, я перелистал блокнот. Оказалось, что впервые по столь приятному поводу, как открытие «Детектива», мы условились увидеться ровно год назад. С тех пор с завидной регулярностью встреча эта откладывалась...

— По независящим от нас причинам. Да, идея создания такого театра давно уже, как говорится, витала в воздухе; кстати, первым высказал ее член редколлегии журнала «Человек и закон» Юлиан Семенов.

— В телесериале, созданном по мотивам рассказов Конан Дойля, где вы исполняете роль великого сыщика, Виталий Соломин сыграл доктора Уотсона. Теперь вы оба — неразлучная пара и взялись за новое и, кажется, самое трудное дело. Как же вам удалось в конце концов добиться своего?

— По Конан Дойлю, полиция не раз обращалась к знаменитому сыщику за помощью. В жизни все случилось как раз наоборот... Шерлок Холмс сам вынужден был просить поддержки. С Виталием Со-

ломиним нам пришлось пообивать пороги многих инстанций... Практически исход нашего дела решило письмо министра внутренних дел СССР, адресованное общесоюзному Министерству культуры...

— Такая позиция достойна всяческого уважения. Но почему ее сразу не разделили те работники культуры, чья прямая обязанность — всемерно содействовать появлению новых театров, поискам жанров, направлений?

— Да, вы правы, сколько было волокиты, отговорок, недоуменных взглядов: мол, раз нигде в мире такого театра нет, то нам-то он к чему? Теперь, разумеется, все эти деятели «перестроились». Я намеренно беру это слово в кавычки — нельзя всерьез принимать позицию, вся суть которой — в непрерывных оглядках на мнение ответственных высоких инстанций.

Но, как говорится, что было — то было. Многое предстоит сделать и нам самим: от нас ведь ждут спектаклей, а не объяснений того, почему они появились с некоторым, скажем так, опозданием...

— Само рождение вашего театра — эксперимент. Он и носит название экспериментального, а вы, по сути, отправляетесь в неизведанное. Но поиск нового пути предполагает знание уже пройденного...

— Которое подсказывает, что всякий профессиональный театр — а наш театр профессиональный — рано или поздно неизбежно обрастает мертвящими его жизнь традициями. В его орбиту незаметно включается великое множество людей, не имеющих к искусству никакого отношения. Зато все они славно чувствуют себя на всяческих далеко не обязательных для театра, нередко просто надуманных, административных должностях. Цель нашего эксперимента — создать максимально жизнеспособный, однако предельно сокращенный по числу штатных единиц административно-творческий постановочный состав. Словом, хотим построить театр, не отягощенный давно сложившейся, однако не всегда разумной, противоречащей здравому смыслу практикой.

Да, нам нужны специалисты, и мы проводим строжайший их отбор, только с учетом высоких профессиональных качеств, с «прицелом» на выполнение вполне определенных задач. Число их будет втрое-вчетверо меньше традиционных административных штатов — что ж, и оплата труда зато вырастет — по справедливости. И в то же время мы — отнюдь не хозрасчетная организация, наш театр идет своим путем. Но для того и проводится Министерством культуры СССР всесоюзный эксперимент, чтобы каждый его участник нашел в нем свой путь, свою судьбу. Давно и верно подмечено: схожесть в чем-то роднит, но в чем-то и обделяет... Выработка многообразия форм при единстве цели — вот в чем суть.

— Министерство внутренних дел помогло театру появиться на свет, предоставило ему помещение своего клуба... Не боитесь ли вы, что попадете в капкан ведомственных традиций?

— Нет, не боюсь. Впрочем, никто не собирается заставлять нас бездумно иллюстрировать милицейскую хронику. Никому это не нужно. Да и мы на такое не пойдем.

Однако сама профессия работника внутренних дел сможет стать серьезным материалом для работы именно потому, что театр наш — гражданский, драматический. Конкретные дела, судьбы лягут в основу нашей драматургии, без этого мы не сможем выполнить главную свою политическую задачу, жить в ритме времени.

— Не сомневаюсь, что точно так же из года в год трактуют свои задачи и литераторы, и кинематографисты. Но удачи их в последнее

время крайне редки — это признают и читатели, и зрители, и профессиональные критики. Последние все чаще поговаривают о кризисе жанра детектива... Вот и мы представляем на суд читателей буквально крохи из ворохов приходящих в адрес редакции «Человек и закон» рукописей. Кстати, это вовсе не всегда означает, что наши «находки» вызывают одобрение читателей. Порой создается впечатление, что написаны они одной рукой, под копирку...

— Увы, еще не разившись как жанр, наш детектив успел обрасти ну просто махровыми штампами. Незаметный, убийственно скромный инспектор уголовного розыска. Полковник милиции, которому наперед все известно, за исключением разве что некоторых деталей — уж они-то ведомы только генералу. Понимаете, знания ставятся в прямую зависимость от чина, отнюдь не от таланта. Но в жизни ведь все не так!

Вот летом прошлого года взялся я прочесть двухгодичную подшивку «Советской милиции». В итоге все слилось в одно нескончаемое, набившее оскомину чтиво. Ну, на чью потребу все это пишется?

— Очевидно, прежде всего — самих авторов. И мы порой в своем журнале, как я уже сказал, такое чтиво вынуждены печатать — другого-то нет. Но, надо сказать, стереотипы вообще чрезвычайно живучи, их ломка вызывает негодование определенной части читателей, и среди них, как это ни странно, работников правоохранительных органов. Вспомните хотя бы экранизацию романа братьев Вайнеров «Эра милосердия» — фильм «Место встречи изменить нельзя». Владимиру Высоцкому удалось создать едва ли не самый сильный образ сыщика, когда-либо появлявшегося в нашем кинематографе. Сильный именно своей «заземленностью», сложным духовным миром, в котором и уживаются, и бьются в непримиримом противоречии два начала человеческого естества — добро и зло... И именно эта блестящая работа актера вызвала резкое осуждение со стороны тех людей, которые с полным основанием могли считать себя и коллегами, и «наследниками» работника МУРа Жеглова. Почему же так случилось? Кому, как не им, работникам милиции, встать на защиту таланта?

— Именно в этом и состоит роль Министерства внутренних дел СССР в создании нашего театра. Детектив — это жанр, в котором мысль накрепко сцеплена с эмоцией, жанр-выстрел! К нему и отношение должно быть бережливое — как к весьма действенному оружию. С тех самых пор, когда были написаны строки первого в истории человечества детектива. Помните? Это когда Змей-искуситель предложил Еве отведать яблочко...

Посмотрите, жанр этот как бы выкрашен всего-то в две краски, черную и белую, символизирующие извечное противостояние сил Добра и Зла, а способен отразить действительность во всей реальной многосложности ее палитры... Или обратитесь к непроглядную серость. Серость — это ведь от бездуховности. А бездуховность, нравственная нищета — тягчайшие преступления против человеческого естества, плодящие, в свою очередь, преступность. Против таких страшных явлений не выстоит ни один супермен...

— Столкновение непримиримых позиций, торжество добра, неизбежность возмездия за содеянное зло — такую идейную нагрузку не в силах вынести на своих «плечах» ни один сюжет, как бы лихо закручен он ни был. Нужен по-настоящему убедительный образ, если угодно — герой нашего времени.

— И такой образ может дать именно театр! Сила его, его отли-

чие, скажем, от кинематографа — в яркой, концентрированной символичности образов, работающих на идею. Вспомните французский фильм «Мари — Октябрь»: ведь это по сути, по духу — пьеса! Все действие происходит в одной комнате, а какие психологические коллизии, какая драма разворачивается! Чтобы не впасть в мелочную дидактику, поучительство, необходимо браться за разработку мощных конфликтных пластов — и сегодняшний день предоставляет нам такую возможность.

Нельзя понимать гласность только как дарованную возможность сегодня кричать о том, о чем шептались вчера, в противном случае накопленный нами потенциал противления злу уйдет в пар, в пресловутой свисток. Главное — для чего, во имя чего этот крик!

Мы переживаем острейший, нередко мучительный процесс переоценки многого из того, что дискредитирует наше общество, но нельзя при этом дискредитировать его идеалы. И главная задача нашего театра — занять свою позицию в борьбе за их утверждение. Своеобразной заявкой на это станет, надеюсь, премьерный спектакль «Исполнитель».

— Василий Борисович, премьеру нового театра, тем более со столь многозначительным названием, с нетерпением ждут зрители. Расскажите об этом подробнее.

— В основе пьесы «Исполнитель» — художественное осмысление одного из моментов, который вполне мог стать роковым для нашей истории, если бы преступнику, задумавшему узурпировать власть, удалось осуществить свой замысел. Написана она на основе документов, связанных с заговором Берии. Главный герой — человек, прошедший все горнила войн, волей заговорщика втягивается в разворачивающиеся события. В пьесе высвечивается столкновение двух сил: той, что олицетворяет наши идеалы, и той, что в эти идеалы рядится.

В нашем репертуаре обязательно будут остросюжетные пьесы — детективы на современную советскую тему. Здесь мы очень рассчитываем на сотрудничество с Прокуратурой СССР, Верховными судами СССР и союзных республик, где предоставят нашим драматургам материалы, необходимые для работы.

Будут пьесы и зарубежных авторов. Виталий Соломин ставит «Ловушку» — пьесу французского драматурга Робера Тома. Это — социально-психологический детектив, бьющий по порокам буржуазного общества. Так обозначается еще одно направление работы театра: зарубежный детектив, который поднимал бы общепонятную, общечеловеческую тему.

И наконец, обязательно будем устраивать «Вечера детектива», по сути, его классиков: Эдгара По, Агаты Кристи, Жоржа Сименона. Здесь главное для зрителя — не прелесть новизны сюжета, он многим отлично известен, а то, как раскрывается талант актера, какими новыми гранями обогатится его игра. Скорее всего, это будут вечера одного полного спектакля или серий одноактных.

— Значит, это будут и вечера импровизации — актеров, режиссеров, художников?

— По идее, каждый спектакль должен стать импровизацией — неповторимой, единственной, ведь наш театр не располагает своей труппой, на каждый спектакль актеры будут приглашаться. Получается как бы труппа одного спектакля.

— Намерены ли вы гастролировать или останетесь «театром одного города»?

— Помещение клуба МВД мы арендуем. По условиям аренды, на спектакли нам отданы три дня. Значит, четыре спектакля в неделю — при условии, что в выходной будут два. Не так уж велика нагрузка, при таком цикле не все из задуманного удастся осуществить. Таким образом, гастролы станут сейчас для нас просто жизненно необходимы. Но мне не хотелось бы расценивать их лишь как вынужденную меру. Поездки по стране, за рубеж — лучшая пропаганда идей нашего общества, лучший способ познакомиться с опытом других. Словом, хотим и мир посмотреть, и себя показать...

— Среди классиков детектива, произведения которых вы намерены поставить, не прозвучало имя Артура Конан Дойля. Но в «Детективе» продолжают работать Холмс и Уотсон. По признанию английской «Дейли мейл», вы с Виталием Соломиним — лучшая пара континента всех времен в этих ролях. Неужели не появится соблазн сыграть их на сцене?

— Те семь лет, которые я отдал Холмсу, стали незабываемыми годами жизни в образе этого удивительного человека. Я часто спрашивал себя: почему он со временем несколько не потускнел, ведь много было их, нашумевших... А Холмс остался. И вот что я думаю: каждое время, каждая эпоха тревожны по-своему. Нынешняя не в пример прочим. Мир много раз уже ставился на грань катастрофы. Но всегда, во все времена человеку свойственно надеяться; сознательно или нет, он ищет гаранты надежности. Так вот, один из таких гарантов — Холмс. Он необыкновенно силен, притягателен не просто своим бескорыстием в служении справедливости, но, главное, высочайшими нравственными качествами. Понимаете? Холмс — возвысился над своим временем... Да и в нашем ему порой неуютно... Но он ведь не сдаётся, не подает вида — нет, Холмс всегда в пути, всегда в готовности вступить в непримиримую борьбу со злом. И победить... Знаете, такой герой для нас — это вечный источник духовного обновления, это — как неизбывные впечатления детства. Я боялся перечитывать Конан Дойля: не стоит возвращаться туда, где когда-то тебе было хорошо... Так я думал, а когда закончилась работа над второй серией экранизации — не выдержал и взялся за «Собаку Баскервиль»... И до утра не смог оторваться. Прекрасная литература! Смогу ли вернуться еще раз к ней — уже на сцене? Не будем загадывать. Может быть, стоит подождать, когда у нас появится такая, как у Конан Дойля, но уже — в нашем времени своя, отечественная книжка...

От редакции. Итак, наша встреча с театром «Детектив», наконец, состоялась. Состоялась в жаркую пору подготовки к первому в его творческой жизни сезону. О том, как он сложится, какими находками порадует зрителей, словом, обо всех перипетиях поиска, в который отправляется «Детектив», мы намерены и впредь информировать наших читателей.

Пунктирная линия

ПОВЕСТЬ *

«Агния Петровна, секретарь директора», — вспомнил Игорь Васильевич. Были еще десятка два телефонов и адресов. Имелся адрес вологодского племянника. Фамилия Бабушкиных отсутствовала. И не значились в книжке Климачев и Поляков — соучастники преступления. Правда, Климачев умер. Естественно, что в новую алфавитную книжку он не попал. А Поляков? Может быть, старик не записал его фамилию из осторожности? Хотя какая уж теперь может быть осторожность?

Сведений из алфавитной книжки удалось выудить немного. Корнилов переписал в свой блокнот несколько незнакомых фамилий и телефонов. Потом вспомнил про списки «во здравие» и «за упокой». Достал их из стола. «Заупокойный» список полковник отложил в сторону. Не интересовали его сейчас мертвые. А несколько имен на «зздравном» листочке он сверил с именами в записной книжке очень тщательно. Не вызывали никаких сомнений Агния и Михаил — секретарша из Дома культуры и вологодский племянник. А вот Анны, Дмитрия и Леонида Корнилов в записной книжке не нашел. «Может быть, Анна — большая дочь?» — подумал он и позвонил Бугаеву. Сказал недовольно:

— Семен, я тебя давно жду!

Оттого, что во время встречи в Доме культуры он не выслушал старика до конца, не привез в Управление, не записал на магнитофонную ленту его исповедь, Корнилов нервничал. Чувствовал себя неуютно. Что бы изменилось, если бы он сразу после лекции дал выговориться старику? Многое. Не надо было бы ломать голову над тем, как восстановить доброе имя Бабушкина, не надо было бы копаться в биографии Романычева.

Бугаев пришел с толстой тетрадью в руках.

— Что, Сеня, уж не нашел ли ты его дневники?

* Продолжение. Начало в № 9.

— Увы! Дневников и записных книжек нет, зато есть кое-что оригинальное. Имел дедушка страсть — коллекционировать некрологи.

— Некрологи?

— Сейчас увидите.— Майор положил тетрадь на стол. В ней очень аккуратно были наклеены маленькие прямоугольнички с черной каймой — вырезанные из газет некрологи. На первых страницах они уже пожелтели от времени и плохого клея, а в конце тетради один некролог лежал еще не приклеенный.

Игорь Васильевич понял, что это за кладбище, как только начал вчитываться в скорбные строки. «Дирекция, партийный комитет и профком с прискорбием извещают о смерти старейшего печатника типографии Ивана Петровича Ярикова, последовавшей...» «Исполком Куйбышевского районного Совета депутатов трудящихся с глубоким прискорбием извещает о безвременной кончине депутата районного Совета, директора типографии имени Володарского...»

— Выходит, что Капитон Григорьевич внимательно следил за тем, как вымирают его бывшие сослуживцы?

— Еще как внимательно! — усмехнулся Бугаев.— Очень интересовало его движение личного состава типографии. Для этого и типографскую многотиражку выписывал.

Нашел полковник в мортурологе и Климачева. А последний, еще не водворенный на свое место некролог, сообщал о смерти кандидата технических наук Полякова Петра Михайловича, последовавшей 2 апреля 1987 года.

— Ну, что ж! — сказал Корнилов, закрывая тетрадь.— Одного подозреваемого мы можем реабилитировать посмертно.

— Да, Игорь Васильевич. У меня просто гора с плеч свалилась. Знаете, сколько в Ленинграде Поляковых Петров Михайловичей? Сорок три!

— Можешь оставить их в покое.

— А мы опять у разбитого корыта? Филин с работниками райотдела человек сто опросил. И отдыхающих из санатория, и служащих госдач. Их там понастроили — живого места не осталось. А ведь Остров Трудящихся называется!

— Семен, не отвлекайся. Есть еще один вариант,— Корнилов вздохнул.— Не могу я больше медлить...— Эту последнюю фразу, непонятную для собеседника, он сказал скорее для себя, положив конец терзавшим его сомнениям. Ему и сейчас еще не верилось, что сын Алексея Дмитриевича Бабушкина имеет какое-то отношение к убийству старика. Но труп нашли на Каменном острове, совсем рядом с домом, где живут Бабушкины. И старик говорил о том, что уже не раз делал круги возле их дома, но зайти не осмеливался. А вдруг в воскресенье решил?

— Возьми группу, поезжайте на Каменный остров. Большая аллея, дом тринадцать. На пересечении со Второй Березовой. Квартира один. Живут Бабушкины...

— Это же регистратура санатория? Был я в этом доме. На средневековый замок похож. Неужели те самые Бабушкины?

— Да. Позвони в прокуратуру, попроси разрешение на обыск.

— Вы думаете, что младший Бабушкин...

— А ты можешь предсказать, как поведет себя человек, встретившись лицом к лицу с подонком, оклеветавшим его отца?

Корнилов снял трубку, торопясь набрал номер.

— Бородин, долго ты будешь испытывать мое терпение?

— Весь отдел на вас работает, Игорь Васильевич! — отозвался эксперт.

— Это правильно, — смягчаясь, сказал Корнилов. — Если ты сообщишь мне, что хранилось в тайнике у Капитона, я тебе многое прощу.

— Портфель кожаный. А может быть, «дипломат».

— Или дамская сумочка, — с иронией сказал Корнилов.

— Тоже не исключено. Но даже если это и была дамская сумочка, то обязательно черного цвета и новая. Мы обнаружили частицы черной краски. Краска эта в стране не производится, значит, портфель или «дипломат» иностранного производства...

— А как с анонимкой?

— Установить невозможно. Вы же видели почерк Романычева?! У него болезнь Паркинсона.

— Слышал? — спросил Корнилов майора.

— Слышал. Портфельчик, значит, искать? Только если похититель не дурак, он этот портфельчик уже давно сжег или выбросил. Его ведь не тара интересовала, а содержимое.

— Вот и проверишь. Поезжай, чего еще ждешь?

— Бабушкин знает, что с его отцом приключилось?

— Мне это неизвестно. Да и решил-то я его проверить просто для очистки совести. Слишком просто было бы все.

9

Бугаев вернулся веселый. «Значит, все-таки Бабушкин», — решил Корнилов, поймав себя на мысли, что это ему неприятно.

— Попадание в десятку, Игорь Васильевич, — сказал майор. — В прихожей на самом видном месте, под вешалкой, стоял новенький баул. А в баульчике — девяносто три тысячи. Эксперты сейчас взяли его в работу, да и так все ясно. Из тайничка покойного дедушки вещичка. По размерам тютелька в тютельку! — Бугаев наконец сел в кресло. Пальцы правой руки привычно выбивали на подлокотнике барабанную дробь.

— А что Бабушкин?

— Спокоен, глазом не моргнул, рассказал нам сказочку: «Один знакомый старик, фамилии его он не знает, куда-то очень спешил и попросил баульчик подержать у себя дома. А что в бауле — старик сказать не изволил». За идиотов он нас, что ли, принимает?!

— Приметы этого старика Бабушкин описал?

— Как ни странно, приметы он дал верные. Точный портрет Романычева. Сам Бабушкин экскурсовод, возит туристов на автобусе...

— И старик несколько раз ездил с ним, — сказал Корнилов.

— С вами, товарищ полковник, не соскучишься. — Майор удивленно посмотрел на шефа.

— Мне, Сеня, сам старик об этом рассказал. Да прекрати ты дергаться! — не выдержал он. Барабанная дробь, которую выступивал Бугаев, мешала ему сосредоточиться. — Скажи лучше — ключи, документы Романычева в квартире нашли?

— Нет. Не так прост этот экскурсовод, каким хочет выглядеть.

— Кто с ним живет?

— Две старухи. Мать и тетка. Откуда баул взялся — не знают. «Наверное, Дима принес...» — бархатным голосом пропел майор и тут же добавил с ехидцей: — Никто ничего не знает, а сами не-

сколько дней спотыкались об эти сто тысяч! — он помолчал несколько секунд. — А вообще-то бедно живут.

— Про отца разговор не заходил?

— Нет.

— Старик отдал Бабушкину баул при свидетелях?

— Нет, конечно! Они приехали в Гатчину, осмотрели дворец, парк. Потом остановились на площади. Все экскурсанты пошли в магазин. Даже шофер. А Бабушкин остался в автобусе. Вот тут-то и начинается его сказочка: взволнованный старик сообщил, что ему придется задержаться в Гатчине, а баул мешает. Поставил рядом на сиденье и убежал.

— И никто из экскурсантов баул не видел?

— Бабушкин не помнит.

«Если разыскать экскурсантов, то можно восстановить всю картину, — подумал Корнилов. — Только как их разыскать?»

— Сеня, ты не выяснил, что это была за экскурсия? Из какой-то одной организации?..

— Нет. Покупали билеты в кассе у Исаакя.

— Остался еще шофер.

— Вы не верите, что Бабушкин преступник?

— Я не верю, что такие вопросы на пользу делу.

10

Дмитрий Алексеевич Бабушкин оказался высоким худощавым блондином. Сутулый, бледный. Разглядывая его, Корнилов подумал, что Бабушкина можно было бы назвать типичным горожанином. Веко над левым глазом у него чуть-чуть подергивалось. А серые умные глаза смотрели без испуга. Скорее с вызовом.

— Меня зовут Игорь Васильевич Корнилов, — сказал полковник. — Я начальник отдела Управления уголовного розыска.

Бабушкин то ли пожал плечами, то ли просто шевельнулся.

— Я просил бы вас еще раз рассказать, как попали к вам деньги.

Бабушкин повторил слово в слово все, что рассказал Бугаеву. Когда он закончил, полковник спросил:

— Раньше вы встречали этого человека?

— Да, встречал. Два или три раза он ездил со мной по городу.

— По одному и тому же маршруту?

— Нет, конечно. У меня много тематических маршрутов. — Он усмехнулся. — Практически все. И городские, и пригородные.

— Он разговаривал с вами?

— В первой поездке только вопросы задавал. После второй — увязался за мной. Расспрашивал.

— О чем?

— Ну... о чем? Откуда я город так хорошо знаю? Его историю. Где учился? Это бывает. Только чаще женщины цепляются. Женщины бальзаковского возраста, — как-то игриво сказал Бабушкин. И добавил: — А иногда и молодые.

— А про себя старик ничего не говорил?

— Нет. Но если судить по вопросам, человек начитанный. Курбатова и Столпянского протудировал.

«Говорить о том, кто этот старик, ему пока не стоит, — решил Корнилов. — Иначе все осложнится».

— В последний раз вы ничего не заметили необычного в его поведении?

Бабушкин задумался.

— Пожалуй, нет. Вот только...

Корнилов ждал.

Дмитрий Алексеевич напрягся, вспоминая, и веко задергалось сильнее.

— Ну, конечно же! Как я сразу не обратил на это внимания! За всю поездку он мне ни одного вопроса не задал. Ни в Гатчинском дворце, ни во время поездки. И вдруг бежит ко мне со своим саквояжем.

— Он вышел из автобуса и потом вернулся?

— Они все ушли. Обозревать прилавки. Я остался караулить. Шофер за мороженым подался. И вдруг влетает мой зрудит.

— Влетает?! — усомнился Корнилов. — Старый человек?

— Я не видел, как он бежал. Но только запыхался он изрядно.

— Бежал, значит, с саквояжем в руках?

— Нет. Саквояж в автобусе оставался. На сиденье.

— Девяносто три тысячи на сиденье?! Дмитрий Алексеевич...

— А почему вы меня спрашиваете? Это его заботы, не мои.

— Старика убили недалеко от вашего дома.

Легкая тень пробежала по бледному лицу Бабушкина.

— Кому он понадобился?.. Хотя... Сто тысяч просто так по автобусам не таскают. Вы что же, на меня думаете? Не по адресу.

— А вы бы к кому обратились? Убивают человека рядом с вашим домом, деньги его находят в вашей квартире!

— Черт-те что! — Лицо у Бабушкина стало хмурым.

«Лицедействует или в самом деле не имеет никакого отношения к убийству?» — Корнилов никак не мог освободиться от сочувствия к этому мужчине, жизнь которого не слишком-то удалась. И не в последнюю очередь из-за трагедии, происшедшей с отцом. Это сочувствие, как думал полковник, мешало ему.

— Для того чтобы доказать вашу невиновность или... вину, нам потребуется не так уж много времени. Но советую подумать о том, что чистосердечное признание...

— Слышал, слышал. Только признаваться мне не в чем.

— Тогда попробуйте помочь себе. И нам тоже. Старик, отдавая саквояж, спросил ваш адрес? — Корнилову хотелось проверить Дмитрия Алексеевича.

— Нет.

— И вы не подумали о том, как он его заберет?

— Он же знает, где я работаю! Пришел бы в Бюро, узнал адрес. — Он помолчал, растирая узкие ладони, словно ему вдруг стало холодно. — Не знаю, чем я вам могу помочь?

— Прежде всего кто из шоферов ездил с вами на экскурсию в Гатчину? Это первое. Не торопитесь, подумайте. Второе — попробуйте вспомнить экскурсантов. Может быть, кто-то рассказывал о себе? Какие-то реплики о работе, о том, где живет? Чтобы попытаться отыскать. И подробно опишите, как вы провели субботний вечер и воскресенье. Где были, с кем встречались.

Бабушкин кивнул.

— Бумагу и карандаш вам дадут. Не спешите. Главное — детали, подробности. У вас, наверное, хорошая память? И зрительная тоже. Профессия обязывает.

— Спасение утопающих — дело рук самих утопающих, — невесело усмехнулся Бабушкин.

11

Когда поздно вечером Корнилов вышел из машины, у него было только одно желание — поскорее добраться до душа и встать под тугую горячую струю. Словно вода могла снять тревожное состояние, возникшее после разговора с Бабушкиным.

В почтовом ящике что-то белело. «Наверное, жена еще не вынимала «Вечерку», — подумал Игорь Васильевич. Но там оказалось письмо. Машинально, даже не взглянув на конверт, Корнилов сунул письмо в карман и только после душа вспомнил о нем. Теперь он разглядел, что на конверте не было почтовых штампов. Значит, корреспондент сам принес его и бросил в ящик. Так бывало уже не раз. Люди каким-то образом узнавали его адрес, посылали письма по почте, приносили сами. Жалобы, просьбы помочь, образумить отбившихся от рук детей, анонимки...

«Уважаемый товарищ полковник, — начал читать он. — Вы уже много лет живете в нашем доме и не можете не знать, что в квартире напротив процветают пьянство и разврат, что там гибнут дети. Мы знаем, что вы пытались воздействовать на обитающих там нелюдей. А результат? Если работник милиции, имеющий такое высокое звание, не может в течение долгих лет совладать с двумя пьяницами и ворами, живущими рядом с ним, дверь в дверь, то разве мы можем быть уверены, что этот страж порядка справляется со своими обязанностями в масштабе такого города, как Ленинград? Грустно думать, что вы проводите время в переключивании с места на место бумажек, а не в конкретной борьбе со злом. Я, право же, не хотел вас обидеть, но ваша беспомощность в малом не дает мне уверенности, что вы преуспели в большом.

Сенечкин, кандидат искусствоведения».

Квартира напротив была для Корнилова как заноза.

...У сорокалетних супругов, вечно пьяных, опустившихся, росло трое детей. Две девочки-близняшки шестнадцати лет и мальчик, которому только предстояло пойти в школу. Отец работал такелажником на Ленфильме, и полковник терялся в догадках, как этот совершенно спившийся человек с трясущимися руками мог управляться с громоздкими декорациями. Заместитель директора студии, которого Корнилов уже несколько раз просил принять меры к пьянице, уверял его, что «такелажник Барский дело знает». Принудительное лечение Барскому не помогло — сосед пил по-прежнему. Каждый вечер у него собирались дружки, в подъезде валялись битые бутылки и пахло мочой. А жена такелажника пила еще больше. Опухшая, с грязными всклокоченными волосами, при случайных встречах с Корниловым в подъезде или на улице изображала на лице подобие улыбки и каждый раз говорила одно и то же:

— Все, начальник! С понедельника завязываю. Забираю ребят и — к матери, в деревню.

Полковник проверил: мать у Барской несколько лет назад умерла от алкоголизма и в деревне никогда не жила. А сама Матильда Константиновна даже за город почти не выезжала. Она постоянно приводила к себе кавалеров, и, когда ее такелажник

в неурочное время возвращался домой, начинался мордобой. Приезжала милиция, буян получал десять суток за хулиганство, а потом опять все катилось по наезженной колее.

Одна из двойняшек — обе выросли на удивление красивыми — пошла по маминому пути: мальчишки звали ее «Нинка-давалка». Корнилов не раз видел ее с мужчинами «в возрасте». Правда, они не походили на кавалеров ее матери — опустившихся пьянчуг. Это были всегда прекрасно одетые люди, доставлявшие девушку домой на машинах. Корнилов, увидев однажды поздно вечером, как пьяную Нинку высадил из «Жигулей» пожилой мужчина, решил поговорить с ним. Но едва Игорь Васильевич упомянул о том, что девушка еще несовершеннолетняя, как «жигулевец», не проронив ни слова, дал газ и умчался.

Полковник связался с дежурным ГАИ, сообщил ему номер машины и попросил на утро пригласить владельца «Жигулей» на Литейный. К себе в кабинет.

Разговор с пожилым Нинкиным «приятелем», преподавателем университета, оказался неприятным и тягучим. Ошалевший от одной мысли, что его связь станет известной на службе и дома, он твердил:

— Товарищ полковник, это никогда не повторится. Честное слово, клянусь вам.

Кузяков так перетрусил, что даже не подумал отказаться от Нинки. А ведь мог сказать, что подвез незнакомую девушку.

Корнилов же хотел только одного — чтобы Нинку оставили в покое, не спаивали.

— Предупреждаю, что действия ваши уголовно наказуемы.

— Честное слово, клянусь! — Преподаватель заглядывал полковнику в глаза, как провинившийся щенок. — Только не сообщайте жене...

Исчез преподаватель, но другие приятели у Нинки остались. Однажды ночью раздетая догола девчонка позвонила в квартиру Корниловых. Полковник просто обомлел, увидев ее в таком виде.

— Меня ограбили, — сказала она без всякого смущения. Даже не прикрылась. От нее пахло вином и духами. — А вы милиция!

Административная комиссия исполкома задумала лишить Барских родительских прав — надо было как-то спасти их маленького сына. Но после долгих споров решения так и не приняли — ситуация складывалась просто тупиковая. Можно было отдать мальчика в детский дом. Но оставались Нина и ее сестра Рита — девушка, как будто бы сделанная из другого теста, задумчивая книголюбка, собиравшаяся закончить школу с золотой медалью. Никакой исполком не мог отправить почти совершеннолетних девушек в детский дом. А сами они расстаться с матерью и отцом не хотели. И отказывались отпустить в детский дом брата. После всей этой истории в Главное управление пришло анонимное письмо, в котором сообщалось, что полковник Корнилов, используя служебное положение, хочет избавиться от неугодных соседей. А теперь вот кандидат искусствоведения обвинял его в бездействии.

Имелся, конечно, у Корнилова один радикальный выход — поменять квартиру. Но уж слишком большой была жертва — они прожили в этом доме всю жизнь. Да и что сказали бы остальные соседи? Если уж милицейский начальник съехал, не смог справиться с пьяницами и хулиганами, что тогда говорить о простых гражданах? Нет, не мог он позволить себе такого шага!

Игорь Васильевич, задумавшись, сидел на диване с письмом в руках, когда в комнату вошла жена.

— Что, Егорушка, не весел, что головушку повесил? Я уж думала, ты уснул.

Вместо ответа Игорь Васильевич протянул письмо.

— Очередная «телега»? — жена брезгливо взяла листок, разорвала его на мелкие кусочки и ссыпала обрывки в стоящую под столом корзину.

12

Утром в кабинет к Корнилову зашел Лежнев. Сказал, поздоровавшись:

— На хороший крючок ты меня поймал! Только и думаю о твоём старике.

— Я тоже, — отозвался полковник. — Но с очерком придется повременить.

— Ну вот! — огорчился Лежнев. — Приехал, заинтересовал...

— Старика убили.

— Вот так новость! — удивился Борис Андреевич. — И кто же? Хулиганы?

— У меня у самого сейчас одни вопросы и никаких ответов.

Борис Андреевич поднялся с кресла, медленно прошелся по кабинету, постоял у окна. Потом вдруг обернулся и сказал:

— А вы, товарищ начальник, не правы! Меня сейчас интересуют не ваши профессиональные заботы, а история Капитона Григорьевича. Дела давно минувшие! А уж тут, дорогой Игорь Васильевич, вы со своими запретами бессильны. Ты где дело бабушкина брал?

— В областном архиве.

— То-то! И я его там могу взять. Принесу письмо из редакции — и нет проблем. Не первый раз. А свои тайны можете держать при себе! Подходит?

Корнилов молча достал из сейфа синюю папку с делом Бабушкина. Протянул журналисту.

— Читай. Только потом не жалуйся на бессонницу.

Лежнев сел в глубокое кресло рядом с журнальным столиком и раскрыл папку...

Все время звонили телефоны. Полковник с кем-то разговаривал, сердился, шутил, убеждал. Кому-то приказывал. Коротко отвечал: «Есть!». Приходили и уходили люди. Лежнев ничего не слышал.

Вернул его к действительности голос Корнилова:

— Ну, что, Боря, есть тема для очерка?

— Тема? — Борис Андреевич закрыл папку, похлопал по ней рукой. — После всего этого слово «тема» звучит казенно.

— Это уж точно, — согласился Корнилов. Он достал тетрадь с некрологами.

— Старик сказал мне, что вместе с ним подделывали и сбывали продовольственные карточки двое — Петр Поляков и Анфиноген Климачев. Климачев давно умер. Ты, может быть, помнишь — после войны он был зампредом райисполкома? Второй — Поляков — умер совсем недавно. — Корнилов перелистал тетрадь, нашел некролог Полякова. — Видишь, Капитон Григорьевич даже не успел вклеить сообщение о его смерти. Я думаю, Романычев и с повин-

ной явился, узнав, что последний сообщник умер. То ли он боялся его, то ли жалел.

— Какую из этих бумажек ты мне можешь дать?

— Любую. Сделаем ксерокопии.

— Тетрадочку бы скопировать.

— Ты обратил внимание на листки с именами «во здравие» и «за упокой»?

— Эти имена я записал, — сказал Лежнев. — Начну теперь клевать зернышко за зернышком. Только вот зернышки, чувствую, все горькие будут.

13

Круг знакомых у покойного Капитона Григорьевича был узок. Это и облегчало и усложняло работу по розыску. Не требовалось много времени, чтобы опросить людей. Но что, если эти беседы не дадут результата? В какие двери тогда стучаться?

К удивлению сотрудников отдела, с матерью Дмитрия Алексеевича Бабушкина и протоиереем Владимирского собора отцом Никифором Корнилов решил побеседовать сам. Бугаеву поручил опросить шофера экскурсионного автобуса, на котором Бабушкин с Романычевым ездили в Гатчину, и попытаться отыскать кого-то из экскурсантов. Бабушкин на удивление подробно и ярко описал внешность всех, кто ездил с ним на экскурсию, но пользы от этого не было никакой — кто из них откуда, где работает, сказать он, естественно, не мог. У него лишь создалось впечатление, что, кроме старика, все были приезжие.

Только одна зацепка показалась Корнилову серьезной: Бабушкин запомнил, как молодая женщина, узнав, что в одном из домов на Фонтанке жила знаменитая актриса Савина, сказала соседке по креслу: «А у нас в поселке имение Савиной!»

Где было имение этой актрисы, и предстояло выяснить майору Бугаеву. А потом попытаться отыскать молодую женщину, приехавшую в Ленинград из этого местечка. Хорошо, если в городе она остановилась в гостинице, а не у родственников или знакомых.

Капитану Филину Корнилов поручил проверить, ездил ли экскурсовод с субботы на воскресенье за город? С кем? И в какое время в понедельник вернулся?

С председателем Совета ветеранов труда и войны должен был встретиться участковый инспектор.

Корнилов начал с отца Никифора. Выяснил в Совете по делам религий его телефон и условился о встрече.

— В покоях он, милый человек, — сказала опрятная старушка, когда полковник спросил протоиерея. — Ждет тебя. Пойдем, провожу.

Отец Никифор вышел Корнилову навстречу. Одет он был, как говорили раньше, в партикулярное платье — в серый, едва заметную полоску костюм. Аккуратно подстриженная, слегка курчавая темно-русая борода скрывала галстук. Глаза его смотрели спокойно, доброжелательно. Протоиерей усадил полковника в кресло и сам сел напротив. Корнилов обвел взглядом комнату. Высокий, красного дерева, шкаф с книгами, маленький письменный стол. На стене — картина. Ничто, кроме церковных книг на одной из полок в шкафу, не напоминало, что это кабинет священника.

— Отец Никифор...

— Никифор Петрович...— Улыбнулся священник.— Мы, наверное, будем о мирских делах говорить? Так вам привычнее.— Отец Никифор излучал доброжелательность.

— Может статься, что я потревожил вас понапрасну,— сказал Корнилов и достал фотографию Романычева. Положил на столик перед отцом Никифором. Священник взглянул на снимок и перевел взгляд на Корнилова. Полковник решил, что он видит Капитона Григорьевича в первый раз.

— Да-а...— разочарованно протянул Корнилов.— Я надеялся, что этот старик вам знаком. Он живет недалеко от вашего собора, человек верующий.

— Да, верит в господу нашего,— спокойно ответил отец Никифор. Так спокойно, что Корнилов не выдержал и от души рассмеялся.

— Ну и выдержка у вас, Никифор Петрович!

Священник тоже улыбнулся.

— А у вас смех хороший. Добрый. Вам, наверное, трудно в милиции служить?

— Ох и трудно! — улыбнулся Корнилов и, посерьезнев, сказал: — Я понимаю, Никифор Петрович, у вас с прихожанами свои отношения, свои тайны. Я не собираюсь их касаться. Но Романычев погиб.

— Боже праведный! — потемнев лицом, прошептал священник и перекрестился.

— Старика убили. А за два дня до смерти он приходил,— Корнилов хотел сказать «покаяться», но понял, что в его устах это слово прозвучало бы нелепо.— Приходил ко мне. Признался в тяжком преступлении.

Он начал пересказывать священнику историю Романычева, но отец Никифор остановил полковника.

— Капитон Григорьевич не был нашим постоянным прихожанином,— задумчиво сказал он.— Появился в церкви всего три года назад. Я говорил с нагорной проповеди и вдруг заметил с амвона плачущего мужчину. Старика. Он плакал навзрыд, никого не стесняясь. После службы я послал дьякона разыскать его. Вот здесь, в этих покоях, мы и познакомились. Капитон Григорьевич был насторожен, отвечал на мои вопросы сдержанно. Из нашего первого разговора я понял только, что он очень одинок. И пригласил его приходить. Сначала он заглядывал от случая к случаю, потом стал появляться чаще. Теперь я уже не нарушу тайну исповеди — Капитон Григорьевич покаялся мне во всем. В подделке продовольственных карточек, в спекуляции... В том, что из-за него пострадал невинный человек.

— А как пострадал? Об этом старик сказал?

Священник кивнул.

— Много зла мы храним в своей душе. С радостями к нам приходят редко, наверное, так же, как и к вам?

Корнилов промолчал.

— Капитон Григорьевич всю жизнь расплачивался за свой грех,— убежденно сказал отец Никифор и неожиданно спросил Корнилова.— Вы ленинградец?

— Да. Родился на Васильевском.

— Не в клинике Отто?

— Да. Мы жили в Тучковом переулке.

— А я на Первой линии. И родился в той же клинике. Я смотрел на вас и думал: наверное, мы ровесники. И вы похожи на ленинградца. А ленинградцам поступок Капитона Григорьевича больше во сто крат. Вы не боитесь быть пристрастным судьей?

— Никифор Петрович, там,— Корнилов поднял глаза вверх,— старика будут судить уже по вашему департаменту. Срок давности для земного суда давно прошел. Я же обязан разыскать убийцу Романычева. И еще мне очень бы хотелось восстановить доброе имя Бабушкина. Человека, которого расстреляли по доносу. За грехи Романычева. Но старика нет в живых, а письменное признание он не успел написать. Или бумагу эту уничтожили.— Корнилову показалось, что он произнес последнюю фразу раньше, чем его поразила внезапная догадка о том, что не деньги и не ценности искал убийца.

— Я попросил Капитона Григорьевича написать обо всем подробно,— продолжал полковник.— Тогда прокуратура имела бы повод пересмотреть дело погибшего. Мы договорились, что он принесет свое признание ко мне на Литейный.

— Выходит, решился Капитон Григорьевич,— задумчиво глядя на полковника, произнес отец Никифор.— Облегчил душу. Чем же я могу вам помочь?

— Романычев рассказал о своем преступлении мне и вам. Никого другого я пока не знаю...

— И вы хотите, чтобы я засвидетельствовал это?

— Да. Он называл вам имя невинно пострадавшего?

— Капитон Григорьевич заказывал молебны за упокой души раба божьего Алексея...

— Бабушкина?

— Он называл его фамилию на исповеди. А в молитвах называют только имена.

Корнилов достал из кармана ксерокопии, снятые с найденных у старика записки «за упокой» и «во здравие». Протянул Никифору Петровичу.

— Мы нашли у него дома.

— Можете оставить?— спросил священник.— Я исполню его последнюю волю. Но рассказать все, что я узнал от Романычева, не могу. Люди, имена которых Капитон Григорьевич доверил мне на исповеди, могут быть живы. Но ваши хлопоты греют мне душу.

«Что ж ты не убедил старика раньше выполнить свой долг?!»— подумал Корнилов и спросил священника:

— Вы считали раскаяние Романычева искренним?

Священник вздохнул, опустил голову. Полковник чувствовал, что ему не просто ответить на этот вопрос.

— Легко ошибиться,— наконец сказал он и внимательно посмотрел Игорю Васильевичу в глаза.— По-моему, он боялся высшего суда. Человек нуждается в поддержке. А он был одинок. У одиноких — один защитник. Но утешение приходит не сразу и не ко всем. Умершие живут там, за гробом, тем запасом духовной жизни, который они приобрели в жизни земной. Капитон Григорьевич слишком поздно задумался об этом. Он поздно вспомнил о боге.

Они поговорили еще несколько минут. Полковник дал отцу Никифору свой телефон. Попросил позвонить, если он вспомнит какие-то подробности из жизни старика.

— Не нарушая тайну исповеди,— улыбнулся Корнилов.

— Да. Я не волен распоряжаться тайнами своих прихожан,— мягко сказал священник.— Раньше священнослужители освобождались от дачи показаний в суде. Если только дело не касалось царствующих особ. Но мы с вами делаем одно дело — наставляем на путь истинный свою паству.

— Методы у нас разные.

— А цели? — Священник сказал это так, что ответ был не нужен.

Садясь в машину, Корнилов думал о той догадке, которая неожиданно родилась у него во время разговора со священником. «Что это мне взбрело в голову? Ведь в мортирологе есть сообщение о смерти Полякова! Значит, все трое участников того давнего преступления мертвы. Выходит, все-таки младший Бабушкин решил расплатиться за отца?» Эта мысль мучила полковника. Ему казались чудовищно несправедливыми несчастья, которые обрушились на одну семью, и поэтому он оттягивал визит на Каменный остров. И никого из своих сотрудников туда не послал. Опасался за молодых сыщиков. Вдруг у них неостанет чутья и деликатности? Но дальше откладывать разговор с Бабушкиными было нельзя, и он попросил шофера ехать на Березовую аллею.

14

Бугаев шел по длинному и унылому коридору Управления к себе в кабинет и думал, с чего начать поиски. С шофером все ясно. Сейчас он позвонит в автобазу экскурсионного бюро и попросит, чтобы разыскали водителя первого класса Романа Холкина. А вот как быть с именем Савиной? Честно признаться, до сегодняшнего дня майор даже не подозревал, что когда-то в России пользовалась огромным успехом драматическая актриса Мария Гавриловна Савина. А уж про ее имя... Полковник — тот, оказывается, даже знает, что последняя квартира актрисы, вернее ее дом, находится на Карповке, недалеко от Дома литераторов.

Второй стол в комнате Бугаева пустовал. Его хозяин — майор милиции Белянчиков — лечился в Железноводске. Будь он на месте, обязательно помог бы. Какой-то его приятель работал в институте театра и музыки. Занимался историей. Но Бугаев не знал даже фамилии этого человека.

«Если сейчас не придумаю, как разобраться с этим чертовым именем побыстрее, все равно придется ехать в этот институт,— подумал майор.— Ну, дельце! Вместо того чтобы собирать дополнительные улики, я, выходит, буду искать убийце алиби?!»

Он позвонил во внутреннюю тюрьму, и через пятнадцать минут конвоир привел Бабушкина.

— Садитесь, Дмитрий Алексеевич,— пригласил майор.

Бабушкин сел на край стула. Смотрел он на Семена неприязненно.

— Вы на допросе у полковника говорили про молодую женщину, экскурсантку в вашем автобусе...

Бабушкин молчал.

— Говорили?

— Говорил.

«Что он на меня волком смотрит? — подумал майор.— Из-за

того, что я у него баул с деньгами нашел? Или просто не выпался?»

— Упоминали и про имяние актрисы Савиной.

— Упоминал.

— А почему же не сказали, где это имяние? В какой области? В Ленинградской? Ведь нам эту женщину найти надо!

— Вот и ищите.

— Что вы задираетесь, Дмитрий Алексеевич? — спросил Семен. — Ведь если женщина видела старика с баулом в автобусе, то подтвердятся ваши слова...

— А если не видела? И потом ни о каком бауле я не знаю! Майор на некоторое время потерял дар речи от негодования.

— Да ведь я своими руками... — начал он возмущенно, но Бабушкин перебил его:

— У меня дома вы нашли саквояж с деньгами, а не баул.

— Дмитрий Алексеевич, вас в детстве мальчишки никогда не колотили? За вредность характера? Скажете вы, наконец, где это дурацкое имяние?

Бабушкин зачем-то поднес к лицу ладонь с длинными тонкими пальцами, внимательно осмотрел ее и сказал, не поднимая глаз:

— В поселке Сива Пермской области. Имяние одного из ее мужей — Никиты Всеволожского.

Позже Бугаеву казалось, что на разговор с упрямым экскурсоводом он потратил времени много больше, чем на поиски симпатичной пермячки Вали Соколовой и ее подруги Зины.

С пермячками из Сивы Бугаев встретился поздно вечером, в гостинице «Выборгская». Его появление в номере у девушек вызвало маленький переполох — одетые в легкие одинаковые халатки, пермячки пытались запихнуть закупленные в Ленинграде «гостинцы» в огромные клетчатые чемоданы.

Дверь Семену открыла Валентина, даже не спросив, кто стучит. Потом выяснилось, что ждали третью подругу. Пока Валя, озабоченная появлением молодого человека, пыталась прибрать разбросанные вещи, майор оценил ситуацию и сказал проникновенно:

— Гражданки Соколова и Безъязычная, я из бюро добрых услуг. Администрация гостиницы прислала меня помочь вам разместить сувениры.

— Неужто? — не поверила Валя. — Мы никого не вызывали.

— Девушки, не сомневайтесь. Сохранность багажа гарантируется. Оплата по соглашению.

Валентина пропустила Семена в комнату. Остальное, как любил говорить майор, было делом техники. Пока Бугаев укладывал вещи в бездонные чемоданы, девушки, споря и перебивая друг друга, рассказывали ему об экскурсии в Гатчину. Старика с баулом-саквояжем они запомнили хорошо. Зина сидела с ним на одном сиденье.

— Грустный дедушка был, задумчивый, — говорила она. — Портфельчик свой держал сначала на коленях, потом увидел, что он мне мешает, положил наверх, на сетку.

— Не разговаривал с вами?

— Спросил, откуда я. Пошутил: «Пермячка, солены уши». И еще спрашивал, нравится ли мне Ленинград.

— Девчата, — поинтересовался майор, — вы никак всю гречу в Ленинграде скупили? Неужели в вашей Сиве гречи нет?

— В нашей Сиве ничего нет! — сердито ответила Валентина.
 — Эхе-хе, — вздохнул майор, — пригласите меня в гости, привезу. Как у вас с грибами-то? Растут?

— Растут. Но вы поторопитесь. Через годик-два и грибов не будет, — сказала Зина. — Надумаете — приезжайте. Мы вам адрес дадим. Только вы опять шутите!

А Валентина молчала. «Вот если бы ты пригласила, — подумал майор, — я бы уж точно приехал!» Больше всего пленили Бугаева ее доброе, спокойное лицо и ласковые глаза. Только здесь, в душном, несмотря на открытое окно, номере гостиницы, среди нагромождений продуктовых и других покупок, к Бугаеву вернулось его обычное душевное равновесие и юмор.

Из разговора с девушками Семен выяснил еще одну весьма важную деталь: обе они утверждали, что из автобуса старик вышел с саквояжем в руках, видели, как в продовольственном магазине старик купил бутылку кефира и тут же выпил. А саквояж стоял перед ним на столике. Значит, Бабушкин ошибался или говорил неправду, что старик оставил свой баул в автобусе. Но эта ошибка ничего не опровергала и ничего не подтверждала. Никто не видел, как старик передавал саквояж экскурсоводу.

Не видел этого и шофер автобуса Холкин, к которому майор заехал до того, как навестил девушек в гостинице «Выборгская». Впрочем, Холкин не видел и самого старика. Похоже, что его волновали только отношения с автоинспекцией и проблемы горячего.

— Вы мне скажите, товарищ майор, — бубнил он, не слишком дружелюбно разглядывая Бугаева, — кто отвечает за простои? Кто отвечает за приписки?

— Начальство, кто же еще? — легкомысленно ответил Семен, думая о том, как бы побыстрее добраться до пермячек.

— Нет! Наше начальство ни за что не отвечает! — обрадовался Холкин. — Оно отвечает только за свое благополучие. Вот кем вы должны заняться, а не расспрашивать про каких-то стариков! Что вам этот старик дался — он уже свое отжил небось. Займитесь нашим начальством.

«Типус-опус, — думал майор, начиная нервничать. — Чем-то он мне напоминает экскурсовода. Что у них там, команда подбирается по характерам?»

— Я уже давно предлагаю, — Холкин рубанул ладонью воздух, — чтобы пресечь все безобразия с бензином, выдавать водителю не талоны, а деньги. Сразу на год. Перерасходовал бензин, докупай на свои кровные, сэкономил — оставшиеся денежки тебе. Ведь сколько государству бензина сэкономим! Никто ни бензин, ни талоны на сторону продавать не будет. Так или нет?

— Интересно, — согласился Бугаев. — Только я из уголовного розыска, другими делами занимаюсь...

— Дела у нас общие! — рассердился Холкин.

— Я вам пришлю товарища из ОБХСС. Он экономику знает, во всем разбирается. — И, не дав шоферу опомниться, майор сильно тряхнул ему на прощание руку.

Зачем нужны были майору сведения о старике и почему арестован экскурсовод Бабушкин, шофер даже не поинтересовался.

Корнилов оставил машину на проспекте и не спеша пошел по набережной Невки, пустынной в этот вечерний час. Только какой-

то молодой мужчина маячил впереди. У него была странная походка — сделав несколько шагов, он начинал пританцовывать и подпрыгивать. «Что за чудак? — подумал Корнилов. — То ли радость его распирает, то ли сумасшедший. Интересно бы взглянуть на его лицо». Но лица мужчины он так и не увидел — тот свернул за высокой забор, окружающий одну из многочисленных госдач, и исчез.

Мальчишки лет по восьми бросали в воду камни. Корнилов подумал, что они кидают в диких уток, которые плавали недалеко от берега. Но, приглядевшись, заметил на волнах небольшую доску и на ней крошечного котенка. Котенок жалобно мяукал, припадая к доске каждый раз, когда камень падал рядом, вздымая фонтанчик брызг.

— Ребята, прекратите! — крикнул Игорь Васильевич и спустился к воде.

Один из мальчишек, даже не оглянувшись на Корнилова, кинулся бежать. А второй, как ни в чем не бывало, запустил еще один камень. Но в котенка опять не попал.

Корнилов взял парня за ворот школьного пиджака и развернул к себе лицом.

— Вы что деретесь? — плаксиво и почти равнодушно прогнусавил мальчишка. Похоже, что отбрехиваться от взрослых ему приходилось нередко. Он пытался выскользнуть у полковника из рук, но, почувствовав, что это не так просто, затих.

— Сейчас я тебя посажу на доску и отправлю поплавать. Да закидаю камнями. Уж я не промахнусь. И не жаль тебе котенка?

— Гришкин котенок, — выдавил мальчишка. — Чего жалеть — Гришкина мать уже троих утопила. Еще слепыми...

— Но этот-то подросток. И такой симпатичный. Живая же душа. Вырастет — будет вам с Гришкой другом.

— Я хочу собаку. Кокер-спаниеля.

— Если еще раз увижу, что вы с Гришкой издеваетесь над животными, отведу в милицию, вызову туда родителей, учителя из школы... Понял?

— Понял, — нехотя пробурчал мальчишка. Но понял он, наверное, только то, что этот здоровый мужик не отвяжется от него, пока не дашь обещание.

Корнилов отпустил парня, посмотрел на реку. Доски с котенком уже не было видно. Он испытывал раздражение от своего разговора с мальчишкой. «Разве так надо говорить! — думал он. — Надо душевно, доходчиво... Объяснить ему, растолковать, а не хватать за ухо. Если бы я сейчас не шел по делу... По срочному и важному делу...» Он осадил себя: «Ничего бы в парне не изменилось, проводи я с ним даже полдня. Ни-че-го. Для этого надо быть всегда рядом».

Корнилов оглянулся. Мальчишка стоял на берегу. Похоже, высматривал, куда девался котенок. И у полковника не было уверенности, что, обнаружив его, он не начнет все сначала. Ребенка формирует не образ мыслей окружающих его людей, а образ их действий.

«Каменное гнездо», — мелькнула у Корнилова мысль, когда он увидел дом на Второй Березовой аллее. Выстроенный в стиле раннего русского модерна, с огромными окнами, с башенками,

словно в средневековом замке, с высокой островерхой крышей, он не очень-то вписывался в лирический пейзаж парка. «А жить здесь, наверное, совсем неудобно»,— подумал полковник, прочитав на дверях объявление о том, что в доме размещается регистратура санатория. Обогнув великолепное здание по тропинке среди разросшихся, давно не стриженных кустов персидской сирени, стороной обойдя кучу угля, он очутился перед маленькой дверью с надписью «кв. 2». На звонок долго никто не выходил. Игорь Васильевич уже подумал, что в квартире никого нет, но в это время щелкнул замок, дверь приоткрылась и выглянула старая женщина, одетая в синий халат.

— Вам кого, молодой человек?— спросила она, напряженно разглядывая Корнилова близорукими встревоженными глазами.

— Вы Наталья Станиславовна?

— Да, я,— нерешительно сказала женщина. Она вытащила из карманчика халата пенсне, надела на нос и внимательно осмотрела Корнилова.— А мы с вами знакомы?— Она все еще продолжала стоять в дверях, не решаясь впустить полковника в квартиру. Седые волосы, пенсне, пухлые, совсем не старческие губы напомнили Игорю Васильевичу школьные годы, учительницу русского языка Варвару, любимцем которой он был и чье отчество, как ни старался, вспомнить теперь не мог.

— Наталья Станиславовна,— сказал он мягко,— я знаю, что милиция уже доставила вам много хлопот, но решил вас еще раз побеспокоить.

— Так вы из милиции...— В голосе женщины послышались горестные нотки, а сама она словно сжалась, уменьшилась в размерах.— Ну, что ж, входите.

Корнилов прошел вслед за Натальей Станиславовной по длинному коридору, с удивлением отметил, что в нем, кроме входной, только две двери. Одну из них хозяйка молча распахнула, а из другой, полуоткрытой, послышался голос:

— Наталья, кто пришел?

— Я потом тебе все расскажу,— ответила Наталья Станиславовна.

— Верно, опять из милиции? Скажи ему, пускай ко мне заглянет. Слышишь?!

— Не обращайтесь внимания,— тихо сказала Наталья Станиславовна, когда они зашли в комнату.— У моей больной сестры свои причуды.

Она огляделась, словно ища, куда бы посадить незваного гостя, согнала со старенького кресла пушистого кота и пригласила Корнилова сесть.

Обстановка в комнате была спартанской: старая тахта, круглый стол и несколько стульев вокруг него. Трехстворчатый, светлого дерева шкаф. Из-за ширмы выглядывала никелированная кровать. Ни телевизора, ни радиоприемника. В небольшом книжном шкафу, наверное, списанном каким-то учреждением, стояли книги. Разного формата, в богатых, телячьей кожи переплетах и без переплетов, тонкие и толстые, по большей части старинные книги, которые объединяло встречающееся почти на каждом корешке слово «Петербург».

...Несколько секунд они сидели молча. Приглядывались друг к другу. Корнилов, прежде чем начать разговор с незнакомым человеком, всегда делал такие едва заметные паузы, давал чело-

Рис. В. Родина

веку возможность освоиться. Наталья Станиславовна не выдержала этой короткой паузы.

— Митя ни в чем не виноват, — сказала она и строго посмотрела на Игоря Васильевича. Полковник заметил, как мелко-мелко задрожала ее верхняя губа.

— Я тоже так считаю, — спокойно ответил он. И тут же подумал: «А не тороплюсь ли я? Вселю надежду...»

Наверное, женщина ожидала какой-нибудь новой неприятности, но только не этих слов. Она сняла пенсне, снова надела, и на

лице у нее отразилась такая детская беспомощность, что Корнилов с трудом удержался от улыбки. Наконец Наталья Станиславовна справилась с растерянностью.

— И сына отпустят? — с недоверием спросила она.

— Наберитесь терпения. Я высказал свою личную точку зрения. Для того, чтобы Дмитрий Алексеевич оказался на свободе, требуется время.

— А вы в больших чинах?

— Я забыл представиться, — улыбнулся Корнилов. — Меня зовут Игорь Васильевич Корнилов. А по званию — полковник.

— Полковник! — почтительно отозвалась женщина. — От вас, наверное, многое зависит?

И Корнилов не нашелся, что ответить. Такое бывало с ним крайне редко. Он только слегка пожал плечами.

— Я задаю бестактные вопросы, — сказала Наталья Станиславовна. — Вас, собственно, что интересует?

— Недоразумение с вашим сыном, надеюсь, скоро разъяснится. Я же пришел по делу очень деликатному и заранее прошу извинить меня. Расскажите о вашем покойном муже, Алексее Дмитриевиче.

— Зачем же тревожить память усопших? — тихо сказала Наталья Станиславовна, и лицо ее болезненно сморщилось. — Дети за отцов не отвечают. Нам так говорили раньше.

— Но речь идет о восстановлении доброго имени вашего супруга...

Трясущейся рукой Наталья Станиславовна опять сняла пенсне и положила на стол. Слезы текли у нее по щекам и падали на халат. Она смотрела на Корнилова, не мигая, но Игорь Васильевич чувствовал, что Бабушкина не видит его, что мыслями своими она сейчас далеко. Молчание длилось долго. Наконец Наталья Станиславовна сказала:

— Зачем ворошить прошлое? Доброе имя Алексея Дмитриевича никакой суд опорочить не смог. Для нас с сыном, для тех, кто знал его хорошо, он умер честным и незапятнанным.

— Но неужели вы не хотите, чтобы истина была восстановлена публично? — Корнилов никак не ожидал такой реакции.

— Все, с кем Алексей Дмитриевич работал, дружил, давно умерли. Кто теперь помнит начальника цеха Бабушкина из типографии Володарского?

Она вытерла слезы краем халата и усмехнулась:

— Да и самого Володарского почти все забыли. Начнется новое разбирательство, начнут поминать имя мужа асуе...

Корнилов подумал, что она просто не уверена в том, что истина будет восстановлена. А разве он сейчас уверен в этом? Он испытывал горячее желание восстановить справедливость, но знал, что сделать это будет непросто. Он и в этот дом пришел, чтобы найти какие-то зацепки себе в помощь, а выходит, что поторопился.

— Голова у меня идет кругом, — вздохнула Наталья Станиславовна. — Сына арестовали, подозревают в чудовищном деле, мужа хотят реабилитировать. Какой-то кошмар. Вы поймите, товарищ, Митя — человек беззащитный. Мухи не обидит, а его забирают. И деньги эти... Вы должны поверить ему — он в саквояж даже не заглядывал! Правда!

— Старик, которому принадлежали деньги, работал с вашим

мужем в одном цехе. Воровал, печатал поддельные талоны. А потом сумел все свалить на Алексея Дмитриевича.

— Да что они в суде-то, все каменные были?

— Преступник действовал не один.

— И вы думаете, что Митя...

— Теперь не думаю.

— Что же вы хотите от меня? — печально спросила женщина.

Чего, собственно, хотел он добиться своим приходом? Сказать матери, что с сыном ее будет все в порядке? Она поверит в это только тогда, когда сын вернется домой. Сообщить жене, что ее муж был честным человеком? Да она в этом никогда и не сомневалась!

— Если можете, помогите мне, — сказал Корнилов. — Человека, которому принадлежал саквояж с деньгами, звали Капитон Григорьевич Романычев.

— Капитоша?!

— Вы его знали?

— А как же! Он у нас часто бывал. Видный мужчина. Только совсем неотесанный. Наша Танечка занималась его воспитанием — снабжала книгами, водила в театр, учила держать в руках вилку с ножом...

— Таня, это кто?

— Сестра... Простите, — Наталья Станиславовна пристально посмотрела на Корнилова. — Вы сказали, что саквояж принадлежал Капитону? Значит, это его убили?

Корнилов кивнул.

— И Митю обвиняют в убийстве?

— Они были знакомы?

— Откуда? Митя родился в сорок первом... («Как и дочь Романычева», — отметил Игорь Васильевич.) А после войны мы с Капитоном ни разу не встречались. Думали, погиб в блокаду.

— А Таня?

— В марте сорок второго не вернулась домой с дежурства. Она была дружинницей МПВО.

— Попала под бомбежку?

— Не знаю. Просто не вернулась. Я объехала все морги и кладбища, обращалась в милицию. Вот так — не вернулась, и все.

— Наталья Станиславовна, вы уверены, что сын не был знаком с Романычевым?

— Думаю, что Митя о нем даже не слышал, — Бабушкина опустила голову. — Когда сыну исполнилось четырнадцать лет, я сказала ему, что отец пропал без вести, и больше никогда этой темы мы не касались. Ни-ког-да.

Вдруг какая-то мысль обеспокоила Наталью Станиславовну. Лицо ее сделалось тревожным. *

— А как же тогда саквояж и деньги? Это Капитон подошел в автобусе к сыну?

Корнилов кивнул.

Женщина долго молчала, обдумывая услышанное. Наконец спросила:

— Он что же, специально разыскал Митю? С какой целью?

— Вот это мне и хотелось бы выяснить.

— Боже мой, боже мой! — тихо прошептала Наталья Станиславовна. — Погубил Алексея теперь Митю, сына-то за что?

В тихом голосе Натальи Станиславовны было столько уверенности в том, что Капитон намеренно сыграл с ее сыном злую шутку, что Корнилов и сам на какое-то мгновение поверил в дьявольский план старика.

— Да, тут какая-то загадка: И у Капитона Григорьевича уже не спросишь.

— А мы ничего не знаем. Клянусь вам. Ни я, ни Митя!

— Не волнуйтесь, Наталья Станиславовна. У меня в этом нет сомнений. Наверное, я поступил опрометчиво, придя к вам. Доставил лишние волнения. Но я надеялся — а вдруг у вас сохранились какие-то отношения с бывшими друзьями мужа, с его сослуживцами...

— Нет, нет... Друзья его погибли. С сослуживцами мне было бы тяжело встречаться. Да они и не приходили.

Когда Наталья Станиславовна провожала Корнилова, из приоткрытых дверей снова позвали:

— Наталья! Я же просила тебя!

Бабушкина остановилась и вопросительно посмотрела на полковника.

— Пускай зайдет, — сказали за дверью весело. — Не развалится. Корнилов усмехнулся и взялся за ручку двери.

— Вы извините, Елизавета Станиславовна больной человек...

— Нечего там шептаться, — крикнула сестра. — И оставь нас одних.

Комната, в которую вошел Корнилов, была треугольной. Одну сторону этого странного обиталища занимало наполовину занавешенное окно. Неподалеку, на никелированной кровати, привалившись к подушкам, сидела темноволосая, исхудавшая до крайней степени женщина. Возраст ее определить было трудно. Корнилова поразили ее глаза — необычайно живые и светящиеся каким-то жадным любопытством.

— Ну, что испугались? — спросила женщина, улыбаясь. — Садитесь поближе. Не укушу. — Она показала на удобное старое кресло. — У меня к вам серьезное дело. Наталья о нем не знает... У нас с Дмитрием секретов нет. Сестра совсем старая, ей не все расскажешь. Ее мы бережем. А мне все равно помирать скоро. Все Митькины тайны на тот свет унесу. — Больная засмеялась хрипловатым заразительным смехом, и Корнилов подумал о том, что в ее смехе, в ее словах о смерти нет ни тени бравады. Но от этой естественности холодок пробежал по коже. — У меня ведь рак, — Елизавета Станиславовна развела худющими руками. — Операцию делать поздно, метастазы. Из больницы выписали, умирать. А я все живу. Книги читаю. Очень детективы люблю. Два телевизора у меня. Один — с большим экраном. — Елизавета Станиславовна показала на окно.

— А какие же у вас с Дмитрием Алексеевичем тайны?

— Это дело чрезвычайное! И лучше бы вы Дмитрия у себя подольше подержали. Не то его могут убить. Только не думайте, что я головой повредилась. У них на службе не все в порядке. Жуликов много. Воруют...

— Что могут экскурсоводы украсть? — удивился Корнилов.

— Очень даже многое! Представьте себе — приезжает группа в Москву. Экскурсантов человек сорок. Во главе групповод. Из этих сорока человек пять-шесть имеют в Москве друзей или родственников. То на обед в гостиницу не придут, то на ужин.

То сутки отсутствуют и даже нечевать не являются. А групповод и покормить кого-нибудь может, и на сутки поселить в гостинице. За денежки, конечно,— она говорила быстро, воодушевленно. Ее большие глаза блестели.— А иногда бывает и такое: в путевке сказано, что проживание в гостинице люкс, а селят при колхозном рынке. Разницу куда? Туристу? Нетушки! Себе в карман. Вот Митя и написал директору большое письмо о безобразиях. Сказал, что, если меры не примут, выступит на собрании. От директора пока ни слуху ни духу, а Дмитрию уже пригрозили. Сказали: «Найдем на тебя управу». Вот и нашли.

— Что вы имеете в виду?

— Деньги! Как вы не понимаете! Это же они подсунули.

— Сто тысяч?!

— Что для них эти тысячи! — Она посмотрела на Корнилова с каким-то веселым задором.

— Я должен вас сразу же разочаровать — мы знаем, кому принадлежат деньги. Но я поговорю с Дмитрием Алексеевичем.

— Дмитрий вам не сказал про свою контору? — Казалось, женщина и слышать не желает о том, кому на самом деле принадлежали деньги.— Это вполне в его духе. Молчун. Вы знаете, что его отец погиб в сорок втором?

— Знаю.

— Безвинно погиб. По ложному доносу.— Корнилов насторожился.— Дмитрий уже несколько лет хлопочет, чтобы отца реабилитировали, а матери и словом не обмолвился. Я у него признание клещами вытащила. Чувствовала — носит что-то в себе, скрывает. А у меня интуиция знает как развита?! — Елизавета Станиславовна рассмеялась.

— И ваш племянник знает, кто писал ложный донос?

— Ну откуда ему это знать! В прокуратуре сказали, что «сигнал» о левых талонах поступил анонимный, но факты подтвердились. И оснований для пересмотра дела нет. Но мы-то все знаем, что Алексей бы с голоду умер, а бесчестный поступок не совершил.

Она откинула голову на подушку и замолчала, разглядывая Корнилова. Совсем как ее сестра. Только взгляд у нее был пронзительный до жути. На лице Елизаветы Станиславовны появились бисеринки пота — чувствовалось, что разговор ее утомил.

Один вопрос не давал Корнилову покоя с момента прихода в этот дом, и он, наконец, решил его задать:

— Елизавета Станиславовна, а почему у вашего племянника нет своей семьи?

— Да потому, что две старухи сидят у него на шее. Какой третьей женщине захочется въехать в наш дом! — Она засмеялась, но тут же прервала свой смех.— Да нет, я шучу. Такая женщина у него есть. И милая, и добрая, и образованная, и Дмитрия любит, да у нее у самой папа восьмидесятилетний к постели прикован. Вроде меня — никак умереть не может. А годы идут, идут...

Корнилов поднялся.

— И прошу вас — поосторожнее с ворами из экскурсионного бюро. Как бы они Дмитрию не навредили.

— К сожалению, у Бабушкина полное алиби,— доложил утром оперуполномоченный Филин. В серой, красиво выстроченной ру-

башке и в вельветовых джинсах, он напоминал полковнику десятиклассника. Впрочем, Филин всегда был похож на мальчишку из-за ярко-рыжей копны непокорных волос.

— И глубокое у тебя сожаление? — поинтересовался Корнилов, который никак не мог простить себе, что, поддавшись внезапному порыву, подал вчера Наталье Станиславовне надежду на скорую встречу с сыном.

— Не очень, товарищ полковник. Но все же досадно: еще вчера думал — здорово мы дело раскрутили, а сегодня...

— Что же за алиби ты раскопал?

— Ездил Дмитрий Алексеевич «на природу». Не соврал. Пять свидетелей подтвердили, что все время — с вечера субботы до утра понедельника — был он с ними. Не отлучался ни на час.

Корнилов почему-то подумал о больной тетке Бабушкина из нелепой трехугольной комнаты. Про ее слова о «Митькиных тайнах». О просьбе «подержать» племянника подольше.

— Ко мне пришла Александра Васильевна Яковлева, — сказал Филин. — Ну, женщина Бабушкина. Может быть, вы захотите с ней поговорить?

— Слышал о ней. Приглашай.

(Продолжение следует).

Ответы на кроссворд, опубликованный в № 9.

По горизонтали: 6. Досье. 9. Отзыв. 10. Регламент. 11. Киев. 13. Депозит. 14. Факт. 18. Ареопаг. 19. Финансы. 20. Привод. 21. Райнов. 24. Полиция. 25. Таможня. 27. План. 29. Минаков. 30. Указ. 34. Интердикт. 35. Вотум. 36. Отчим.

По вертикали: 1. Побой. 2. Герб. 3. Стасов. 4. Нота. 5. Рынок. 7. Агреман. 8. Ревизия. 12. Евреинова. 15. Аксененок. 16. Пособие. 17. Задаток. 22. Министр. 23. Габорио. 26. Запрос. 28. Лобов. 31. Архив. 32. Гимн. 33. Стол.

Передо мной лежала Книга. На первый взгляд ничего примечательного; 55 листов бумаги, правда, очень хорошей, кожаный переплет, альбомный размер. Книга помещалась в картонной коробке, и я с негодованием отметил, что коробка несколько потрепана, местами даже надорвана. Хранители ее заслужили как минимум по «строгачу» с занесением в профсоюзный билет — за халатность. Потому, что в коробке находилось настоящее сокровище.

Да, читатель, я не преувеличиваю. На книжном аукционе, прошедшем год назад в Центральном доме литераторов, прижизненное издание А. Фета было продано за 300 рублей. Роман В. Виклашевича «Село Михайловское, или помещик XVIII столетия», в подготовке которого к печати участвовал сам Александр Сергеевич Пушкин, библиотека Московского университета приобрела за 750 рублей.

Да что там... Зайдите в любой букинистический магазин, и вы узнаете, что 90-томник Льва Толстого можно купить (или продать) за полторы тысячи, во столько же оценивается антикварное издание (1722 год) Антиоха Кантемира и экземпляр почти полностью уничтоженного «Путешествия из Петербурга в Москву» Александра Радищева...

— Ого! — скажете вы.

— Пустяки! — скажу я. И буду прав. Все эти раритеты — суцья безделица в сравнении с Книгой, которая лежала передо мной на обычном канцелярском столе. Она стояла... О каждом ее экземпляре говорить не буду, назову цену всего четырехтомника: 21 тысяча 196 рублей 79 копеек.

Нет, это не первопечатный труд Ивана Федорова и не египетский папирус, найденный археологами. Книга вполне современна — она появилась на свет в минувшем, 1987 году.

Понимаю, читатель, ваше нетерпение: всякому, надо думать, хочется узнать, какие же мудрейшие из мудрейших мысли запечатлены в каждом из четырех томов Книги, какие перлы изящной словесности скрывает ее кожаный переплет...

Успокойтесь: никаких перлов там нет. Да, читатель, в Книге не написано ничего. И, может быть, слава богу, что ничего, ибо и без единого печатного слова она стала самым дорогим фолиантом — дорожке прижизненного издания «Евгения Онегина» и Библии с иллюстрациями Доре.

Ловлю себя на ошибке. Три слова в ней все же есть, красуются на титульном листке. Те же три слова тускло золотятся на обложке, украшая переплет. Это ее заглавие: «Почетная книга Аэрофлота». Что за сим кроется — для нас, непосвященных, пока остается тайной, и мы теряемся в смелых догадках. А что, если это сама Книга Судеб? Судеб многих славных начинаний, рожденных в министерских недрах. Не отдавать же их, в самом деле, на откуп одним лишь фельетонистам... А, может быть, Книга уже принадлежит будущему? И те из счастливцев, кому выпадет жить в эпоху невиданного расцвета воздушного сервиса, испещрят листы ее строками хвалебной оды — разумеется, на всех языках мира... Оды Аэрофлоту, повергшему наконец в финансовый крах всех этих процветающих ныне «китов» и «акул» международных авиатрасс.

Нет, не дает развернуться фантазии, звучит уже в ушах хор голосов недоумевающих и где-то даже негодующих граждан. Дескать, на первых порах для этих целей могли бы обойтись и парой альбомов, приобретенных по госцене в ближайшем психебумажном магазине. А на сдачу с предъявленной суммы украсить цветными телеэкранами комнаты отдыха летного состава эдак в сорока аэропортах страны. Или лучших из лучших пилотов и стюардесс одарить четверью «Запорожцами». А то и тремя «Ладэми».

Ох уж этот мне скепсис, эта не повсюду еще изжитая мелочная манера — считать чужие, да к тому же казенные, деньги! Между тем и ребенку известно, что названные образчики отечественной техники, увы, в эксплуатации еще не слишком надежны. Словом, все в этом мире скоротечно, одна слава нетленна.

И потому бестрепетной рукой заплатило Министерство гражданской авиации два с лишним десятка тысяч кооперативу «Графика-дизайн», что состоит при Эстонском управлении гражданской авиации, заказав четырехтомную абсолютно бессловесную книгу.

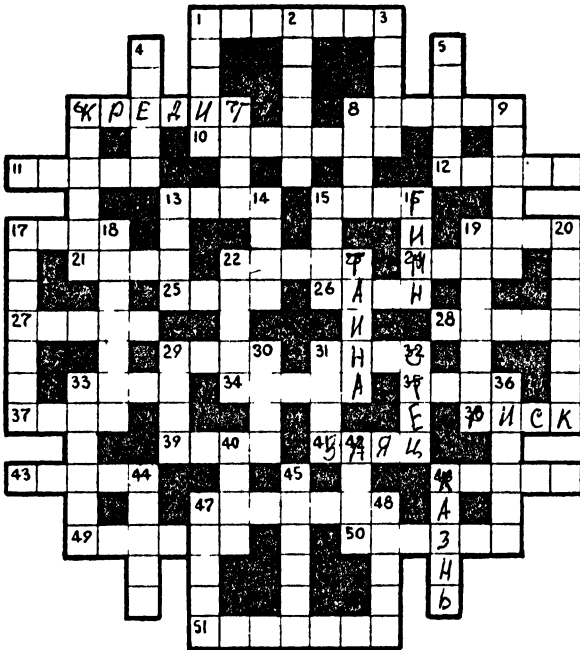
Правда, я не знаю точно, какой трудовой подвиг совершили кооператоры за эти деньги. Знаю лишь, что они не украшали каждую страницу высокохудожественными виньетками — все это сделано типографским способом. Не трудились они и над изготовлением рисунков — это сделало издательство «Воздушный транспорт». Ну, а кооператив? Кооператив успешно выполнил заказ... Все четыре тома Книги сданы на склад министерства и оплачены. И теперь кооператоры с полным основанием могут сказать: «Всем лучшим, что у нас есть, мы обязаны Книге».

Какая же судьба ждет столь бесценные фолианты? Весьма почетная. Книга будет возложена на специальный постамент в Комнате Славы Министерства гражданской авиации, чтобы каждый мог видеть...

Нет, лучше все-таки знать, во что порой обходятся амбиции ведомственной «показухи».

Александр ПАДАР

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ ПРАВО?

По горизонтали: 1. Писчий материал в древности и раннем средневековье. 6. Предоставление денег или товаров в долг. 8. В Древнем Риме служитель, охранявший высших магистратов. 10. Государственная мера, применяемая к нарушителю установленных норм и правил. 11. Плавучее транспортное средство. 12. В середине XVIII века наемные солдаты в Индии, вербовавшиеся в английскую колониальную армию из местных жителей. 13. Общественная организация, добровольно объединяющая группы людей в целях общения. 15. Звание, чин. 17. Разновидность длинного копья. 19. Испанский генерал и политический деятель, выступал за конституционную монархию. Вел борьбу против диктаторов. 21. Взаимное притяжание на владение чем-нибудь, разрешаемое судом. 22. Мера пресечения, состоящая в заключении под стражу обвиняемого. 24. Средство для осуществления чего-нибудь. 25. Условные выражения и слова, применяемые какой-нибудь обособленной или профессиональной группой. 26. В библейской мифологии старший сын Адама и Евы. 27. В римской мифологии богиня домашнего очага. 28. Недобросовестное, мошенническое предприятие, дело. 29. Русский юрист и общественный деятель. 31. Японский мыслитель. 33. Пометка должностного лица на документе. 34. Территория и избирательный округ, имевший один голос в трибунных комициях. 35. Умение держать

себя подобающим образом. 37. Подразделение государственной автоинспекции до 1968 года. 38. Проба, испытание, исследование. 39. В Древней Руси княжеский или боярский слуга. 41. Пассажир или зритель, проникший куда-нибудь без билета (разг.). 43. Поручение, обращение, содержащее перечень требований и пожеланий. 46. Разряд избирателей, образуемый разделением их по сословному, имущественному признаку. 47. Злостное, преднамеренное расстройство или срыв работы при соблюдении видимости выполнения ее. 49. Праздник весны в Узбекистане. 50. Одна из форм деятельности государственных органов по обеспечению законности. 51. Спортсмен — специалист по вождению яхт.

По вертикали: 1. Документ о страховании. 2. Служебная собака с тонким чутьем. 3. Государство в Азии. 4. Убеждения, мировоззрение. 5. Письменное уведомление о полной готовности судна к погрузке или выгрузке (мор.). 6. Законодательный акт, в котором объединены и систематизированы нормы права, регулирующие определенную область общественных отношений. 7. В доклассовом обществе система запретов на совершение определенных действий. 8. Союз, объединение. 9. Колющее холодное оружие с длинным четырехгранным клинком. 13. Наказание, возмездие. 14. Название некоторых контор и учреждений. 15. Возможная опасность. 16. Торжественная песня, принятая как символ государственного или социального единства. 17. Русский юрист, адвокат. 18. Лицо, не имеющее гражданства (подданства). 19. В Древнем Риме административная или военная должность. 20. Культовое сооружение 3—2 тыс. до н. э. 22. Лицо, действующее по поручению кого-либо. 23. Нечто неразгаданное, еще не познанное. 29. Немецкий философ. 30. Государство на Юго-Западе Азии. 31. Мелкая серебряная монета, распространенная в старину на Кавказе. 32. Один из родителей. 33. В римской мифологии бог огня. 36. Физическое насилие по отношению к политическим противникам. 40. Правовой акт постоянно действующего коллегиального органа, образуемого высшим представительным органом власти. 42. Полицейский чин во Франции. 44. Наставление, советы последователям, потомкам. 45. Следственное и судебное действие, заключающееся в получении и закреплении устных сведений. 46. Лишение жизни как высшая мера судебной кары. 47. Должностное лицо, избираемое в состав судебного органа. 48. Пуля особой конструкции для стрельбы из гладкоствольного охотничьего ружья.

Составитель В. АГАМИРЯН,
старший следователь прокуратуры
Спандарянского района г. Еревана

По просьбе автора гонорар перечисляется в Советский детский фонд.

Ответы на кроссворд, опубликованный в № 9, см. на стр. 124.

Сдано в набор 28.07.88. Подписано в печать 24.08.88. А 12291.
Формат 84×108¹/₃₂. Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,72. Усл. кр.-отт.
7,56. Уч.-изд. л. 9,40. Тираж 10 300 000 экз. (1-й завод: 2 600 000 экз.).
Заказ № 2863.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП.
Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Рис. В. Хозина

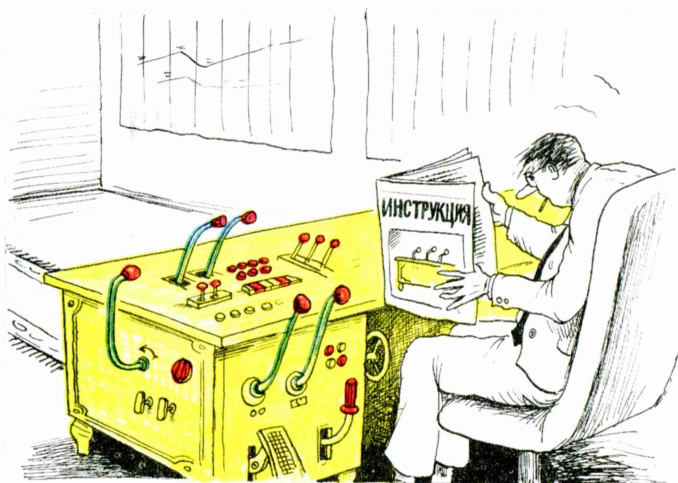

Рис. В. Ненашева

Цена 60 коп.
Индекс 71075

«Человек и закон»,
1988, № 10, 1—128.